

20-летию вывода из Демократической Республики Афганистан Ограниченного Контингента Советских войск и всем нашим землякам посвящается...

рно-публици

В номере:

- ★ «В этом, друг, и честь, и боль твои» документальные материалы о воинах-«афганцах»
- ★ Наступление Советских войск под Москвой. В танковой армии генерала Катукова в бой шли и мелекессцы
- ★ В наступлении под Сталинградом участвовали целые батальоны, сформированные в нашем городе
- ★ Тайные истории кладов в Мелекессе-Димитровграде. Расследование
- ★ «Под одной крышей» поэзия А.Осипова, П.Белова, В.Гордеева, Ю.Кононенко
- ★ С юбилеем: воину и поэту Валентину Манухину - 70 лет!
- ★ Приключенческий, научно-фантастический роман А.Никонова «Ковчег острова Альмендралехо»

Патриотический, литературнопублицистический альманах

Ульяновский региональный благотворительный общественный фона поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД «Эгида»

В выпуске альманаха принимают участие известные в Причеремшанье писатели, члены Димитровградского писательского отделения Союза писателей России, краеведыисторики, гости нашего города - российские писатели.

(Слева фото авторов в период службы в Вооруженных Силах)

ГОРДЕЕВ Валерий Член Союза писателей России, автор многих книг, поэт, публицист, переводчик.

КОРОБКОВ
Василий
Член Союза писателей
России. Автор многих
книг. Ныне живет
в Подмосковье.
В Димитровграде вышла
новая книга его стихов
«Таинственная лестница».

БЕЛОВ
Петр
Поэт. Живет
в селе Барышская
Слобода, Сурского
района нашей области.
В его литературном
багаже более
150 стихов.

КОНОНЕНКО Юрий Поэт. Автор многих подборок в ульяновских СМИ. Автор журнала «Черемшан». Жил в Димитровграде.

МАНУХИН
Валентин
Член Союза писателей
России. Боевой офицер
РВСН, служил на
космодромах Байконур
и Плесецк. Автор
нескольких книг,
журнальных
публикаций. Уроженец
Рязанской области,
живет и работает в
Димитровграде.

ОСИПОВ
Александр
Член Союза писателей
России.Поэт,
прозаик.Автор нескольких
книг
и публикаций в Москве.

НИКОНОВ
Александр
Член Союза писателей
России.Прозаик,
сказочник,
фантаст.Лауреат
литературных премий

СЫСУЕВ Виктор Член ДПО. Прозаик, поэт, баснописец, переводчик. Владеет несколькими языками. Автор книг по краеведению.

Мы - патриоты Отечества

Наш альманах рассчитан на безусого юношу, и воинаинтернационалиста, и - седоголового ветерана Великой Отечественной... На всех, кто не просто абстрактно любит нашу Родину - Великую Россию или, как нынче некоторые предпочитают выражаться: "ЭТУ страну", для нас и наших уважаемых читателей она РОССИЯ -ОДНА, ЕДИНСТВЕННАЯ И НЕДЕЛИМАЯ! Наш читатель- Патриот, разделяющий взгляды авторов альманаха.

Всем нам дорога земля Русская, в каждом веке обильно политая кровью ее сыновей-защитников. 18 апреля мы отметим одну из главных памятных дат в истории - День Воинской Славы России - 767-летие победы русского воинства под предводительством Святого Великого князя Александра Невского на льду Чудского озера над немецкими псами-рыцарями. И в старом Мелекессе свято чтили имя этого полководца, отстоявшего и преумножившего землю Родины - в его

честь был назван, построенный на народные пожертвования один из красивейших храмов Поволжья - Александро-Невский. Или как его нарекли наши предки - "КРАСНАЯ церковь", уничтоженная бывшими властями подчистую!

Верим, что найдутся еще патриоты Родины и родного города, как наш губернатор С. Морозов, Глава города Н. Горшенин, директор "Димитровградхиммаша" С. Михайлин, директор фирмы "Русич" В.Куренков, усилиями которых возродился Свято-Никольский храм на центральной городской площади, верим - возродят и храм во имя Святого князя Александра Невского!

День Защитника Отечества, это не только 23 февраля - дата создания Красной армии, но и многие другие славные даты в воинской истории России. Например, - 27 марта - это День Внутренних войск МВД, 12 апреля - День войск ПВО, 15 апреля -

День специалистов радиоэлектронной борьбы (ФАПСИ), а 6 мая - самый почитаемый воинский праздник на Святой Руси - День Святого Георгия Победоносца, покровителя воинства Российского! 9 мая - еще один великий праздник русского оружия - День Победы. Не можем мы забыть и такую, ставшую уже славной, дату - 7 мая - День создания ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ!

А разве не патриоты наши милиционеры, отмечающие 18 февраля День работников транспортной милиции? Или сотрудники МЧС РФ, которые 30 апреля, отмечают профиссиональный праздник - День российской пожарной охраны. А развеменьше любили Родину и своих сограждан наши ликвидаторы, клавшие жизнь и здоровье на алтарь Отечества, и 26 апреля отмечающие горькую дату - День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах? Или те, кто в прошлую войну не по своей воле стали военнопленными, те, кого и в наши дни берут в плен или заложником? И эта скорбная дата есть на календаре нашей Родины - 11 апреля - День освобождения узников концлагерей...

И все это - наша с вами, читатель, Родина. Это немногие, но яркие признаки патриотизма людей России во имя жизни на земле. И мы рассказываем о героях наших дней, о том, как россияне не жалеют себя, закрывая и ценой жизни нас с вами. "Совершенно НЕ секретно" - это издание для патриотов, о патриотах, это честный рассказ. Читайте нас!

2 марта исполняется 40 лет со дня героической обороны советскими пограничниками острова Даманский на реке Уссури.

Противостояние с Китаем

Сегодня уже мало кто помнит о том военном конфликте на советскокитайской границе. Время, новые политические реалии, новые взаимоотношения между нашими народами, - породили и «новую память». Такую радостную, например, как карнавальная Пекинская Олимпиада, взаимовыгодная торговля между нашими странами, проблемы китайской эмиграции в Россию...

Правда, эти проблемы стали иными. Столичная и дальневосточная пресса пестрит огорчительными фактами. Китайцы сегодня оседают почему-то вокруг важных стратегических объектов. Многие туристы из КНР становятся невозвращенцами на родину. Если китаец женится на территории России на нашей гражданке, он получает от своего государства порядка 80.000 юаней. Поощряется и скупка китайцами земельных участков в России. В городах, где наибольшая колония китайцев, в их сообществе распространены туберкулез, педикулез, чесотка. Чтобы осесть в России легально, многие китайцы скупают паспорта на имена российских корейцев. До сей поры на многих китайских картах нет города Владивостока, есть — Хайвэнь, Приморье окрашено в «китайский» цвет.

16 мая 1991 года бывший министр иностранных дел России Бессмертных подписал соглашение, по которому Китаю передано 400 гектаров земли в Ханкинском районе, 4300 километров восточного участка границы было демаркировано – не в нашу пользу, в Уссурийском районе Китаю передано 962 гектара лесных угодий, земли, политой священной кровью наших пограничников! Что интересно, что эти соглашения единогласно 13 февраля 1992 года ратифицировали наши бывшие депутаты Верховного Совета, в том числе и от Димитровграда - В.Кузин, а в самом Китае 287 депутатов Всекитайского Народного Собрания отказались голосовать, посчитав это решение несправедливым!

Раньше было несколько иначе. Прохождение линии советско-китайской границы определено Айгунским (1858г.), Тыньцзиньским (1858г.) и дополнительным Пекинским (1860г.) договорами. Об островах в них ничего не говорится, но стороны скрепили государственными печатями карту, на которой нанесена линия разграничения в Уссурийском крае. В районе острова Даманский она проходит непосредственно по китайскому берегу реки Уссури. До конца 60-х годов прошлого века китайцами не высказывалось никаких претензий в отношении линии границы. Но, когда в середине 50-х годов были достигнуты взаимные соглашения по некоторым островам, которые находятся вблизи китайского берега, и там частным порядком велась хозяйственная деятельность нашими соседями, те начали претендовать на островные земли, где их появление не было разрешено.

Затем во внутренней и внешней политике китайского руководства произошли изменения. Их официальная пропаганда стала превозносить завоевательские походы Чингисхана, объявленного «императором Китая», стали славить и манчжурского богды-хана Канаси, агрессивных феодалов. Публиковались карты КНР, на которых изображалась эта страна в «период наивысшего могущества», где в ее владениях оказывались обширные территории СССР. Одновременно в районах пограничных с нашей страной, было развернуто строительство аэродромов, подъездных путей, казарм, военных складов...

В ночь на 2 марта 1969 года около 300 вооруженных китайских солдат, нарушив госграницу с СССР, прошли через протоку Уссури на остров Даманский. Навстречу им выдвинулись 8 советских пограничников во главе с начальником заставы старшим лейтенантом Иваном Стрельниковым. Советские пограничники намеревались, как и всегда в таких случаях, заявить протест данной провокации и потребовать от китайцев покинуть нашу территорию. В ответ — зазвучали выстрелы! Еще по одной группе наших пограничников был открыт шквальный огонь с китайского берега, в том числе из минометов и орудий...

Пока не было офицеров, командование на себя взял сержант Юрий Бабанский (впоследствии он стал Героем Советского Союза), и со своими товарищами отбил у китайцев тела убитых пограничников. Рассказ о том бое можно найти в ульяновской «Народной газете» за 15.07. 98 г.:

«Пограничники были не просто убиты, они подверглись глумлению, оскорбительному и страшному. Орденоносец, водитель бронетранспортера Лев Седов вспоминает:

- ...перед глазами тела наших ребят. С животами, вспоротыми и с х... во ртах. Ну и бил же я их! Я догоняю их, вижу, как крупнокалиберные пули из пулемета Юры Бабанского напрочь китайцам головы сносят. Кричу Юрке — не трать патроны, дай я их! И — гусеницами, гусеницами...вышли из боя, пришлось полдня машину мыть. И нисколько не стыдно мне было. После того, что они с моими друзьями сделали...

Потом, когда наши войска подошли, гордость за Родину разобрала. Дивизион «градов» за два часа работы так перепахал их укрепления, что, наверное, там до сих пор трава не растет».

Наш земляк «даманец», полковник в отставке Иван Федорович Кононенко (к сожалению, его уже нет с нами), рассказывал мне, как солдаты и офицеры их саперного батальона по ночам нашпиговывали остров «противопехотками» и минами-«сюрпризами»:

- Бои продолжались до 14 марта. Тогда вблизи китайского берега провалился под лед секретный советский танк Т-62, подорвать его поручили группе, в которой был и младший сержант Виктор Санжаров. В темноте они напоролись на китайцев...

Санжаров и Сокольников, полоснув из автоматов, рванулись вперед, но в них полетели ручные гранаты. Виктор упал на землю. А рядом тот час защипела граната. Схватил ее и бросил в сторону, но последовал взрыв! Осколком пробило правое предплечье, обожгло лицо... Но ребята выполнили свою задачу: подорвали секретный танк, правда, на нем уже были сняты китайцами радиостанция, некоторые узлы. Потом командующий войсками округа предстал «на ковер» министра обороны маршала Гречко, а тот распекал: «Кто позволил устраивать на острове «парад новейшей техники»?! А Санжарова все-таки наградили орденом Славы III степени. Такими орденами награждали только солдат на Великой Отечественной войне. Значит, и в районе острова Даманский шла настоящая война с китайцами...

В сентябре 1969 года министр иностранных дел СССР и китайский министр Чжоу Эньлай подписали в Пекине документ, согласно которому каждая сторона – советская и китайская – должны оставаться там, где находятся в данный момент. Но китайцы отправили на Даманский взвод боевого дежурства. Провели инженерные работы по сращиванию Даманского со своим берегом, стали утверждать, что это их территория...

Напряженность в приграничных с Китаем районах и территориальные споры продолжались вплоть до XXI века, когда споры были успешно завершены. Правда остается вопрос: надолго ли? Вспоминая всех, участвовавших в тех приграничных боях и воинов Пограничных войск КГБ СССР, и солдат Вооруженных Сил нашей страны, мы не можем забыть их подвиги. Кавалеров ордена Ленина - Василия Каныгина, Александра Константинова, Александра Смирнова, Героев Советского Союза - Демократа Леонова, Виталия Бубенина, Юрия Бабанского, простых воинов С. Карева, И.Стрельникова, А.Павлова, Г.Сереброва, В.Захарова, Е.Шмокина. М.Барыбина, Н. Асандия... Еще тысячи других солдат и офицеров великой страны.

Говорят: война – продолжение политики. Видимо потому, солдат, павший на поле боя во имя великой государственной идеи, подчинившийся приказу, тем выполнив долг перед родиной и соотечественниками, - неподсуден! Память

о нем должно чтить пока жив народ, родивший этого солдата. Но сколько правды нужно узнать еще, чтобы мы осознали: армия не обязана оплачивать векселя проштрафившихся политиков.

В следующих номерах нашего альманаха мы надеемся отметить 40-летие военного конфликта между СССР и Китаем у озера Жаланашколь и рассказать о боях на территории Казахстана в августе 1969 года.

20-летию вывода из Демократической Республики Афганистан Ограниченного Контингента Советских войск и всем нашим землякам - воинаминтернационалистам посвящается...

В этом, друг, и честь, и боль твои...

Это всего лишь одна строчка из большого поэтического цикла димитровградского воина-интернационалиста Александра Челышева, носколько в ней мудрости и смысла! Еще в 1987 году в туркменской столице - Ашхабаде проходил первый в СССР - Сбор молодых воинов запаса со всей большой тогда страны. От Ульяновской области там побывала делегация из восьми человек (двое были из Димитровграда - Николай Николаев, руководитель клуба «Юный десантник» и заведующий отделом Мелекесской районной газеты «Знамя труда» Андрей Федотов). Бывшие воины-интернационалисты, объединенные одной идеей - любви к армии и родине, еще тогда единодушно высказывались за создание единого в СССР - Всесоюзного Военно-Патриотического объединения, которое могло бы помогать вернувшимся из «Афгана» солдатам и офицерам эффективно вести военно-патриотическую работу с молодежью. Прошли годы, ушли люди, страны...

Но сегодня в нашем городе и в России действуют настоящие военнопатриотические организации «Союз ветеранов войны в Афганистане» и Всероссийское общественное движение ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство». Участники этих организаций, бывшие военнослужащие, имеющие богатый боевой опыт, на деле знают почем «фунт лиха» на настоящей войне. И они готовы не только вести патриотическую работу и начальную военную подготовку с подрастающим поколением, но и делиться опытом, осуществлять поддержку своих нуждающихся в заботе товарищей, рассказывать нам правду о «ТЕХ» войнах, в которые их ввергали заигравшиеся политики и, выполняя приказы Родины, они самоотверженно выполняли свой долг. Не нам их судить, не нам гадать о правоте или вине воинов, героически исполнивших боевую задачу. Вернувшихся. Израненных. Навсегда оставшихся на полях брани. Спасибо вам, парни за то, что вы сделали, за то, что вы есть среди нас сегодня!

Александр ЧЕЛЫШЕВ

Из Афганского дневника

Вечная боль

Я вспоминаю тех, кого нет с нами. И вновь передо мной Афганистан. Здесь мы с тобой прошли все это сами, И снова - мы с тобой как будто там.

Из-за дувалов снова в нас стреляют, И значит гады - «духи» в кишлаке, А нам комбат опять определяет - Отбить кишлак у них. В одном рывке!

И эти наши русские ребята, Как русские и прадеды когда-то, Идут в огонь за совесть, не за страх, -Отбить кишлак! Чтоб в наших был руках.

И, падая на голом минном поле, Сжимают зубы, чтоб не выдать боли. Встают, опять вперед идут, Чтоб взять редут! Тот проклятый редут...

А после боя, сняв свои береты, Мы встанем над телами тех ребят, Что не дошли до стен Джелалабада, И - перед нами здесь теперь лежат.

Тут полетят в конвертах похоронки, Забьется в крике снова чья-то мать... А боль в сердца вопьется многим, многим, И эту боль вовеки не унять!

Мы вечно будем помнить вас, ребята: Кто шел под пулями освобождать Герат. И, если людям будет очень нужно, - Пойдем мы защищать Афган опять.

Александр Владимирович Челышев воин-интернационалист, участник боев в Республике Ангола с марта 1976-го по октябрь 1977 года

Десант

Я молча выпью за ребят За тех, кто под плитою... Тебя мы помним, брат-солдат, Мы навсегда с тобою.

Сегодня вновь - плечо к плечу, В строю стоим мы снова. И я ответственно скажу: - Десант всему основа!

Так за десант, за наш берет, За славу, честь, Державу, - Врагам всегда один ответ: - Десант не спит. Тряситесь, гады!

Асадабадский гарнизон

В судьбе каждого бывают яркие моменты, о которых он вспоминает всю жизнь. У сержанта запаса Хайретдинова Фярита все они связаны с афганской войной и службой в Джелалабадской мотострелковой бригаде в г.Асадабад.

Фярит Ахметович Хайретдинов родился в 1967 году в селе Мордово-Озеро. По окончании школы поступил в Рязановский совхоз-техникум, который успешно окончил и был принят в колхоз «Ирек» комбайнером.

В ноябре 1986 года его призвали на службу в город Теджен Туркменской ССР, где, приняв присягу, прошел курс молодого бойца. Через месяц был отправлен в учебный центр Ашхабада, где готовили командиров БМП-2.

Через шесть месяцев младший сержант Хайретдинов уже был в Демократической Республике Афганистан, в мотострелковой бригаде, местом базирования которой была провинция Нангархар.

Служить пришлось на одной из застав под названием Лахарсары, что в провинции Кунар на границе с Пакистаном. В задачу подразделения входила охрана города Асадабад, выявление огневых точек противника, контроль за продвижением караванов.

В ноябре 1987 года душманы напали на заставу, на которой служил командиром отделения сержант Хайретдинов. Бойцы не спасовали перед врагом и дали ему достойный отпор. За решительные действия в этом бою Фярит Ахметович был награжден медалью «За боевые заслуги».

Асадабад... Недалеко граница и душманские лагеря в Пешеваре. Чуть не каждый день обстрелы из минометов и реактивными снарядами, гибель друзей - все это осталось в памяти навечно. И сегодня Фярит Ахметович помнит фамилии своих погибших товарищей. За время службы в роте погибло пять человек: рядовой Морданов, младший сержант Джураев, рядовой Юсупов, младший сержант Яликабов, на заставе подорвался на мине сержант Курляк....

Подтверждением мужества подразделений Асадабадского гарнизона советских войск служит тот факт, что когда в соответствии с Женевскими соглашениями в 1988 году части покинули город, душманы взяли его всего за несколько дней. И это, несмотря на то, что в городе и его окрестностях стояла пехотная афганская дивизия, части и подразделения царандоя (милиции), ХАДа, отряды самообороны. Можно догадаться, кто с 1979 по 1988 год поддерживал, обеспечивал порядок и покой мирных жителей в провинции.

15 мая 1988 года батальон, в котором служил Фярит, пересек границу Афганистана и СССР, где и был расформирован. Дослуживал уже сержант Хайретдинов в Приморском крае в разведывательном батальоне в должности командира плавающего танка, где за добросовестное исполнение служебных обязанностей был награжден знаком - «70 лет Дальневосточному военному округу».

За боевые действия в Демократической республике Афганистан Хайретдинов Фярит Ахметович отмечен советскими, российскими и афганскими государственными наградами. Сейчас он работает в цехе защищенного грунта ГНЦ НИИАР.

Каждой войне оценку дает время. Афганской войне будет отведено

подобающее ей место. Очень хочется верить, что еще придет время, когда люди поймут, что мы там воевали за свое Отечество, - говорит Фярит Ахметович.

В.Шипанский

1980 год. Проверку на дорогах проводят воины 357-го гвардейского парашютно-десантного полка.

Победить и выжить

Сотни наших солдат прошли через горнило афганской войны. Один из участников той войны, о которой и сейчас написано немного - кавалер многих наград и при этом исключительно скромный человек - Александр Станиславович Кузнецов.

В Афганистане служил в должности пулеметчика. С 1982 по 1984 годы в составе 66 отдельной мотострелковой бригады в г.Джелалабад. Здесь и получил свое первое боевое крещение.

Шел 1983 год. По оперативным данным разведки в окрестностях Джелалабада должна появиться банда душманов, которая

терроризировала местное население и устанавливала засады на подразделения советских войск на дорогах. На уничтожение банды к предполагаемому населённому пункту была направлена бронегруппа из пятнадцати человек, в составе которой был и Александр Кузнецов. Прибыли на место, заняли позиции и стали ждать "духов". Утром, на рассвете они появились. Завязалсябой. Огонь со стороны душманов был такой, что невозможно было поднять головы. Пули летели со всех сторон, рикошетя о камни. Особенно "доставал" пулемет духов. Силы противника по численности превосходили количество бойцов группы. Командир по рации вызвал к месту боя подкрепление. Помощь подоспела вовремя. Все позиции и огневые точки были уничтожены и подавлены. Душманам пришлось отступить в горы.

Этот бой был первым у Александра, потом боевая жизнь его закрутилась привычной "каруселью". Блокировка участков дороги при прохождении колонн с грузом и их сопровождение, ночные засады в горах, участие в боевых армейских операциях, наряды.

Суровые условия военных действий в горах требовали от солдат физической выносливости, приходилось много ходить и перемещаться с боевым снаряжением. Выдерживать такие физические и моральные нагрузки мог не всякий, Александру помогала спортивная закалка. Более половины в роте были спортсменами-разрядниками. Сам Александр до армии увлекался лыжными гонками, биатлоном, плаваньем, туризмом. В армию пришел подготовленным. Благодаря физической подготовке он сумел побеждать и выживать в горах Афганистана.

В сентябре 1983 года группу, в которой служил Александр Кузнецов, послали в район окрестностей Джелалабада, где в двенадцати километрах от места расположения бригады был обнаружен склад боеприпасов. Выделили двух афганцев-проводников. При следовании группы Александр был замыкающим. Прошли зеленую зону, по горной тропке вошли в ущелье и при выходе попали в засаду под шквальный перекрестный огонь. С первых минут боя появились убитые и раненные. Упали сраженные пулями проводники-афганцы, убит

друг Александра - сержант из Белоруссии, пулей срезало антенну на рации. Группа осталась без связи. Заняли круговую оборону. Рядовой Кузнецов в сложной обстановке не растерялся, оказал первую помощь раненому товарищу, вколол обезболивающее, собрал оружие убитых и открыл пулеметный огонь. Душманы пытались подойти ближе, но ответный огонь группы разведчиков не позволял им приблизиться вплотную. Стрельба как началась, так и прекратилась. Наступила тишина. Посмотрев вправо, Александр увидел в нескольких шагах от себя душмана, раздалась автоматная очередь, которая прошла в нескольких сантиметрах от головы. Командир группы лейтенант Нечаев автоматной очередью срезал "духа". Уцелевшие бойцы продолжили бой с наседавшими "духами".

В самом начале боя по приказу командира группы одному из бойцов удалось выбраться по руслу ручья из окружения и добраться до своих. Помощь бойцам подошла вовремя. Банда была уничтожена. Этот день Александр Станиславович считает вторым днем своего рождения.

В феврале 1984 года за смекалку и решительные действия в бою рядовой Кузнецов был награжден медалью "За отвагу".

Вернувшись, домой обзавелся семьей, вместе с женой Ириной воспитывает дочь и сына.

Сегодня простой солдат афганской войны Александр Кузнецов остается скромным тружеником, работает мастером производственного обучения в профессионально-техническом училище №124. Встречается с молодёжью, делится с ними опытом, и на примерах своих боевых товарищей воспитывает в них мужество, доблесть, любовь к Родине.

В. Щипанский, участник войны в Афганистане.

Разведчик обезврежен

С наступлением темноты воины нашего взвода, находящегося в боевом охранении, усилили бдительность. Это было естественно: мы находились в непосредственном соприкосновении с «противником». И, надо сказать - с активно действующим «противником».

Вполне он мог в эту ночь предпринять атаку на позиции подразделения. Однако все было спокойно, но мы продолжали еще бдительнее

всматриваться в предрассветную мглу. Вдруг сигнал: «Вижу «противника!».

Разведчик «неприятеля» ужом пробирался между валунами, пытаясь приблизиться к нашей обороне. По сигналу командира взвода гвардии старший сержант Л. Горшков и рядовой Ю.КОНДАКОВ начали незаметно обходить разведчика справа. Слева пути отхода ему перерезали гвардии младший сержант Цыплаков и ефрейтор Кузнецов.

Разведчик заметил наших гвардейцев, когда они были совсем рядом с ним. Он метнулся в одну сторону, другую, но ловкими приемами самбо был повален на землю и обезоружен. Так «противник» не добыл разведданных о подразделении.

Рядовой У. АЛИЕВ

По материалам газеты «Гвардейская доблесть», № 123 от 15.10.1981г.

Противоборство

О героях из Димитровграда писала и газета Туркестанского военного округа "Фрунзевец":

"Из железного кольца вышел всего один из разведгруппы "противника". Всего один. Его сразу же начали преследовать лейтенант Танин и рядовые Торопов и МАЛЫШЕВ. Довольно скоро они настигли беглеца.

Взять его сейчас не составляло труда. Но Танин медлил. С самого начала лейтенанта удивило вот что: беглец, словно сознательно углублялся в наш тыл, уходил все дальше и дальше...

Ночь совсем сгустилась. Танин прикинул: километров десять позади.

Прошел час преследования. И еще один. И вдруг над головой раздался хриплый и неожиданно громкий в хрустальной горной тишине то ли окрик, то ли вопрос.

Разведчик приостановился, что-то ответил и пошел вперед. Он начал обходить плато слева, а Торопов и МАЛЫШЕВ - справа.

"До рассвета не снимутся", - размышлял Танин, пытаясь точнее прикинуть численность группы "противника".

... Рассвет начался неожиданно скоро. Внизу обозначались камни, фигуры. "Пять...десять...двадцать...двадцать пять...".

Солдаты "противника" спали прямо на камнях, укрывшись чем попало. Некоторые, потягиваясь, уже вставали. "Пора!" - подумал Танин и дал очередь туда, где больше всего чернело фигур. И сразу же с разных сторон его поддержали огнем МАЛЫШЕВ и Торопов.

"Противник" беспорядочно метался внизу, даже не пытаясь организовать сопротивление. А десантникам это было только на руку.

...Когда все кончилось, Танин заметил: несмотря на бессонную ночь, "бой", его подчиненные возбуждены, улыбчивы. И Танин вдруг понял, отчего это!

Он и его подчиненные верили в себя, в свое оружие. И эта вера оправдала себя с лихвой. Победа была полной. И теперь десантники были по настоящему счастливы...

Ст. лейтенант О. Исмагилов"

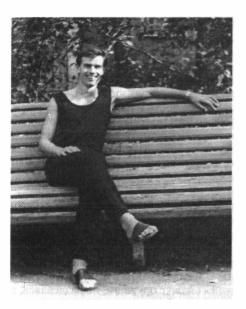

Земляки: Юрий Кондаков, Николай Николаев и Валерий Соя.

В горах Афганистана. В боевом рейде разведрота 357-го ПДП.

Чужой войной оборваны пути

Дмитрий МИЩЕНКО

Родился я 15 сентября 1965 года на Украине, в городе Торез Лонецкой области. Отец инженер, мама - воспитатель детского сада. В 1970 году наша семья переехала на постоянное место жительства в город Ульяновск. Там я в 1982 году закончил 11 среднюю школу, а в 1984 году - железнодорожное училище ТУ-3. До призыва в армию успел пару месяцев поработать помощником машиниста тепловоза. Правда, до того на базе ДОСААФ проходил обучение по специальности "электромеханик передвижных дизельных электростанций" и поначалу был приписан к

команде, из которой призывники проходили службу в ГДР. Однако, чуть позже, я получил из военкомата вызов на обучение по новому профилю - прыжкам с парашютом. После выполнения 3-х прыжков с АН-2, род войск и команду в личном деле мне сменили на ВДВэшные.

23 апреля 1984 года я был призван на службу в СА. Поездом из Ульяновска призывников 3 дня везли до Ферганы - в профильную (афганскую) учебку воздушно-десантных войск. Несколько ребят из нашего района уже успели ее пройти, и для нас не было тайной место нашей дальнейшей службы. Тайной это было для некоторых родителей - очень многие мои сослуживцы так и писали домой письма из "Монголии", меня же перед самой отправкой из учебки успели навестить родные, поэтому они знали, где я служил. В то время тема Афганистана была закрытой и практически единственное, что лично я об этом слышал: "военное присутствие Ограниченного Контингента Советских войск в ДРА необходимо для защиты южных рубежей нашей Родины".

Именно в этом стиле были оформлены агитстенды и проводились политзанятия в Ферганской учебной части. Кроме прохождения стандартного "курса молодого бойца", нас обучали тактическим приемам ведения боя в условиях горной местности, приучали к питьевому режиму и усиленно загружали физической подготовкой. В учебной части я получил воинскую специальность стрелка и успел выполнить еще 3 прыжка с парашютом (хотя всего предполагалось выполнить шесть). Вместо предполагаемых 6 месяцев, срок моего пребывания в Фергане составил всего 3 месяца - 10 августа 1984 года меня, в составе группы из 180 молодых солдат, досрочно, перебросили в

Афганистан (по слухам - для восполнения потерь в летних боевых действиях). Летели грузовым ИЛ-76 от Ферганы до Кабула, где всех вновь прибывших распределили по разным подразделениям.

Я попал служить в 1-й взвод 5 роты 2-батальона 317 полка 103 парашютнодесантной Витебской дивизии ВДВ. Прекрасно помню мое первое утро в
Афганистане - проснулся от громкого пения муллы на минарете. Наш батальон
базировался в Кабуле, непосредственно на территории Дворца Народов, рядом
с резиденцией Бабрака Кармаля - председателя правительства ДРА (несколько
раз мне довелось видеть его в непосредственной близости). В части мне
пришлось освоить новую военную специальность - наводчика-оператора
сначала БМД (боевых машин десанта), затем БМП (боевых машин пехоты), а в
последний месяц и БТР (бронегранспортер) успел освоить. Наводчик-оператор
отвечает за орудие, спаренный с ним крупнокалиберный пулемет и радиосвязь
по бортовой рации. В составе экипажа машины я выезжал в ночные патрули
по Кабулу, где мы следили за соблюдением комендантского часа; на усиленную
охрану объектов; на боевые действия.

Почти весь первый год службы прошел в сплошной череде караульных нарядов по охране объектов, находящихся на территории нашего полка. Режим был тяжелый - четверо суток в карауле, с ежесуточным сном не более 3-4 часов, потом 2 дня перерыв и опять в караул на 4 суток. Среди часовых из числа солдат-первогодков нередки были случаи галлюцинаций и даже падений со сторожевых башен, вызванные изматывающим хроническим недосыпанием. В караульном помещении спали с оружием, не раздеваясь, а часто и не разуваясь, поскольку требовалось прибытие караула по тревожному вызову на охраняемый объект в максимально сжатый срок. Несколько раз я, в составе взвода, нес караульную службу по охране виллы нашего главного военного советника в ДРА - там режим службы и условия были относительно легче...

Все остальное - в моих стихах на эту трудную тему.

2 августа - День ВДВ

Два года был я в ДРА, где горы, пули и жара. Служить там было нелегко, я вынес все - судьбе назло. Вернулся цел и невредим, но то, что было не забыл.

Привыкнуть трудно было мне, что нет здесь гибели в огне. Что где-то там, в чужой стране ребята лезут по горе, воды глоток последний берегут и, не жалея, отстающим отдают.

А я и ем и пью, когда хочу, к подруге на свидания хожу, но все же в ОКСВА всегда служить останусь сердцем я.

Август 1986

На «Афганской» аллее

Перед твоим портретом стоя, учебку вспомнил в Фергане, там собирали новобранцев, чтоб на прокорм отдать войне.

Нам тропы разные готовил афганский горный лабиринт в строю гранитных обелисков Владимир Пальшинцев стоит.

А скулы каменно твердеют, когда гляжу на твой портрет, не лечит время боль утраты, не зарастает раны след.

Декабрь 1998

* * *

Мальчишкам "зеленым" с учебной скамьи со смертью пришлось пообщаться на - "ты". Иные сгорели как порох в огне, а кто уцелел - стали крепче вдвойне.

Декабрь 1998

Афганский обелиск

Плита гранита, строки золотые фамилий: все ребята молодые - от восемнадцати до двадцати пяти, чужой войной оборваны пути... Декабрь 1998

С тех пор минуло зим и весен много, но не забылась" дембеля" дорога. Жара, Кабул, взлетаем на ИЛе. Союз. Ташкент - мы на родной земле. В Самару поезд, на троих купе, бутылка и закуска на столе. Такси в Ульяновск, за окном - леса, поля -Руси просторная краса. Вдруг, в полночь, - Волги ширь, над ней Луна, в висках стучит, и нервы, как струна. Двор, дом, подъезд, взлетаю по ступеням. Смотрю на дверь и - сам себе не верю. Звоню, открыли - радость, суета. Как за два года выросла сестра! Пес бросился - спросонья не узнал (наутро долго руки мне лизал)... Родительскому счастью края нет, вернулся сын, как не было тех лет двух лет войны, которую прошли в чужой стране отцов не воевавших дети. Зачем, за что и кто за то в ответе? 25 декабря 1998

* * *

Афганистан горит в моей душе, он мне напалмом сердце выжигает. Идут года, а боль не утихает, я с ней сроднился и привык уже... Чужой я на гражданке средь своих, как - белая ворона среди черных, и криком на бумагу рвется стих о перевалах и ущельях горных. Нас Родина отправила туда и мы пошли, - ведь мы ей присягали, опалены войной мальчишечьи года. но ведь не зря в Афгане побывали! Там научились мы ценить друзей. и этого не объяснить словами, там посмотрели новыми глазами на наших постаревших матерей. Там было все сурово, по-мужски, мы многое на службе повидали, и орденов колодки и медалей ве нчают наши ратные пути.

25 августа 2005

к ЦА.

Уже нам на "дембель" пришел приказ и мысли к дому легли, но надо было в последний раз съездить в Пули-Хумри. Это была колонна моя. ноты подошел и сказал: "Давай в этот раз поеду я?" Эх, если б я только знал!... Там под Кабулом твоя БМП на мине подорвалась, башню сорвало и в тот же миг жизнь твоя оборвалась... Заправлена строго койка твоя, а сверху - лежит берет, молча стоят вокруг "дембеля", не веря, что Сашки нет. Ты улетел раньше всех домой увез тебя "Черный тюльпан", но наша память всегда с тобой и мы не забыли Афган!

26 августа 2005

Количество воинов-интернационалистов, участвовавших в боевых действиях в Афганистане (призваны с территорий государств СНГ)

Государство	Количество, чел.	Процент
Азербайджан	3369	0,5
Армения	5391	0,8
Беларусь	37062	5,5
Грузия	3369	0,5
Казахстан	37006	5,5
Кыргызстан	13477	2,0
Молдова	7412	1,1
Россия	306600	45,5
Таджикистан	1 5498	2,3
Туркменистан	12129	1,8
Узбекистан	72102	10,7
Украина	160375	23,8
Итого	673846	·

Официальный ввод регулярных частей Советской Армии в Афганистан начался 25 декабря 1979 года, а их вывод был завершен 15 февраля 1989 года.

За это время в боевых действиях и их обеспечении приняли участие 620 тысяч советских военнослужащих и 21 тысяча рабочих и служащих.

Общие безвозвратные людские потери в Афганистане

(убитые, умершие от ран и болезней, погибшие в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев) -14453 человека, в том числе:

убито в бою - 9511;

умерло от ран - 2386;

умерло от болезней - 817;

погибло в авариях, катастрофах, в результате происшествий, покончило жизнь самоубийством - 1739.

По категориям:

генералов - 4;

офицеров - 2129;

прапорщиков - 632;

сержантов и солдат - 11549;

рабочих и служащих - 139.

Пропало без вести и попало в плен - 417 человек, 119 из них были освобождены; 97 вернулись домой, 22 живут в других странах.

Общие санитарные потери в Афганистане составили 469685 человек.

- В том числе:
- -ранено, контужено, травмировано 53753;
- заболело 415932.

Изних:

- возвращено в строй 455071;
- уволено по состоянию здоровья 11654;
- умерло (они включены в число безвозвратных потерь) -2960.

Заболевшие по категориям:

- офицеры и прапорщики 10287;
- сержанты и солдаты 447493;
- -рабочие и служащие 11905.

Из них 11654 уволенных по состоянию здоровья, 10751 человек стали инвалидами:

- 1-й группы 672;
- 2-й группы 4216;
- 3-й группы 5863.

Потери техники и вооружения:

- самолетов 118;
- вертолетов 333;
- танков 147;
- боевых машин пехоты, десанта, бронетранспортеров 1314;
- орудий и минометов 433;
- радиостанций и командно-штабных машин 1138;
- инженерных машин 510;
- автомобилей бортовых и бензовозов 11369.

Карта расположения разведывательных подразделений и спецчастей на территории ДРА.

Письма классному руководителю

История, которая легла в основу рассказа - это взятая из жизни зарисовка, документальный факт. Автор облачил их только в определенные литературные формы. Автор писем - наш земляк, учившийся в одном из средних специальных заведений Димитровграда, воин-"афганец". Но прототип главного героя очень скромный и щепетильный человек, потому его фамилия не будет названа. Возможно, его друзья-земляки узнают своего товарища по учебе или оружию, но это ровно ничего не значит. Герой так и останется нам безвестным...

- Я, как директор техникума не подпишу такую характеристику, - строго сказал Ким Фролыч Гнусин классному руководителю выпускника Чернова, вы занимаетесь укрывательством и очковтирательством. Да, да! Ваш Чернов, упирая на междометие "ваш", продолжал Гнусин, - разгильдяй. Один из худших.

А вы мне филькину грамоту подсовываете. Вашему Чернову в колонии место, поймите. Сколько раз вам говорилось, чтобы вы убрали его из старост? Он, этот разгильдяй, не без вашей, кстати, помощи, всю группу разложил. Да, да уважаемый! А вы ему потакали.

- Группа, как группа. Ни по одному показателю среди связистов последней не была, парировал классный руководитель.
- Нашли чем гордиться, возмутился Гнусин. Ваш Чернов дрался на стадионе? Дрался. Двойки имел? Имел. Занятия пропускал? Пропускал. Красные повязки, будучи дежурным, терял? Терял. Прогульщиков, вместе с вами, уважаемый, укрывал? Укрывал. Да, да! Это вы его всегда защищали. И сейчас эту цидульку мне подсовываете. Идите и перепишите. Отразите в характеристике все его художества. Да-с. Пусть военкомат пошлёт его служить туда, где Макар телят не пас, уточнил Гнусин.

... Через семь месяцев после этого разговора Виктору Васильевичу совершенно неожиданно в учительской вручили письмо. Под графой "адрес отправителя" значился номер полевой почты и фамилия - Чернов Н.И.

Письмо первое, от 14.02.86г.

"Привет с Кабула!

Здравств уйте уважаемый Виктор Васильевич!

С огромным приветом с солнечного Афганистана к Вам, ваш бывший воспитанник Коля Чернов. Начну с самого начала. Привезли в армию 10 мая 1985 года в учебное подразделение (Литовская ССР) где, прослужил пять месяцев, получил звание мл. сержанта и в ... ДРА. Служба здесь, конечно, нелегкая, но интересная в каком-то роде. Дали мне в подчинение отделение, в нем старослужащие и молодые. Поначалу было очень трудно руководить ими - ребята боевые, многие награждены орденами и медалями. А я молодой сержант с учебки и не знаю, как начинать свою работу, а армия есть армия - спрос большой, особенно с сержантов. За каждого отвечаешь головой. Пришлось вспомнить Ваши слова, которые Вы неоднократно говорили, что нам всем придется руководить людьми и этому надо учиться. Но ребята здесь очень дружные. Я быстро влился в коллектив, меня уважают, так что всё у меня пошло в гору. Одним словом я не жалею что служу именно здесь, а не в Союзе. Что-либо конкретное о службе не напишешь - нельзя. Со мной в одной роте служит Олег Кушнарёв - тоже командир отделения. В одном полку со мной Ивушкин Серёга с парадлельной группы, а Игорь Кошкин где-то на точке. Так что, наш политехникум, как видите, уже в Афганистане. Постараемся не подвести Вас. Весь мужской коллектив преподавателей с Днем Советской Армии и Военно-Морского флота...

Бывший воспитанник группы связистов, немножко "разгильдяй" Чернов Н.И."

Письмо второе, от 13.03.86г.

"Привет с Кабула!

... Строки Вашего письма на некоторое время возвратили меня в прошлое, в техникум. Все это было, но, увы - ушло. Сейчас для меня главное - это прослужить с достоинством эти 1,5 года в Афганистане, не уронив честь

наших земляков и моей Родины. К сожалению, есть у нас в социалистическом обществе "недоноски" (иначе я не могу их по другому назвать), которые предают нашу прекрасную Родину, своих матерей, родных и близких даже здесь, в Афганистане. Слава Богу, таких единицы и нам есть, кем гордиться: такими героями восьмидесятых годов, как Николай Чепин, Александр Мироненко, (имена подлинные), которые навсегда остались молодыми в наших сердиах. Так что, наша советская молодежь никогда не подведет и. если наступит час выбора жизни и смерти во имя жизни, то наши ребята выберут последнее. Вообще здесь в Афганистане (я по своим подчиненным, конечно, сужу)- золотые ребята, но бывают и неуставные взаимоотношения, за что попадает от комроты. У меня все по-прежнему. Скажу честно: кто в гражданке шустрит, тому легче ужиться в коллективе и легче в армии, ну а другим труднее. Олег тоже командир отделения, как и я. Так же имеет свою боевую машину - БМП-2. Серега Ивушкин тоже в моем полку служит, но видимся с ним редко (служим в разных батальонах). Ходим на боевые действия и выполняем задачи отдельно. Немного о наших ребятах. Серега Огнев служит в ПВО (Германия). Олег Гладилин там же, во взводе охраны аэродрома. Ильин Вовка в ВДВ (Молдавия). Серёга Мингачёв в Белоруссии. Я с Юриком Кабановым переписывался, но потом адрес затерялся, если Вы узнаете пришлите. Сергей Мишин служит в Туле (связь). Как видите, разбросало нас по всей стране и за рубеж.

... До свидания! С уважением к Вам, Коля".

Письмо третье от 14.08.86г.

"Привет из Кабула!

... Получил от Вас письмо - рад, что Вы немного отдохнули на Черном море. Я тоже здесь "отдыхаю", тот же "Крым", солнце, фрукты, воды только маловато...Сейчас ездили зелёнку вырубать, которая подходит близко к дороге. Из нее часто обстреливают наши колонны, идущие из Союза. Вот там немного отвлеклись от службы - рыбки половили, конечно, не удочками, а гранатами. Яблок поели, груш...

О себе: выполняем поставленные нам боезадачи. В газетах о нас пишут, но только мы выступаем там, как "афганская армия" (это должно быть понятно). Недавно на построении полка вручали правительственные награды. С нашей роты тоже двоим вручили. Собрали торжественный стол - обмыли ордена. Приятно. Второго августа отмечали день ВДВ. Как раз мы были на операции в Пагмане. Вот спустились с гор (4 200м), организовали баню в полевых условиях, затем был праздничный стол и торжественное собрание. Выступал комдив и генерал "нашей" армии. Вручили ценные подарки, мне книгу подарили. Мы ещё после с ребятами сами слепили пельмени: мука и вода нашлись быстро, а за фарш сошла тушенка. А на следующий день опять в горы. Боевая операция прошла хорошо - жертв мало, взяли много трофеев китайского образца.

Лично у меня все хорошо - наладил переписку с троими ребятами из

нашей группы. Они тоже сержанты и просили передать Вам привет. С уважением Коля.

P.S. Насчет вывода наших войск из Афганистана (6 полков) - это будет, но увы, нас не коснется. Будут выводить, так сказать, не нужные здесь войска, которые вконец разложились. ВДВ первыми пришли, последними уйдут, а когда? Наверное, моим детям хватит..."

Письмо четвертое от 23.09.86г.

"Привет из *Кабула!*

... У нас всё хорошо. Сейчас сидим на политзанятиях - лекцию пишем. Через 3 дня осенний Приказ, скоро ребята поедут домой, а нам ещё трудиться до весны... теперь мы в роте самый старый призыв - год, как здесь. Значит, мама Олега Кушнарёва говорит, что я награжден орденом Красной Звезды. Олег поторопился. Зачем он написал об этом, а о себе промолчал. Ну, "Красной Звезды" я ещё не получил, хотя и пришло подтверждение в полк. Где-то в октябре-ноябре будет награждение, меня орденом, а Олега медалью "За боевые заслуги". У Серёги Ивушкина уже есть медаль "За боевые заслуги" (он уже награжден). Ну, а как у Вас дела? Как новая группа? Опять воспитывать? Что нового в техникуме? Большой привет нашему коллективу преподавателей, Юлию Ивановичу Синёву и Ивану Александровичу Груздеву.

С уважением, Коля. г.Кабул".

Письмо пятое от 08.12.86г.

"Привет из Кабула!

… Получил медаль "За отвагу". Орден урезали, но эта медаль высшая солдатская награда, так что теперь уж точно можно поздравить. Вот высылаю Вам фото на память, правда, оно у меня одно, но для хорошего человека не жалко. Как видите, Олег тоже награжден (медаль "За боевые заслуги")… Служба пошла на убыль, но отдыхать не приходится. Сейчас дисциплина - прежде всего. Так что, приходится ещё рулить. Правда, осталось "уже", но для меня "ещё" 110 дней до Приказа. В роте всё нормально - все живы, здоровы. Как у Вас дела? Как здоровье? Как группа? Наверно уже немало седин принесла? Большой десантный привет передавайте коллективу преподавателей у которых я учился - И.А.Груздеву (- особенный, пусть не болеет. Передайте ему, что земляки не подводят, служат, как положено. Юлию Ивановичу привет. Наверно, ещё помнит разгильдяя Чернова. С наступающим Новым годом, здоровья, мира и добра.

С уважением, Коля. г.Кабул".

Письмо шестое от 16.01.87г.

"Привет из Кабула!

… Не помню отвечал ли я на ваше последнее письмо… У меня всё нормально. Вот уже осталось 70 дней до Приказа, а потом надо собираться домой. В Кабуле сейчас, сами, наверное, знаете, что творится. Официально боевые действия прекращены 15 января с нашей стороны, так что сейчас обычная

армейская служба, как в Союзе, но увольнений нет. Чем кончатся эти переговоры и перемирие пока неясно. Сейчас большой упор на бдительность - этому учат старшие командиры. Высылаю фото - сделано на боевых - район Панджер. На одной блины жарим, на другой я со своими товарищами на вершине горы ну, и наша броня. Огромный привет Ивану Александровичу - пусть не болеет, живет сто лет, Юлию Ивановичу и Вере Александровне Синёвым, Ивану Павловичу Ковалёву, вообще всем, кто меня учил и воспитывал.

До свидания. Жду ответа. г.Кабул.

P.S. Виктор Васильевич! Мои письма, конечно, передавать ни к чему. Да и зачем делать из меня героя? Но, если я что-то неправильно понимаю, напишите."

* * *

- Разрешите мне от имени лица педагогического коллектива поздравить наших воинов-интернационалистов с возвращением на родину, начал косноязычно Ким Фролыч Гнусин, как всегда наклонив голову вбок и поводя левым плечом. Партийно-профсоюзный президиум улыбнулся, а три воина, сидящие сбоку, зарделись.
- Мой близкий приятель, ворковал Ким Фролыч, руководитель стройки, показывая мне построенные объекты, говорил:
- Вот моя продукция. А где твоя? Не видно. Сегодня я с полным правом отвечаю:
- Вот моя продукция, и, обняв смущённого Николая Чернова, на гимнастерке которого поблескивали орден Красной Звезды и медаль "За отвату", воскликнул:
  - Наш! Наш! Мы воспитали. Гордимся лучшими из лучших...

Классный руководитель Чернова, сидящий у самого выхода из актового зала, поморщился и вышел.

А.Осипов

На снимке знаменитый дворец

руководителей ДРА Н.Тараки и А.Амина, который штурмовали спецподразделения советских органов госбезопасности.

^{*} преподаватель начальной военной подготовки

Одна из звезд афганского неба

Игорь Анатольевич Мазанов - коренной димитровградец, родился 9 января 1964 года. В 1981 году окончил школу №1. Сразу после этого пытался поступить в Ленинградское мореходное училище, даже не предполагая, что его судьба - быть летчиком. Не знал он тогда, что придет время, и одна из звезд чужого афганского неба загорится боевым орденом на его груди. Мы предлагаем вниманию читателей историю этой награды.

- ...Романтика военной службы продолжала меня притягивать и, в апреле 1982 года, я подал заявление в Волгоградское высшее военное авиационное училище имени Мясникова. А в ноябре 1986 года по распределению попал в 5-ю воздушную армию, штаб которой находился в Одессе. Несколько месяцев мы на штурмовиках СУ-25 готовились работать в экстремальных условиях, видно, тогда уже наши командиры знали, что нам предстоит воевать в Афганистане...

Пройдя подготовительную программу "Эстафета", в октябре 1988 года 20 молодых лейтенантов нашего авиаполка были отобраны для выполнения воинского интернационального долга в Афганистане.

Служба в Афганистане для меня началась горячо. Как передовой отряд авиации, нас с первого же дня бросили на самые важные участки войны - в Кабул, Кандагар...

Мы переночевали первую ночь в Кабуле. Утром должны были изучать аэродром, но - боевая тревога. Баграм вызывал на помощь: вертолет, который должен был доставить в Союз наших десантников, отработавших свой срок, потерпел аварию на взлетной полосе, став отличной мишенью для моджахедских "Стингеров". Завязался неравный бой... Мы подошли к Баграму, когда на прикрытии уже работало несколько наших "вертушек". Прибыли вовремя, обнаружили в горах и уничтожили три огневые точки. О том, как это сложно сделать, знают только воевавшие в Афганистане летчики. Но ребят мы

спасли. Покружив над аэродромом Баграма, подождали, пока поломка вертолета будет устранена, потом проводили его, все еще дымящийся и летящий немного боком, и вернулись...

- Расскажите, за какую операцию вас наградили орденом Красной Звезды?

- Как-то был сильный обстрел Кабула, а оттуда обычным транспортным бортом должен был срочно вылететь в Союз какой-то советский дипломат. Мы уже направлялись в сторону бомбоубежища, когда пришел приказ: взлетать, уничтожить огневые точки противника и проводить дипломата до границы. Пришлось рисковать и подниматься в небо под непрерывным огнем. Две наши машины взлетели и всей своей мощью подавили обнаруженные позиции моджахедов. Те на какое-то время прекратили огонь. Счет шел на секунды, а дипломат из убежища все не появлялся. Готовый к взлету ТУ-134 уже был готов лететь без VIP пассажира. Тот появился в самый последний момент. Мы прикрывали гражданский самолет своими машинами - если бы в эти мгновения в нашу сторону пошли "Стингеры", первыми они должны были бы зацепить нас. Миновало. Приказ мы выполнили на все сто процентов. Позднее за это меня и представили к ордену Красной Звезды. Затем к нему прибавилась медаль "За службу Родине" третьей степени - это уже за обеспечение прикрытия вывода советских войск из Афганистана. С той войны последними уходили мы. Уходить было больно, ведь позади остались десять лет и тысячи жизней наших ребят...

- Смерть в бою вас миновала. Благодаря высокому классу подготовки?..

- Как сказать. Может, просто не суждено мне было там погибнуть. Сами посудите, только нас в Кабуле сменили, как на следующий день при первом же взлете был сбит истребитель, на котором раньше летал я. Летчик погиб, не успев катапультироваться, от его тела практически ничего не осталось. Это случилось 9 января, когда я отмечал свой день рождения. Вот так она выплядит, моя красная афганская звезда. В тот день я, можно сказать, начал жить заново - за себя и за того парня...

По материалам газеты "Димитровград панорама", № 134, 6 сентября 2005 года.

Здание аэропорта в Кабуле.

Мы вернулись

Раис НУРУЛЛОВ

Раис Фатыхович не был "за речкой" на афганской земле. Но о войне он знает не понаслышке. Он - воин чеченской войны, на Кавказе плечо-к плечу сражался с теми, кто в свое время прошел через Афганистан. Его стихи обращены к братьям по оружию.

Пройдут два года. Мы вернемся в край Симбирский, Где на яру весенней Волги, У костра. Мы вспомним боевых друзей Погибших, близких, И - третий тост Поднимем молча, как всегда... А где-то снова по горам Идут ребята, Забив патроны до упора В "магазин". И где-то снова плачет мать Солдата, А у кого-то первый "Серпантин"...

1.
Так двадцать лет прошло,
Как мы вернулись.
Вернулись
С необъявленной войны.
Покинув землю ту под пулями
Мужчинами,
Куда входили только
Папаны.

А было нам всего по Восемнадцать, Когда пришлось вот встать У той Черты, Что жизнь делила Поровну, на части: На ДО и ПОСЛЕ Проклятой войны!

2. Под Кандагаром, Кабулом, Файзабадом, "афганца" пыль глотали мы не зря. "Тюльпаны черные" мы, провожая взглядом, клялись, что не забудем вас, друзья... Друзья, которым жизнь в одну атаку отмерила жестокая судьба. Эх, командир, давай по "сотке" жахнем, Помянем их. Помянем те года!

3.
Летят года.
И нам уже - за 40, 45, кому - за 50...
Но в памяти "Афган" остался дорог,
Как дорог мне берет
И - части Стяг.
Мы честь свою в боях не запятнали.
Нельзя нас упрекнуть ни в чем,
Поверь!
Лишь, может в том, что матери страдали,
За ранние седины их
И смерть...

4. В который раз стоим У обелиска! Сегодня к вам пришли мы, Пацаны! Как далеко то время И... как близко, Как отголосок. Эхо той войны! Мы четное число цветов Возложим. Тайком, быть может, Пробежит слеза... Но никогда, Мы никогда не сможем Забыть "Афган" и вас В те ратные года!

Шурави и федерал

Я помню серпантин в горах Кавказа, Когда колонна тянется к вершине. Как друг, вернувшийся с "Афгана", все рассказывал, О том, что все бывает в этой жизни: - Не доверяй высокому безмолвью, Не доверяй альпийской красоте, Ведь ты, браток, пока еще не дома, Братишка, мы пока еще в войне... Ионбыл прав, мой старый друг "афганец". Я вспоминал его слова не раз! Как он, впрягаюсь я в десантный ранец, И в рейдах проклинаю весь Кавказ... Здесь все, что видел друг тогда в Афгане: "Зеленка", горы, "духи" и война, и грязь, и кровь, и "Груз" все тот же самый, Двухсотый... А мы полощем в кружке ордена. Ты - "шурави", я - "федерал" и все же, В одном едины мы, ты знаешь сам, -В том братстве боевом. И в снах, В которых -Я вижу свой Кавказ. Ты - свой Афган.

Две стороны одной войны

"Афганская" эпопея развивалась на моих глазах. И, именно потому, считаю своим долгом высказаться по проблеме. В феврале 1989 года неделю я провел в самой южной точке СССР - Кушке, встречая шедшие из-за "речки" войска, всматриваясь в глаза этих парней, которые вышли из-под смертельного огня...

Тот отчет, который я писал по заданию центральной газеты Туркмении, так и не был опубликован. "Не праздник, а похороны какие-то описал", заявил мой редактор, хотя я уже знал о "нажиме" в ЦК партии работниками Марыйского обкома, куда территориально входила Кушка. Очень им не хотелось, чтобы были обнародованы факты неподготовленности руководства республики и области к выводу войск ...

Именно в то время и возникли имена истинных героев - военачальников той войны. Где они сегодня, эти русские генералы Тухаринов, Рябченко, Максимов, Пищев, полковники Востротин, Солуянов, Барановский, майоры Забабурин и Елкин. Лишь имена Грачева, Громова, Лебедя на слуху в новой России, да и то в не очень приглядном свете.

Да, мне не пришлось побывать в боях в силу разных обстоятельств. Но когда мимо столицы Каракалпакии грохотали воинские эшелоны, да с гулом проходили в ночном небе тяжелые самолеты военно-транспортной авиации, я все чаще смотрел на свой собранный у выхода из дома "тревожный" чемоданчик, готовый к любым неожиданностям.

А в 1989-м, когда "за бугор" зачастили агитпоезда из Туркмении и появилась возможность попасть в действующую армию в качестве журналиста, я уже был признан "не выездным" и неблагонадежным, потому дальше Туругунди меня не пустили.

В блокнотах той поры так и остались записи рассказов "афганцев", госпитальные впечатления, собственные наблюдения, если не считать того, что 14 февраля 1989 года таможенники в Кушке, вняв моим просьбам, "прогуляли" меня за гербовый столб, на "ту" сторону, на "ту" землю. И лишь вернувшись, они поведали что "гуляли" мы под прицелом крупнокалиберного пулемета "духов", установленного на вершине сопки, что нависала над таможенным постом и дорогой. Зная об этой амбразуре, спокойно шли войска, снимая за спиной бронеблоки... Лишь много позже мне стала понятна замкнутость офицеров из ООНовских войск, шедших на своем "джипе" с белым флагом последними, когда они на большинство вопросов журналистов отказывались давать комментарии. Стали понятны и ухмылка майора Н. Гора из Берега Слоновой Кости на мой вопрос о том, подтверждают ли они выход последнего советского солдата, и смущение переводчика - майора Подопригоры, переводившего ответ майора, - что действительно последнее армейское подразделение вышло перед ООНовцами, ибо еще на трое суток "там", в выдвинутой на 60 км вглубь Афганистана пограничной "зоне безопасности" оставались наши пограничники, снимавшиеся последними.

Понятно стало и хмельное бахвальство работника "Комитета Глубокого Бурения" - как он представился - одетого в армейскую форму, владеющего четырьмя языками из 20-ти афганских, когда он показывал мне свой синенький "гражданский" загранпаспорт с визовой отметкой на "выход" до 29 марта...

Понятно, почему полк гвардии полковника, Героя Советского Союза, десантника В.Востротина был выведен из боев еще в июле 1988 года и в "полной боеготовности" поставлен заслоном в Иолотани - в 100 км от Кушки - на базовое размещение.

Понятно и многое другое...

Однажды в Махачкале состоялось заседание координационного совета Комитета воинов-интернационалистов. Среди множества выступлений и деклараций здесь звучали и разумные слова из уст бывших "афганцев". Например, было сказано такое: "Мы против попыток использования нас различными политическими силами в своих целях" или "Мы - против превращения нас в наемников в "горячих точках"...

Но были и другие высказывания. Р.Абдулатипов призывал восстановить СССР в его бывших границах, а поэт Р.Гамзатов заявил, что "разрушение СССР началось с клеветы на армию".

Вот эти последние высказывания отцов-наставников и насторожили меня своим откровенным перетягиванием "афганцев" в стан ностальгирующих по СССР и быту бывших "пророков" Отечества.

Сейчас остается уповать на жизненную школу интернационалистов, их обостренное чутье к "заклинаниям" очередных радетелей (на словах) за народ. Суровая военная судьба и неординарные биографии воинов, по-моему, научили их разбираться в ситуациях: где друг, а где... Потому они единодушно высказались против привлечения своего боевого братства к борьбе различных политических сил в обществе.

По долгу службы мне приходилось вплотную соприкасаться с этой неправой войной и ее участниками почти с первого дня ввода советских войск в Афганистан. Зная из первых уст об истинном положении дел в войсках, наблюдая события тех лет, я свидетельствую: не клевета на армию, а ужасная и неприглядная правда приоткрылась нам сегодня, но опять же не вся. Да и Союз наш развалился не от того, что клеветали на армию.

Строго и бережно относясь ко всему, что приносит боль людям, позволю себе все же вспомнить сегодня некоторые показательные факты и истории на "афганскую" тему, которые высветят истинные фигуры, виновные, в первую очередь, в разложении армии. А уж вам судить, где здесь клевета, а где правда.

Мой товарищ и однополчанин Джаббар Джаббаров работал секретарем горкома комсомола в небольшом туркменском городке Небит-Даг. Ему особо памятен тот декабрь 1979 года. Сразу же после обеда ему позвонил первый секретарь горкома партии и велел не отлучаться из кабинета "до упора". С чем это было связано, объяснять не стал.

Часа в четыре к Джаббару зашел незнакомый полковник, представился начальником политотдела дивизии, предъявив соответствующие документы. Он пригласил Джаббара на выход к стоявшему на улице "УАЗику" защитного цвета.

- Ты, сынок, в эту минуту призываешься в армию. Вот документы из военкомата, а это твое офицерское удостоверение, и полковник передал бумаги ошалевшему комсомольцу. -Теперь ты старший лейтенант Джаббаров, секретарь парткома мотострелкового полка нашей дивизии, выдвигающейся из Белорусского военного округа на советско-афганскую границу в состав

40-й армии. Надеюсь, что партполитработе тебя учить не нужно. А военные навыки приобретешь в ходе службы. Теперь о главном: вот это твой автомобиль, - тут полковник открыл переднюю дверцу "УАЗа", - за рулем твой водитель - младший сержант Кристович, на переднем сиденье твое обмундирование, экипировка, личное оружие. Автомат в "защелке" на дверце и два рожка к нему - тоже за тобой запишем. Бери форму и бегом переодеваться в свой кабинет, потом распишешься в ведомостях о получении всего этого и получишь дальнейшие указания...

Когда, все еще онемелый от нереальности происходящего Джаббар, предстал перед полковником в "жеваной" форме, мешком свисавшей с него, с топорщившимися, как ослиные уши погонами, в "хлюпающих" яловых сапогах, тот одобрительно, необидно похохотал, похлопал по плечу и сказал:

- Ну, сынок, вот ты и настоящий воин! А теперь слушай первый боевой приказ: прямо сейчас выезжаешь на станцию Казанджик, куда прибывает эшелон с боеприпасами для дивизии, проследишь за его отправкой точно вот по этим документам, полковник передал парторгу пакет, затем догонишь нас на марше. Дивизия будет сосредотачиваться вот здесь, полковник взял с сиденья машины планшет, раскрыл его. За прозрачной перегородкой была карта. Он указал Джаббару точку на ней у самой границы с Афганистаном. Приедешь доложишь мне. Дальше я тебя научу твоей военной специальности, введу в курс дела... А ты, сынок, карту-то "читать" умеешь?
  - Умею, на всякий случай подтвердил Джаббар.

"Хорошо, - говорил он потом, - что по всей трассе были расставлены регулировщики, иначе плутать бы мне неделю по степным дорогам. Следуя их указаниям, я ехал и ехал, пока не уткнулся в засаду. Выскочившие прямо перед "УАЗом" солдаты остановили нас, выволокли из машины, связали руки, завязали глаза и повезли дальше на БРДМке.

Когда сняли повязку с глаз, я увидел лагерь, большие палатки. В одну из них меня ввели. За раскладным столом сидели несколько офицеров и генерал. Доставивший меня лейтенант доложил, что мы задержаны как лазутчики в расположении дивизии.

Осмотрев меня, генерал хмыкнул:

- Ты, старший лейтенант, "партизан"?

Джаббар, не знавший, что в армии "партизанами" называют призванных запасников, отрицал:

- Нет! Я - парторг полка!

Офицеры дружно грохнули смехом. Отсмеявшись, генерал пододвинул к себе документы Джаббара, планшет. Открыл карту и попросил его показать на карте пункт расположения его дивизии. Когда тот это сделал, генерал вновь рассмеялся:

- Сынок, твоя часть еще в районе Кушки, а ты сейчас уже в Афганистане. И до нашей границы в обратную сторону - почти 70 километров!

Затем он отдал приказ лейтенанту, доставившему Джаббара, чтобы тот нашел провожатого и доставил задержанных в их часть.

Так началась эта война для Джаббарова из рода "Дажббарбай", "партизана" и парторга.

Вспоминая те дни, первый заместитель командующего Туркестанским

военным округом, первый командующий 40-й Ограниченным армией или советских войск контингентом Афганистане генерал-полковник Ю.Тухаринов особо подчеркивал свое уважение и расположение к "партизанам", их особую роль в том вводе войск. Он говорил о том, что даже караульную службу поручали нести только им, ибо запасники, в основном, были людьми семейными и обладали особой осторожностью и чувством самосохранения.

В такой вот полк, собранный во время движения их дивизии по территории Туркмении из местного населения, и попал Джаббаров. Полк, куда, по его словам "были призваны даже отец с двумя сыновьями (отец ходил по начальству с просьбой демобилизовать детей, дети - пощадить отца). Естественно, что полк, несмотря на категорические запреты отвечать на провокационный огонь, на любой выстрел в их сторону, грохотал из всех имеющихся у

Первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генералполковник Николай Пищев.

полка средств огневого подавления. Но зато, когда перешли на окопный образ жизни, никого нельзя было заставить высунуться из своего убежища даже силой...

Джаббара мучила ностальгия по его военной должности. Он серьезно говорил, что в СССР нет лучшей работы, чем парторг полка! В его распоряжении была отдельная палатка, затем модуль, у которых круглосуточно дежурил часовой В помещении были кровать, тумбочка, стол, стулья, сейф, позже появились кондиционер и мелкие предметы быта, типа видеодвойки... Вестовой исправно доставлял ему от офицерского котла завтрак, обед и ужин. Иногда его приглашали на штабные или политотдельские совещания, обычно заканчивающиеся общей попойкой. Иногда командир просил донести до солдат-туркмен на их родном языке смысл его указаний.

Перед партсобраниями в полк из ТуркВО прилетал самолет, пилот которого под роспись доставлял Джаббару пакет, где расписано было, о чем и как говорить на собрании. Были даже заготовки речи парторга и протокола собрания. После его проведения Джаббар запечатывал эти документы в пакет, опечатывал и сдавал его пилоту также под роспись.

Такие войска существовали в ОКСВе в Афганистане до мая 1980 года. Вместе с их демобилизацией вскоре ушел с поста командующего армией и генерал Тухаринов.

Сегодня многое в той войне предстает в ином свете. Ну скажите, кого в те годы интересовало, что Афганистан не просто полигон, а полиэтническое государство, в котором сожительствуют люди 20 языковых групп, со своими этническими особенностями, воззрениями?! К пуштунам подходили с теми же мерками, что и к узбекам, туркменам, таджикам. Хотя большинство этих

народов - эмигранты или их отпрыски, бежавшие от большевистского режима за рубеж. Они всегда недобро относились не только к русским, с которыми у них ассоциировалось завоевание Туркестана, но и к местным светским властям. А, говоря о таджиках, напрочь забывших, что север этой республики, составляющий Худжантский край (бывшая Ленинабадская область), еще с 19-го века входил в состав России. А юг и восток - чуть ли не до 1939 года, сопротивляясь, все считался территорией Бухарского эмирата.

Таджики юга и востока веками жили по обе стороны границы, мало ее признавая, не признают ее и до сей поры. Их языковое родство (не тюркское происхождение) с афганцами и сегодня является яблоком раздора между их стремлением объединиться с афганскими родственниками и сопротивляющемуся этому - партийно-номенклатурному клану северян, который сегодня управляет республикой и тяготеет к Узбекистану, играющему лидирующую роль в распрях этих этногрупп даже на территории нынешнего Афганистана (там армия оппозиционеров возглавлялась узбеком Достумом).

Выйдя из непокоренной ими страны, наши войска оставили там не только политический хаос, разруху, милитаризованную зону, но и многие ценности: 25 отстроенных больниц, 326 жилых домов, 35 мечетей, 53 моста, 84 школы, лицея, училища. До сей поры мы платим по долгам нашим за искалечение этого народа.

А долги своим воинам, немало покалеченным той войной, до сих пор не оплачены сполна. Помню, как герой-полковник Востротин, показывая мне отстроенный офицерский городок в Иолотани, реконструированные здания на территории бывшей автобазы, горько сожалел о двух вещах: об автотехнике, специально подогнанной и оборудованной под боевые действия (даже бронированной десантниками-умельцами под днищами машин, чтобы взрыв мины не отрывал ноги водителю) и замененной руководством ТуркВО из благих намерений на "нулевую", но не "подогнанную" технику на которой воевать страшно; а также крыл матом политработников, которые никак не могли взять в толк, что не их "проповеди" нужны десантникам, а кропотливая работа психологов, чтобы "вживить" в мирную жизнь настроенных на бой и смерть мальчишек.

"Они у меня весь распорядок дня "афганский" держат до сих пор: днем - спят на ходу, ночью - "несут службу" в окнах казармы, готовые при первом выстреле сыпануть вниз..." - жаловался командир полка.

Вот "туда" готовили их скрупулезно, обучая даже этому "распорядку дня". Мне пришлось побывать в двух учебных центрах в Туркмении - "Первомайском" и "Кель-ата", где, скрепя сердце, отцы-военачальники исполняли приказ - допустить "куда пожелает" английскую писательницу Каролин Скофилд "для ознакомления с жизнью армии". Приказ отдал Д.Язов.

Тогда, за два года до завершения афганской войны, я попал в эти наглухо "секретные" и запретные для советских журналистов места только благодаря англичанке Каролин, сопровождая ее в поездке. В свите Скофилд был переводчик Сергей Лавров (явно из "Комитета Глубокого Бурения", судя по его "отредактированному" переводу) и капитан первого ранга, фотожурналист из "Красной Звезды" Леонид Якутин. Конечно, от профессионального взгляда Каролин не могло укрыться то, что от нее в спешке прятали: тяжелые

самоходные артсистемы, применявшиеся в Афганистане. Не могла она не заметить и показушно-гуманное взятие выстроенных в предгорьях для обучения солдат "афганских кишлаков", и стенды с обозначением тактикотехнических данных бронетехники войск НАТО (в том числе и английских танков "Шеридан"), по которым учили стрелять будущих воинов-интернационалистов.

В неописуемый восторг ввергла она всех сопровождающих местных офицеров, когда "наивно" спросила "представителя ашхабадской гарнизонной комендатуры", почему у него цвет на погонах, околыше фуражки, в петлицах и эмблемы - от разных родов войск. А застигнутый врасплох "комендант" на это невнятно пробормотал что-то о его разносторонней службе. В следующий раз вверх по ущелью по ручью и валунам с группой Каролин ушел другой "представитель комендатуры".

Он вовремя подстраховал англичанку, когда она, поскользнувшись, ухнула в воду и в потоке водопада "потеряла" фотоаппарат, висевший у нее на груди на ремешке. "Некачественная у них кожа для ремешков, - "горевал", переобуваясь у нас в автомобиле, "спаситель", - видимо, порвался ремешок, вот фотоаппарат и утоп..."

15 февраля 1989 года генерал Громов давал Каролин интервью о выводе его войск. Это происходило в афганском штабе-бункере. И хотя писательница в своей книге "Советская армия: взгляд изнутри" свидетельствовала, что Громов "умный, интеллигентный, добрый человек", другом своим и симпатией она считала другого героя Афгана - генерала Александра Лебедя, с которым провела некоторое время в его дивизии в Туле. И сам генерал, и прыжок Каролин с десантной парашютной вышки (сумела-таки она уговорить комдива на риск) запечатлены в ее фотоальбоме издательства "Джон Кальман и Кинг".

Общаясь с Громовым (позже официальная пресса назовет его "любимцем воинов 40-й армии"), Каролин просто не представляла, как в Кушке тем же днем все офицеры, уже вернувшиеся "оттуда", ждали на таможне последнюю БМП, на которой последним ступил на родную землю заместитель командующего 40-й армией, командующий Северной (Гератской) группировкой войск генерал-майор Пищев. В его войсках при выходе не было ни одной потери (и это, несмотря на то, что гератский аэропорт, работавший до последней минуты с полной нагрузкой в течение последних месяцев яростно атаковался "духами", вкруговую обложившими его). Не успел отзвучать рапорт Пищева командующему ЮТВД (Южный театр военных действий) Ю.Максимову, бывшему по сути всю войну командующим "Афганским фронтом", как, нарушая всякую субординацию, офицеры и солдаты подхватили неулыбчивого Пищева на руки и понесли по дороге к городу. Я могу свидетельствовать, что действия эти и слезы на глазах суровых военных были искренними.

После этого главпуровцы согнали на "торжество" войска, жителей Кушки, родителей солдат. С трибуны неслись речи генералов и президента Туркменбаши, обкомовцев и горисполкомовцев, матерей... и даже сержантаводителя последней БМП. Хотя я знал, что сержанта этого привозили в Кушку еще ночью для того, чтобы он наизусть выучил текст своей речи, написанный ему военкорами.

Говоря сегодня о солдатах той войны, не могу не констатировать, что

сражались они храбро, каждый по-своему понимая свой воинский долг. Первые потери ОКСВ понес через два часа после ввода войск в Афганистан. Банально, на горной дороге перевернулась боевая машина пехоты, унеся восемь солдатских жизней. В памяти свежи и сообщения о подвиге - до сих пор засекреченном - 12 воинов, бежавших из душманского плена, они захватили на пакистанской базе склад вооружения и трое суток "долбили" духов и целую пакистанскую дивизию!

Мухаммед Язкулиев - солдат из Туркмении, тоже попавший в плен, бежал оттуда дважды - первый раз неудачно, подорвал себя гранатой - выходили. И все эти "милости" духи оказывали ему только потому, что он носит имя исламского пророка. Последний его побег - через Исламабад и советское посольство - был удачен...

Наши "афганцы" рассказывали легенды и анекдоты о капитане Елкине, который всеми имеющимися у него средствами бил "духов" в бою и в их кишлаках, но поступал по-рыцарски, если его "сынкам" угрожала хоть малейшая опасность. Он был настоящим волком войны: недосягаемым, удачливым, хитрым профессионалом. Его боевые операции входили в хрестоматии военных училищ и академий. Давно бы быть ему Героем, если бы не его независимый, драчливый характер и прямое неподчинение дурацким приказам сверху. Тем более, если в опасности были жизнь и здоровье его солдат.

Говорят, чтобы избавиться от этого легендарного капитана, командование направило его на учебу в академию им. Фрунзе. А "духи" прислали ему письмо, в котором по-восточному цветисто и восторженно оценивали его успехи и сетовали на то, что поле боя покидает такой уважаемый воин. И просили его не уезжать, здесь, мол, тебе интереснее, чем в рутинной учебе...

На всю жизнь сохраню глубочайшее уважение и преклонение перед своими героями-товарищами по Новосибирскому военно-политическому училищу: майором Дигаевым, павшим от пули в первые дни войны (хотя официально он был только работником военного атташата в Афгане), старшим лейтенантом Николаем Шорниковым и лейтенантом Георгием Демченко - политруками, которые остались в окружении вражеских отрядов, прикрывая отход своих подразделений и, уже тяжело раненые, подорвали себя последними гранатами.

Но были и совершенно другие, дикие случаи. Рядовой Николаев, попав в плен, добровольно принял Ислам и встал в ряды моджахедов. Он был одним из лучших гранатометчиков той войны. Он скрытно выходил на дороги, из засады по усилителю объявлял, что в бой вступает Николаев - разбегайтесь! Затем хладнокровно "забивал пробку" - сначала взрывался головной бензовоз, затем замыкающий, а он расстреливал колонну. Устав от бесплодных усилий выловить его, особисты не придумали ничего лучшего, как привезти в Афганистан его мать, которая разговаривала со своим сыном по громкоговорителю. После этого Николаев ожесточился еще больше. И это продолжалось до тех пор, пока соперничающая банда моджахедов, польстившаяся на миллионы долларов, не сдала его отрезанную голову советскому командованию.

А молоденькая 19-летняя медсестра, попав в плен к моджахедам, перенесла весь "комплекс" надругательств и насилия над собой. Ночью, очнувшись, она

сумела выкрасть автомат и метким огнем "накосила", сколько смогла, бандитов, оставив одну нулю для себя. Долго командование доказывало в Политбюро необходимость награждения героини. И, наконец, "верха отелились", вручив родителям девочки орден... "Дружбы народов", присужденный ей посмертно...

Можно было бы много рассказать из откровений вертолетчиков или пограничников. Хочу лишь сказать одно: в тылу советского воинского контингента было искалечено 3000 и убито 515 стражей границы. И это тоже лики той войны.

Подводя итоги этого несуразного эпизода в истории СССР, нередко говорят о том, что благодаря этой войне в Афганистане совершилась не только политическая, но и научно-техническая революции, позволившие его народу сделать рывок из патриархального строя к современной жизни. Не спорю. Всякая война стимулирует мысль, технологии, государственное устройство. Но сколько же нужно пролить крови, загубить людских жизней, чтобы получить какие-то плоды? Но и плоды те для всех нас, а особенно для воиновнтернационалистов, оборачивались не благом, а в лучшем случае - насмешкой.

Ивот, девять лет спустя, - мы снова в самой южной точке Союза - Кушке. Вторая половина февраля. В это время в этих местах деревья должны распускать свои первые листочки. По дороге от таможенного поста колоннами идет техника. Не идет, а скорее ползет. Ибо вокруг - снежная круговерть, метель, ветер, холод. Солдаты шутят: "Это Кушка или Магадан?". Сама природа сурово встречает воинов, словно оплакивая их... Вся кушкинская дивизия, видимо, в целях маскировки, уже переодета в "афганку" - полевую, боевую форму. Но я безошибочно определяю, кто "оттуда": по бесцветным глазам, в которых застыли то ли страх, то ли бешенство?

"Сынков" готовились встречать заранее, за полгода. А вот вышли, и, оказалось, не все готово к встрече. Сразу же бросалась в глаза организация пребывания "афганцев" в Кушке. Подходы к городу были блокированы милицией, автоинспекцией, особистами, войсками. Мало того, родители и жены многих воинов не смогли даже выехать из областного центра Мары в Кушку по элементарной причине - пограничная зона, и пропуск туда получить было не просто. А те, кто ехал туда с пропуском или пропиской, попадали под такой шмон! Искали компромат, наркотики, изымали любое спиртное, даже одеколон.

В городе действовал "сухой закон". Даже в интуристовском ресторане при гостинице (где поселились командование, встречающие, журналисты) спиртное было изъято. И вот "афганцы", которым карман жгли скопленные деньги, спускали их в кушкинских трущобах, обменивая на самогон самой злой и опасной выгонки. "Павших" от зелья сего, беззастенчиво избивали, раздевали, хорошо - не калечили, не убивали в тех же трущобах. Их с опозданием подбирали военные патрули. Офицеры негодовали:

- Деньги есть, так организуйте торговлю самым дорогим коньяком.

И мы будем на виду - в общепите пить. И государству будет большая выручка!

Но режим, втиравший нам и "забугорью" "очки" о нашем же моральном облике посредством своих политработников, строчил благонадежные рапорты, окорачивал языки даже боевым ребятам.

Вторая проблема была с тем, где - и как сбыть с рук вывезенные, всеми без исключения интернационалистами, разными путями приобретенные трофеи: трехэтажные шкатулки с косметикой, видаки, двухкассетники, телевизоры, транзисторы, разное барахло. На это вместо "умного государства" и его чиновников чутко среагировали обитатели трущоб и воинский городок Кушки. Вещи менялись на самогон, шли в продажу втрое дешевле своей цены. Ибо, не были вовремя организованы скупочные пункты. А Кушка "затаривалась" импортным барахлом в диких условиях подпольных рынков.

В свое время даже "Комсомолка" отказалась верить мне - очевидцу, что в Кушке на таможне заранее знали (сдавали свои же, особисты), какой транспорт досматривать, откуда вытряхивать десятки килограммов "вышедших" наркотиков в пакистанской упаковке, что там, втихую, можно было приобрести оружие, что ребята из бывших интернационалистов, создавшие в Днепропетровске музей этой группы войск, приехавшие в Кушку к побратимам, были просто шокированы, услышав в ответ на свою просьбу отдать в свой музей какие-нибудь экспонаты, - предложение купить(!) такой экспонат. Экспонатом оказалась простреленная, вся в крови шапка однополчанина продавцов...

Я сидел в расположении одного из кушкинских полков, выведенного в палатки. В их казармах размещали вышедших с той стороны офицеров. Жили они пьяно и грязно, на двухъярусных койках (хорошо еще не в бараках, не на полу!), Пели похабные песни под гитару, дрались, выясняли "свои" отношения, скопом ломились в одну-единственную в Кушке офицерскую столовую, работавшую в разнос, по три-четыре смены, где жевали бурду и тушенку на подоконниках и стоя.

Я вел разговор с замполитом разведроты старшим лейтенантом Казаком, когда в казарму пришел капитан - командир их роты. Он сдавал ротное вооружение на склады. Грохнул на пол под койку АКМ, представился мне. Познакомились, выпили, поговорили...

- Дикость какая-то,- возмущался комроты,- все приняли, а этот ствол,- он пихнул ботинком АКМ под кроватью,- не берут, по номеру он за ротой не числится! Откуда взялся на мою голову! Тащи, говорят, туда, откуда взял... А если бы гранатомет или пулемет Владимирова?

Слушай! - Капитан пьяно уставился на меня, - хочешь, тебе его подарю? На память...

Я отказался от щедрого подарка. Но вовсе не оттого, что ствол в хозяйстве не пригодился бы, а из осторожности. На выезде за это могли бы и прихватить! Сидеть тогда бы мне и уже совсем не в редакции...

А потом, все более хмелея от рассказов, замполит Казак, только что получивший орден Красной Звезды, негодовал, что ствол - это семечки.

- Вот когда у меня в горах БМПэшка на фугас напоролась, да улетела кусками в ущелье, куда и спуститься-то было невозможно из-за крутизны и осыпей, то там и сгорела дотла, а вместе с ней и два парня-разведчика. Заместитель по тылу до сей поры требует представить ему два бронежилета, мотивируя это тем, что там пластины титановые, а они сгореть не могли.
  - Ты подумай: БМП списали, ребят "списали", оружие тоже, а

бронежилеты так и "висят" на ротном имуществе, ведь платить заставят за них, - горячился замполит.

А я вспоминал горькую историю, когда ко мне в редакцию пришел воининтернационалист с автобазы, где он уже два года после службы в армии работал, и показал документы: представление военной прокуратуры, объяснение его командира и повестку в суд. Парня этого привлекали к суду за порчу и потерю военного имущества - бензовоза, из которого он, полуобгорелый, еле спасся, когда машину подбили духи-гранатометчики!

- Думаешь, - продолжал откровенничать Казак, - тыловики такие тупые? Нет, брат, когда речь идет о наживе личной - они своего не упустят. Как-то отдыхали мы после рейда в Герате, готовились вновь пойти в горы. Получили питание на складах, в горах оно иное положено, ну, там шоколад положен, сгущенка, вобщем - калории. А их нам не выдают. Вы, говорят, в долине! Объясняем, что завтра на две недели уходим в горы, туда, куда Макар телят не гонял, да в такие условия! Отвечают: нет - и все!

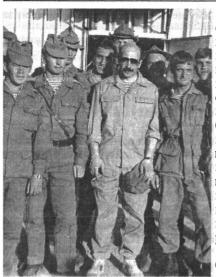
Или, возьми, спецкомбинезоны, специально для разведки пошитые. Всем они хороши: и теплые, и крепкие, и приспособлений всяких на них понашили. А захочет солдат в боевой обстановке "по большому" сходить - нужно лямки на плечах отстегнуть, да по самые щиколотки комбез этот приспустить, а как? Вокруг - такое! Не караульного же с собой водить.

В пылу откровенности Казак рассказал и о двух боевых операциях против "ксировцев" (Корпус стражей исламской революции в Иране), которые, считая Гератский край "своим домом", ходили в афганском пограничье, сопровождая укрывшихся в Иране местных эмиров, собирающих налоги и подати со своих подданных. "Эх, и врезали же мы им!",- воскликнув, Казак испуганно замолк. Трезво глянул на меня, попросил забыть об этом разговоре, ибо с Ираном мы не воюем и сведения о таких боях не подаются "наверх". Я и молчал - до поры до времени об этом факте...

Самое же невероятное оказалось то, что этот замполит, перспективный кадр, орденоносец, твердо решил уволиться из армии. "Поеду, говорил, в Барнаул. Там родители, брат, работу найду "блатную", плевал я на всю эту армейскую мразь. "На боевые" нас, быдло армейское, выставляют, а все штабные, тыловые да блатные ищут "навар" из этой войны, аж землю за нами роют, наградные листы строчат друг на друга...".

И он не был первым и единственным, кто оценивал данную войну с такой вот позиции. Подобные мнения утверждались в боевых офицерах, еще гордо несущих честь русского воина и укреплялись в кушкинской эпопее "встречи героев". Они знали, что на второй день выхода в одном полку повесился молоденький "начфин". Видимо поняв, что не отчитаться ему за ворованное, и не всегда - им самим, он таким образом решил свою судьбу.

Офицеры, матерясь, в первую очередь "пробивали" своих солдатиков в кушкинскую баню, где на две дивизии с перебоями работало "полтора соска" с горячей водой. А специальные банные модули, которые спасали их от инфекций, вшей и грязи в Афгане, по приказу встречавшего командования были отданы еще "там" и сданы на склады имущества. Сами же офицеры обтирались навалившим по колено снегом, холодной водой из кранов умывальников, "стойко несли тяготы и лишения воинской службы".

Александр Розенбаум в гостях у воинов-интернационалистов в Афганистане

Хотя сами видели (никуда не скрыться от взглядов в захолустном городишке, плотно набитом войсками), как отцы-военачальники обживали новое здание, построенное под горисполком, как нежились с женами в отеле, как набивали шмотками контейнеры, за которыми на станции была немыслимая очередь. А их в таком количестве в Кушке не было сроду. Они первыми отлетали в Союз на "блатные" места. И это те, кто посылал их в бой, кто должен был их опекать, одевать, кормить, обеспечивать деньгами, перевозить, хоронить... Это были те, кто ничего общего не имел с "полевой" разудалой братвой с "передка".

Вертолет, на котором улетали ООНовские наблюдатели (туда я попал благодаря знакомству с комендантом), буквально вонзился в окошечко между "глухими" тучами и снеговертью. В последний раз мелькнули за

иллюминаторами колонны боевой техники, кишащий военными городок, сопка, с вершины которой над ними всеми воссиял Георгиевский крест, в прошлом веке поставленный здесь русским воинством из армии монарха. Он освещал те и нынешние деяния солдат, прощал их, охранял и отпевал...

Вдали, за укреплением границы, виднелись замершие в ожидании кишлаки афганских туркменских племен и их столица Туруганди. А там - колонна из ста военных, заправленных под пробки "КамАЗов", оставленных в награду туркменскому хану - главе племени, за его девятилетнюю помощь нашим войскам. Через их земли душманы не проходили. А теперь хан держал "Камазы" "под парами" на случай, если хлынувшая армия моджахедов захочет с ним посчитаться. Граница для его полигамной огромной семьи и их скарба была приоткрыта и готова укрыть пособника. Остальные же его подданные, как и в наших рядах, должны были разделить предназначенную им участь...

В полете до Ашхабада ООНовцы щедро угощали нас минеральной водой, галетами, сосисками, благо в салоне было некуда деться от ящиков с импортными наклейками. Переводчик пояснил: все это, вплоть до воды, они возили с собой в Афган, твердо зная, что иначе "белому" человеку там не выжить. А теперь остатки везли, чтобы выбросить в Ашхабаде. Мы ели и пили - выживали. Мы все, так и ни разу нецивилизованные в своей "дикой" стране, выжили без ООНовской пайки в той грязи и крови Афгана.

Выживем и сегодня, и всегда. И этого никому не понять. Будьте же живы, братья, а с нами - наша Россия под защитой православного креста.

Валерий Гордеев, русский писатель

Кель-Ата. Лагерь подготовки военнослужащих перед отправкой в Афганистан (третий слева в первом ряду - наш земляк Александр Волчков, погибший на этой войне). Фото отца героя Владимира Волчкова.

Предательство!

Так назывался большой обзор или Открытое письмо воинам-интернационалистам, опубликованное в областной газете "Ульяновский комсомолец" 6 июня 1987 года. Автор его Арам Габрелянов, обращаясь к читателям, высказался предельно точно:

"Друзья!

Можно много и красиво говорить о большом уважении, которым вы пользуетесь у советских людей. Да вы и сами об этом прекрасно знаете. Но в то же время вряд ли кто лучше вас знает, какой неприглядной иногда бывает "оборотная сторона медали". Они всегда шли рядом: храбрость и трусость, благородство и подлость".

Казалось, что не стоило бы ворошить историю. Но в беседах с воинами-"афганцами" мы узнали, что факты такого предательства, приписывание себе не существовавших подвигов есть и в наши дни, особенно они участились после вывода из ДРА советских войск. Одних "героев" разоблачают и наказывают сами

"афганцы", других - сами люди, встречающиеся с вралями. А самое паскудное, что эти поступки "примкнувших" оскорбляют память и честь всех воинов, павших в боях "за речкой".

Не стали бы мы публиковать письмо студентов из Ульяновска о том, как они разоблачили предателя в своих рядах, если бы в нем речь не шла об одном из известных наших земляков. Но, как ни горько это осознавать, правда о кривде всегда нужна людям, как объективность, как предупреждение.

"Здравствуйте, уважаемая редакция!

В последнее время в газетах появляются публикации о "лжеафганцах". Какие чувства они вызывают! Негодование, отвращение, обиду и недоумение: как же так?

Живет в студенческой семье человек вроде бы как все, но и не как все: герой. Сразу отношение меняется: хочется отгородить от невзгод, помочь. По-человечески это? Конечно. Все мы понимаем, что они, наши сверстники, пережили там, на чужой земле, помогая вроде бы чужому народу налаживать жизнь. Теперь не чужому. Он теперь всегда с ними - Афганистан.

Немного у нас "афганцев" в политехе. Все на виду. Хорошие парни. Не по годам серьезные и надежные. Некоторым пришлось уйти из института из-за двоек. Бывает так - не ладится с учебой, и все тут. Они не жаловались. Не пришли в деканат или в комитет комсомола стучать в грудь и доказывать, что они имеют право на привилегии. Это мы сейчас жалеем: надо было бы ребятам помочь, потом бы выправились.

Случилась у нас беда. Наверное, у многих "афганцев" института остался горький осадок в душе после этого случая. Игорь Глустенков рассказывал о боевых действиях в Афганистане взахлеб. С удовольствием выступал на собраниях любого уровня.

Однажды мы ездили возлагать цветы на могилы ребят, погибших в Афганистане. Нас было не очень много - почти все "афганцы". Все время, пока мы ехали, я думала об их исключительности. Смотрела на них с нескрываемым уважением, как на старших, хотя все они были моложе меня. А что я видела в жизни! Они же прошли страх и горе. Игорь Глустенков выступал на маленьком митинге у могил больше всех. Обещал не опозорить память погибших 18-19-летних парней. До сих пор не могу понять, как он мог!.. Не СЛУЖИЛ Игорь в Афганистане. Потом это все выяснилось. Не имел он ни орденов, ни медалей. А ходил с орденом Красной Звезды на груди. Хвастал заслугами. Как же можно? Спекулировать святыми для нас понятиями!

Проглядели мы предателя. Пользуясь своим самозваным прошлым (еще сочинил, что был контужен), глумился над первокурсниками. Заставлял отжиматься от пола молодых ребят, убирать за собой в общежитии. У первокурсников машиностроительного факультета сложилось свое мнение об "афганцах". Глустенков давал повод. Но жаловаться ребята не ходили. Видели, что других за пьянство исключают из института, а Глустенкова нет.

А теперь о его друзьях-"афганцах". Им сейчас тяжелее, чем всем остальным. Они разве не видели изъянов в Игоре? Видели. Замечали, что те подробности, которые рассказывает кто-нибудь из них - другому, Игорь пересказывал уже, как свои собственные переживания. Иногда путал названия, местные особенности. При этом ссылался на контузию. Да, ребята его защищали. Во время драк, даже когда Глустенков был явно не прав, занимали его сторону.

Предательство самозванца вскрылось случайно. Разоблачили сами "афганцы". Сейчас воинам интернационалистам стыдно смотреть сокурсникам

в глаза. Такое кощунство проглядели. А если бы не случайность?

Е.Сальникова, заместитель секретаря комитета комсомола Ульяновского политехнического института".

Первый командующий Ограниченным Контингентом Советских войск в Республике Афганистан генерал Ю.Тухаринов вручает боевую награду командиру восьмой роты 357-го ПДП В.И.Кобзеву.

Город помнит. Люди вас не забудут, братья!

Димитровградцы, павшие на войне в ДРА

1. Атауллов Ильдар Наильевич	16.10.58 - 24.03.81
2. Николаев Владимир Аркадьевич	31.08.61-10.06.81
3. Исаков Олег Анатольевич	13.08.62-29.07.81
4. Панасенко Александр Александрович	23.03.61-05.02.82
•	(пропал без вести)
5. Ткачев Николай Васильевич	20.05.63-14.09,82
6. Ефанов Олег Викторович	12.08.63-20.10.82
7. Ахметчин Сергей Дмитриевич	12.01.64 - 21.01.83
8. Каштанов Виктор Иванович	18.02.64 - 11,08.83
9. Лазарев Сергей Анатольевич	09.05.61-01.10.83
10. Кулаков Валерий Евгеньевич	09.07,63 - 24.05.84
11. Моисеев Сергей Юрьевич	25.01,66-04.09.84
12. Волчков Александр Владимирович	01.11.64 - 05.12.85
13. Кулаков Виктор Владимирович	28,07.65 - 18.04.85
14. Персидский Анатолий Петрович	17.07.62 - 24.04.88

Вечная память павшим героям!

Вспомним тех, кто не вернулся, Кто стал частицей тишины, Кто лег в горах - и не проснулся От необъявленной войны. Давайте вспомним поименно Тех, с кем навеки сроднены, Кто был частицей батальона, А стал частицей тишины.

Виктор Верстаков

Всего

Статистика Афганской войны

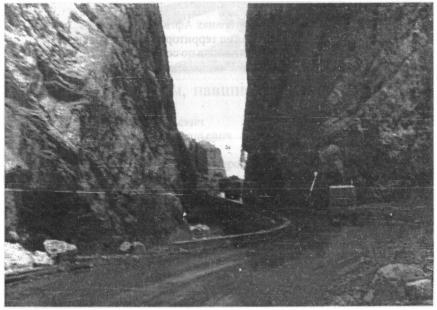
Сведения о ветеранах Афганской войны, проживающих на территории г. Димитровграда и Мелекесского района по состоянию на 01.12.2008 г.

400

Из них: В г.Димитровграде В Мелекесском районе	315 85
Ранено - офицеров - сержантов, солдат	2 26
Погибло Пропало без вести	13 1
Умерли после окончания военных действий (по состоянию на 1.12.2008 г.)	43
Награждены, всего	387
Из них боевыми наградами СССР В том числе:	134
- орденом «Красная звезда» дважды - орденом «Красная звезда» - орденом «За службу в вооруженных силах СССР» III степени	2 14 4
- медалью «За отвагу» дважды - медалью «За отвагу» - медалью «За боевые заслуги»	3 49 61

Литературно-публицистический альманах

Награждены наградами Республики Афганистан	379
В том числе:	
- орденом «Афганская слава»	2
- медалью «За храбрость»	1
- медалью «За отличие в воинской службе»	1
- медалью «От благодарного	
Афганского народа»	379

Знаменитый перевал Саланг, который все годы войны защищали воины-интернационалисты.

Прошло уже 66 лет, как отгремела самая кровопролитная и известная битва в истории Второй мировой войны - Сталинградская. Ее именем в Европе назвали потом улицы и площади. Герои этого сражения навсегда вписаны в списки мемориалов памяти. А мы все продолжаем возвеличивать советских солдат Великой Отечественной войны, показавших там образцы мужества, профессионализма, патриотизма, любви к Родине...

Мы помним тебя, Сталинград!

Историческая справка

На зиму 1942-43 г.г. немецко-фашистское командование планировало в Сталинграде любой ценой удержаться на занимаемых рубежах до весны 1943, а затем снова перейти в наступление. Гитлер считал, что советские войска после тяжёлых боев на юге страны, под Сталинградом и на Северном Кавказе не в состоянии провести крупное наступление в этих районах. Советское командование накапливало силы и средства для контрнаступления; Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб с сентября приступили к разработке плана его проведения. 13 ноября план контрнаступления трёх фронтов - под кодовым наименованием "Уран", с целью окружения и уничтожения ударной группировки противника в районе Сталинграда, был утвержден Ставкой под председательством И. В. Сталина. План стратегической операции заключался в следующем: Юго-Западный фронт (создан 25 октября 1942, командующий генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, член Военного совета

корпусной комиссар А.С.Желтов, начальник штаба генерал-майор Г.Д. Стельмах) в составе усиленных 1-й гвардейской армии (генерал-лейтенант Л.Д.Лелюшенко), 5-й танковой армии (генерал-лейтенант П.Л.Романенко). 21-й армии (генерал-лейтенант И. М. Чистяков), 2-й воздушной (генерал-майор авиации К.Н.Смирнов) и 17-й воздушной (генерал-лейтенант авиации С.А. Красовский) армий, - имел задачу нанести глубокие удары с плацдармов на правом берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской. Ударная группировка Сталинградского фронта в составе 64-й (генерал-майор М.С. Шумилов), 57-й (генерал-майор Ф.И.Толбухин), 51-й (генерал-майор Н.И.Труфанов), 8-й воздушной (генерал-майор авиации Т.Т.Хрюкин) армий наступала из района Сарпинских озёр. Ударные группировки обоих фронтов должны были соединиться в районе Калач-Советский и окружить основные силы противника под Сталинградом. Одновременно Юго-Западный фронт частью сил наносил удары на юге и юго-западе, а Сталинградский фронт - на юго-западе, с целью обеспечения наступления ударных группировок фронтов и образования внешнего фронта окружения. Донской фронт в составе 65-й (генерал-лейтенант П.И.Батов), 24-й (генерал-майор И.В.Галанин), 66-й (генерал-лейтенант А.С.Жадов), 16-й воздушной (генерал-майор авиации С.И.Руденко) армий наносил два вспомогательных удара - один из района Клетской на юго-востоке, а другой из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юге. В контрнаступлении советских войск, кроме общевойсковых и танковых армий, участвовал ряд отдельных танковых, механизированных, кавалерийских корпусов, бригал и отдельных частей. В том числе и 24-й танковый корпус, под командованием нашего земляка, генерала Василия Михайловича Баданова, впоследствии награжденного за эту операцию орденом Суворова за ПЕРВЫМ номером. Сегодня в Димитровграде одна из улиц носит имя этого полководца.

Немецко-фашистское командование, оправившись от растерянности, вызванной неожиданным для него крупным успехом советских войск, начало принимать меры к деблокированию окруженной группировки. 24 ноября Гитлер приказал удерживать Сталинград. Немецко-фашистские войска, действовавшие против войск внешнего фронта окружения, были в конце ноября объединены в новую группу армий "Дон" (командующий генерал-фельдмаршал Э. Манштейн), которая была усилена войсками с других участков советско-германского фронта и частично из Франции и Германии. В её состав вошла и окруженная группировка. В районах Котельниковского и Тормосина создавались две крупные ударные группировки. 12 декабря ударная группировка из района Котельниковского (армейская группа "Гот" в составе части сил 4-й немецкой танковой армии и 4-й румынской армии) перешла в наступление вдоль железной дороги на Сталинград, не дожидаясь сосредоточения другой ударной группировки в районе Тормосина. Используя огромное превосходство в силах, враг оттеснил войска 51-й армии за р. Аксай, где 15 декабря его наступление было остановлено, 19 декабря противник, создав сильную танковую группировку, возобновил наступление, но был остановлен на р.Мышкова войсками 2-й гвардейской (генерал-лейтенант Р.Я.Мали-новский) и 51-й армий. 24 декабря войска Сталинградского фронта перешли в наступление

и к 31 декабря полностью разгромили 4-ю румынскую армию и нанесли тяжёлое поражение 4-й немецкой танковой армии. Положение немецкофашистских войск, зажатых в кольцо, в начале января 1943 резко ухудшилось: занимаемая ими территория простреливалась советской артиллерией, материальные запасы истощались. Попытки противника организовать снабжение 6-й армии по воздуху были сорваны советской авиацией и войсками ПВО.

8 января 1943 советское командование предъявило командованию 6-й немецкой армии ультиматум о капитуляции, но оно по приказу гитлеровского руководства отклонило его. 10 января советские войска перешли в наступление (операция "Кольцо") с целью уничтожить противника. Развернулись ожесточённые бои. Враг упорно сопротивлялся, но войска Донского фронта продвигались вперёд и к 26 января расчленили окруженную группировку врага на две части: южную - в центре города и северную - в районе тракторного завода и завода "Баррикады". 31 января была ликвидирована южная группа немецко-фашистских войск. Её остатки во главе с командующим 6-й армией Ф. Паулюсом, только что произведённым Гитлером в генерал-фельдмаршалы, сдались в плен. 2 февраля сдались и остатки северной группы. На этом Сталинградская битва завершилась. В ходе контрнаступления, кроме двух уничтоженных немецких армий, были разгромлены две румынских и одна итальянская армии. Противник потерял полностью 32 дивизии и 3 бригады; 16 дивизий понесли потери в личном составе от 50 до 75% и утратили боеспособность. Общие потери немецко-фашистских войск с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 составили свыше 800 тыс. чел., около 2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и миномётов, до 3 тыс. боевых и транспортных самолётов и свыше 70 тыс. автомашин. Всего с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943, армии фашистского блока потеряли около 25% сил, действовавших на советско-германском фронте. До 1,5 млн. солдат и офицеров противника (с учётом потерь в ВВС) было убито, ранено и взято в плен. Огромные потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и потрясли всю военную машину фашистской Германии. До Сталинграда история не знала сражения, когда в окружение попала и была бы полностью разгромлена столь крупная группировка войск. Разгром врага на Волге ознаменовал начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и 2-й мировой войны в целом, началось изгнание вражеских войск с советской территории.

В Сталинградской битве сотни тысяч советских воинов проявили беспримерный героизм и высокое воинское мастерство. 55 соединений и частей, отличившихся в битве, были награждены орденами, 179 - преобразованы в гвардейские, 26 - получили почётные наименования. Около 100 воинов получили звание Героя Советского Союза. 22 декабря 1942 была учреждена медаль "За оборону Сталинграда" (ею было награждено свыше 707 тыс. участников С. б.), а впоследствии Сталинграду было присвоено почётное звание города-героя.

Мелекесс-Димитровград причастен к разгрому фашистов под Сталинградом

Во-первых, в нашем городе в марте 1942 года началось формирование 58-й гвардейской, орденов Ленина и Суворова, Краснознаменной, Красноградско-Пражской дивизии. В ее ряды было призвано немало мелекессцев, новомалыклинцев, николочеремшанцев, старомайнцев, симбирян. Практически целые батальоны состояли из воинов-земляков. В июле 1942 года дивизия стала выдвигаться на фронт. Части ее с декабря 1942-го влились в ряды наступавших под Сталинградом советских войск.

Ее боевой путь начался с Островского плацдарма на пункты Синюха-Солонец. Действиями и "мелекесской" дивизии в том числе, предполагался полный разгром 8-й итальянской армии. Операция эта вошла в историю Второй мировой войны под названием "Малый Сатурн". 17 декабря было занято Филоново, а 19-20-го освобождены Богучар и Дьяченково. А остальные 150 километров от Богучара до Миллерово дивизия уже двигалась "малой кровью", собирая в плен деморализованных итальянцев. Затем была занята станция Мальчевская - база всей 8-й армии. 31 декабря в нашу дивизию пришла радостная весть: ее частям было присвоено звание гвардейских, а сама дивизия получила свой постоянный номер - 58. В феврале 1943-го дивизия уже вышла на рубеж Северного Донца к станице Луганской. А 24 февраля - к станции Лозовая Харьковской области!

Это - о целом воинском организме... Но основу любого подразделения или части в армии составляют прежде всего люди. Потому о них, наших земляках, о ком еще сохранились рассказы в истории города, мы должны в первую очередь вспомнить в связи с годовщиной разгрома гитлеровских армий под Сталинградом. О тех, кто ценой своего здоровья, своими жизнями внесли самый великий перелом во Второй мировой войне.

Константин Дмитриевич Шулаев, - мелекесский паренек был призван в ряды 58-й дивизии прямо из цехов будущего завода "Химмаш", где он осваивал профессию токаря. В период формирования дивизии он выучился военной специальности - связиста. Под Сталинградом стал сержантом. При освобождении правобережной Украины и за форсирование Днепра, налаживание здесь бесперебойной связи командованию, - стал Героем Советского Союза, лейтенантом. Вместе с родной частью дошел до Праги, служил в Австрии. Его имя золотыми буквами вписано в историю 58-й!

18-летняя девочка-мелекесянка Тоня Коновалова (в замужестве - Ильина), закончив курсы медсестер работала в городском госпитале. Затем изъявила желание пойти в действующую армию и была зачислена в 58-ю, в 270-й ее стрелковый полк санинструктором. Полку наши земляки перед отправкой на фронт вручили Красное знамя, которое воины полка пронеслисквозь все бои - до Победы. Знамя это и ныне хранится в ленинском Мемориале в Ульяновске. А мелекесская девочка-санинструктор стала опытным бойцом Великой Отечественной. Кавалером орденов и медалей, о ее подвигах во имя спасения жизни раненых бойцов не раз писала фронтовая пресса. Демобилизовалась она из армии только в июле 1945-го. Вернулась в родной город ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ!

Участник ВОВ и известный в городе журналист Ростислав Радецкий рассказал на страницах городской газеты о подвигах фронтового летчика Александра Миронова - нашего земляка: "Учиться его посылал директор Казанского авиазавода Михаил Моисеевич Каганович, брат того самого сталинского наркома! Он же напутствовал молодых летчиков, когда тех призвали в армию. С 22 июня 1941-го Миронов начал свой боевой путь в фронтовом небе. Но, когда стало тяжело уже под Москвой, всех пилотов, кто не имел самолетов, собрали в полк и придали 27-й стрелковой дивизии. Затем бои под Сталинградом. Полтора месяца летчик-стрелок Миронов не выходил из окопов на Мамаевом кургане. Там же насмерть стояли и умирали, не сдав врагу позиций, чекисты из дивизии НКВД. Миронов под одной из бомбежек оказался заживо погребенным под землей. В полку его сочли погибшим и послали домой похоронку. Выручили бойцы, подошедшей сюда 13-й дивизии Родимцева. И, только спустя еще два месяца, благодаря случайной встрече Миронова с генералом Чуйковым, он вновь сел в кабину боевой машины...

А на Сталинградском мемориале в списке павших здесь защитников города до сих пор находится имя нашего земляка. Чудом выжившего в той кровопролитной битве! И, надо же такому случиться, - в одном из боев на Орловщине 18 июля 1943 года истребитель Миронова был сбит, летчик ранен. Самолет плюхнулся "на брюхо" на вражеской территории. Лишь на вторые сутки раненого пилота подобрали местные жители. А в полку посчитали погибшим. Крестьяне выходили нашего земляка. Но семья летчика вторично получила похоронку на сына. Когда перебрался Миронов к своим, шесть месяцев долечивался в госпитале и никто не хотел верить в его чудесное спасение... А на одном из обелисков в Орловской области навечно в списке погибших здесь воинов, уже вторично, золотится фамилия героя из Мелекесса, который и после войны жил среди нас долго и счастливо.

В октябре 1982 года большая группа димитровградских ветеранов-фронтовиков составила делегацию на торжествах в Волгограде. Здесь они со скорбью и гордостью вспоминали те дни лета 1942-го и весны 1943-го. Минометчик В.И.Недоступ из 13-й гвардейской дивизии - о том, как в дивизии Родимцева форсировал Волгу, красную от крови, шипящую от осколков мин, снарядов и бомб...

Виктор Петрович Ершов, - командир минометного взвода во время ВОВ, рассказывал волгоградским школьникам, как он прибыл в Сталинград 18-и летним мальчишкой и прошел весь ад у Волги.

Лидия Николаевна Чечикова была старшиной медицинского батальона на Лысой горе, где три дня после боев подбирали раненых солдат. Собрали более трех тысяч! И наших и немцев...

Лейтенант медслужбы З.Ф. Стадник вспомнила, как освобождали тракторный завод и там вытащили из горящего самолета раненого летчика-героя Советского Союза Лященко. Видела она воочию и пленение фельдмаршала Паулюса.

А.И.Забелин был сержантом в авиации, воздушным стрелком. Он говорил о том, что в Сталинграде наши воины седели во время боев от ран, крови, смертей товарищей...

Многое тогда,- судя по рассказу воина-десантника А.Н.Жукова, к

воспоминаниям которого мы прибегли, мелекессцы смогли донести до нынешних жителей красивого и нового города на Волге. Воспоминаниями о страшных днях битвы под Сталинградом-Волгоградом поделились наши земляки, ветераны ВОВ: В.Шепелев, Г.Панкрушин. А. Миронов, многие другие делегаты-фронтовики.

Эта - беспримерная в истории войн битва, навечно вошла в тома по истории Второй мировой войны, и не только в России. Земля в городе под Мамаевым курганом, - священна для всех россиян - это город их мужества, боевой молодости - Сталинград. Место, где советские солдаты сломали хребет хваленой германской армии, справились с фашизмом. Мы же горды, что наш город, его жители причастны в полной мере к этой большой победе!

Валерий ГОРДЕЕВ

В армии Катукова

5 января 1942 года в Ставке Верховного Главнокомандующего И. Сталина состоялось совещание, где было принято решение об общем наступлении на гитлеровские войска под Москвой. Это был план ВТОРОГО этапа по ликвидации группи ровки немеико-фашистских войск на подступах к столиие. Интересно, что на совещании, кроме Сталина, генералов Ватутина, Штеменко, Захарова, Василевского, Черняховского, Рокоссовского, Москаленко, Баграмяна, Рыбалко, участвовали и интересующие нас лица. Это -Г. Жуков, Е. Петров (впоследствии ставший заместителем Жукова по проведению учений со взрывом атомной бомбы на Тоиком полигоне), а также командующий 20-й армией генрал... Андрей Власов и командующий гвардейской танковой армией генерал М. Катуков.

Наступление это, начавшееся 10 февраля, дало результаты только в направлении Вязьмы и на калужском направлении. Затем оно завязло в снегах, морозах, плотной обороне гитлеровцев... Но особо отмечались успешные действия войск генералов Белова, Власова, Катукова. Было это 67 лет назад...

Каких только былей и легенд не случалось с нашими земляками, которые прошли фронты Великой Отечественной войны! Хватит не на одну книгу... Этот рассказ о том, как мелекессец, гвардии полковник Евдоким Катиркин воевал под командованием прославленного полководца Михаила Ефимовича КАТУКОВА.

Однополчане

Хотя, судя по рассказу Катиркина, в разное время в войсках Катукова воевали еще три человека из нашего города кроме него самого, - бывшего начальником связи 4-й танковой бригады. Еще были: бывший председатель горисполкома и инспектор ЦК профсоюзов по Мелекессу - Петр Васильевич Епанешников и бывшая санинструктор Александра Никандровна Земцова.

Е.П. Катиркин в 1974-м году подробно описал встречу ветеранов 1-й танковой армии маршала Советского союза М. Катукова с жителями братской Украины, в местах, освобожденных от гитлеровцев воинами-катуковцами. В дальнейшем мы будем придерживаться его текста.

Прямо мистически знаменательно, что танковой армии Катукова за освобождение украинского города Чорткова было присвоено наименование "ЧОРТКОВСКОЙ" - это, если бы, как за освобождение села Бесовки в Новомалыклинском районе, - называли бы армию освободителей - "БЕСОВСКОЙ"...

Хотя, истинный смысл в "Чортковских" действиях танкистов и их командира М.Катукова,- был налицо. Воины из соседних с катуковцами частей с ласковой подначкой звали танкистов за их непрезентабельный вид "мазутными чертями". А немцы, страшно боявшиеся неудержимой лавины атакующих танков Катукова, - "бронированными чертями"...

Впервые, подполковником, Катуков в истории Великой Отечественной войны возникает в 1941-м году, в рядах войск Юго-Западного фронта. Тогда, в июне-сентябре его судьба, да и судьбы его однополчан - не стоили и полушки...

Блестящие немецкие генералы-победоносцы и их танковые армии распяли и изнасиловали всю Европу. Намотали на траки своих боевых машин Польшу, Югославию, Чехословакию, Бельгию, Францию, Голландию, Данию, Норвегию, Австрию. Будущие фельдмаршалы Гот и Гудериан беспрепятственно начали свое шествие в историю. И некому, и нечем было им оказать достойное сопротивление. Если бы...

20-я танковая дивизия РККА, в составе которой была и 4-я танковая бригада, сформированная в 1941-м подполковником Катуковым, к 26-му июню вышла в район сосредоточения на прикрытие советской границы в поселок Клевань под Ровно. Но 22-го июня ее командир М.Катуков еще находился в Киевском окружном госпитале по поводу операции на почках. В тот же день, услышав о начале войны, этот несгибаемый военный профессионал, весь в повязках на незаживших еще ранах от скальпеля хирургов, выкрав форму из каптерки, выехал на фронт в свою бригаду. Бесстрашие недолеченного в госпитале комбрига и его танкистов перед немецкими "танковыми клиньями", равнодушие к собственной жизни и воинское умение, - породили некую боевую безрассудность уже в первые дни войны. Бригада, невзирая на потери и превосходящие силы врага, шла

и шла в атаки! Этакая безрассудность объяснима была и тем, что недавно комбриг Катуков схоронил свою жену, свою офицерскую и человеческую опору в жизни, семье, и мало чем дорожил теперь в жизни нынешней. А беспредельная вера в своего командира, умение и злость его воинов, их отчаянные боевые рейды, - стали и основой их побед над хвалеными танками Гудериана и его войском.

Как и мой отец, Е.Катиркин, еще более двух миллионов воиновпрофессионалов из кадровых частей РККА, готовившихся к этой войне и, попавшие в "переплет" в первые ее дни в Киевском особом военном округе под основной танковый удар немцев, хорошо знали, чего им стоили бои в составе недоформированных по военному времени, дезорганизованных частей, перед лобовым ударом всей мощи германской армии! Не только истерические приказы И. Сталина: "...контратаками выбить врага с советской земли и добить его на чужой территории... Киев - не сдавать!", - но и высочайший профессионалиям кадровых дивизий и бригад, их личного состава, - стали тогда под Киевом основой многих будущих побед. Обеспечили мобилизацию в тылу, были беспримерным образцом мужества, героизма, самопожертвования, бессмертия!

Войска 5-й армии в составе Юго-Западного фронта были наиболее других поражены противником. Этому способствовало много факторов, в том числе и то, что это была ПРАВОФЛАНГОВАЯ армия, которая при молниеносном прорыве своего фронта и Западного фронта, с которым она соприкасалась, первой оказалась в плотном окружении немецких передовых войск на стыке двух советских фронтов.

При этом, раненым в плен к врагу попал командарм генерал М. Потапов. Затем он погиб. Из такого смертельного окружения вышло, присоединившись под Киевом к частям отступавшей от города 37-й армии генерала А. Власова, лишь 20 процентов всех войск 5-й. Но и среди такого бедлама всегда находятся герои! Среди достойно отходивших со страшными боями были и сохранившие честь, боеспособный состав, матчасть, подразделения 4-й танковой бригады М. Катукова. Да, обескровленные, почти без боезапаса, на последних каплях горючего, но наносящие тяжкий урон врагу. Тогда-то и пришло к ним фронтовое, дорогого стоящее определение - "Катуковцы!".

Следующий этап боевого пути полковника М. Катукова и его однополчан происходит в августе 1941-го. На Сталинградском танковом заводе. Вот как вспоминает эти дни, назначенный Председателем ГКО И. Сталиным уполномоченный ГКО по Сталинградскому тракторному заводу Наркомсредмаша по производству танков Т-34 А.Ветров: "... ко мне в кабинет вошел среднего роста полковник, командир формирующегося в Сталинграде войскового соединения, личный состав которого принимал участие в работах по сборке танков.

- Товарищ Уполномоченный Государственного Комитета Обороны! - строго официально обратился он ко мне.

Я встал со стула, приветствуя его и вошедших вслед за ним военных.

- Докладывает командир 4-й танковой бригады полковник Катуков. Прошу вашего содействия в ускорении сборки и передаче, выделенных моей бригаде

пятнадцати тридцатьчетверок, а также в получении дополнительного количества ходовых запасных частей к ним. - И, снизив голос, уже неофициально, закончил: - Понимаете, дела на фронте не позволяют нам здесь долго задерживаться...

По худому и обветренному лицу, воспаленным глазам, да и по видавшей виды, полинявшей грубошерстной гимнастерке, можно было заключить, что полковник недавно с передовой. Такое же впечатление оставляли и пришедшие с ним танкисты. На двух из них белели повязки, а один опирался на палку...".

В дальнейшем разговоре специалист получил от воинов-фронтовиков несколько практических советов по доводке Т-34. П.Г.Динер, например, посетовал на быстрый выход из строя шестеренок коробки передач, на малый моторесурс танка, на неблагополучие электростартеров, траков, "пальцев". Много говорили об отскакивающем в бою при попадании снарядов в борт окалины из сварочных швов. Это было вскоре устранено.

В сентябре у танкосборочного цеха состоялся митинг, посвященный передаче воинам Катукова новых боевых машин. Вспоминает А.Ветров: "С ответным словом выступил командир 4-й танковой бригады полковник М.Е.Катуков. По слегка побледневшему еголицу и горящим глазам было видно, что он взволнован.

- Огромное спасибо вам, тракторозаводцы, за могучие сталинградские танки и за добрые слова в наш адрес! сказал комбриг и склонил обнаженную голову.
- От имени воинов вверенной мне бригады, я заверяю Центральный Комитет нашей родной большевистской партии, правительство и вас, дорогие товарищи, в том, что мы всегда были, есть и будем верными сынами Советской отчизны, борцами за правое дело свободы и независимость народов! Будьте уверены, что врагеще не раз почувствует силу наших танковых ударов. Конечная победа будет за советским народом!
  - ...Прозвучала команда:
  - По машинам!

Экипажи быстро заняли свои места в танках, Загрохотали двигатели и, скрежеща гусеницами, тридцатъчетверки двинулись к распахнутым заводским воротам...

- Наверное, направляются на Западный фронт, там сейчас очень сложно, - подошел ко мне начальник механического цеха Л.Е.Макоед..."

ОН ОКАЗАЛСЯ ПРАВ. Танковая бригада профессиональных воинов Катукова встала во фронт армии К.Рокоссовского под Москвой. Там, где был нанесен последний яростный удар гитлеровцев. Катуковцы прикрыли своей "стальной грудью" Москву на Истринском направлении у водохранилища. Выдержали все атаки врага и неудержимо сами контратаковали немцев.

Интересны воспоминания фронтовиков - участников боев того, 41-го, тех танкистов, которых вывел из окружения их легендарный комбриг. Запись рассказа нашего земляка П.Епанешникова: "Мы очень дорожили жизнью и здоровьем нашего комбрига, - понимая, что он - организатор и вдохновитель всех ведущихся победных боев. Мы всецело доверяли ему, вверяя свои жизни Катукову."

Такому отношению к командирам, особенно к тем, которых по-человечески любили подчиненные, было скорее доверием, чем исключением. Хотя, в 1941-м подразделения НКВД Берии доносили наверх, что в войсках Юго-Западного фронта (из почти 3-х миллионов человек, сражавшихся здесь) 75000 солдат и офицеров задержано в качестве дезертиров!

Но - были и другие примеры, равнозначные любви катуковцев к своему комбригу. Писатель, Герой Советского Союза В.Карпов в своей книге "Полководец" приводит такой эпизод из истории Юго-Западного фронта: "Во время одного из налетов авиации, осколком бомбы Карпезо (командир 15-го мехкорпуса РЕД.) был сражен. Бойцы и офицеры любили своего комкора. Хоть и в спешке боя, но все же похоронили его с прощальным салютом, возложили на могилу венки из полевых цветов.

Вскоре после похорон возвратился из штаба армии, куда его вызывали по какому-то неотложному делу, полковой комиссар И.В.Лутай, заместитель комкора по политчасти. Крепкая дружба связывала его с Карпезо.

...комиссар, потеряв самообладание, стал кричать:

- Карпезо погиб?! Не может быть! Не верю! Разройте могилу!

Уговаривали, успокаивали комиссара, но он настаивал на своем. Пришлось раскопать могилу. И надо же случиться такому чуду: прощаясь с боевым другом, обнимая его, Лутай уловил тепло в его теле, а потом и слабое биение сердца! Видно, неопытный врач поспешил констатировать смерть комкора. Немедленно была оказана медицинская помощь. Карпезо ожил!"

Отстояли Москву

Вот такое же отношение было в 4-й танковой бригаде к М.Е.Катукову, - без которого ветераны-танкисты не представляют своего боевого пути. Это подтвердили и бои под Истрой, когда катуковцы, получив новые танки из Сталинграда, с войсками К.Рокоссовского гнали немцев от столицы. Когда, заслонив под Мценском своими бронемашинами Тулу, они отбили атаки бронированных «клешней» Гудериана, одержав здесь победу в одном из первых в истории этой войны массовом танковом сражении.

Теперь от воспоминаний мелекессцевкатуковцев обратимся к другим первоисточникам. Рассказывает вторая жена комбрига Екатерина Катукова-Лебелева:

- Фашисты на две недели отложили наступление на Тулу. Гудериан писал: "...Это был первый случай, когда огромное превосходство Т-34 над нашими танками было совершенно очевидным. От наступления на Тулу пришлось отказаться.."

Приказом N 337 от 11 ноября 1941 года ВПЕРВЫЕ в Советской Армии танковой ДИВИЗИИ Катукова было присвоено звание - Гвардейская. Танковая же тактика ведения боя танковыми зигзагами была взята на вооружение во всех бронетанковых частях...

"В разгар ожесточенных боев в районе Волоколамска, я и встретилась с Михаилом Ефимовичем Катуковым. В то время я работала в редакции радио "Говорит Западный фронт" и приехала в его дивизию делать репортаж... Помнится, вышли мы с Михаилом Ефимовичем из избы, постояли немного под сосной, поговорили, и я поняла, что останусь с этим человеком навсегда. В ту пору у каждого из нас уже была за плечами крутая, сложная жизнь...

"Крутая" новая жизнь корреспондентки радио и комдива-танкиста началась сразу же!

- Курская битва... День и ночь тут бушевал огненный смерч. В ночь на 6 июля во вторую полосу обороны была выдвинута 1-я танковая АРМИЯ Катукова. Против нее фашисты кинули в бой танковые дивизии СС "Адольф Гитлер", "Мертвая голова", "Викинг", мотодивизию "Великая Германия".

На Курской дуге едва не погибла и я. Бои были такие страшные, что казалось, живыми мы не останемся. И вот, когда бои уже стали стихать, когда казалось, что уже все позади, вдруг над деревней Средняя Долина появился самолет "рама" и сбросил одну бомбу.

...В те дни штаб армии Катукова едва не попал в плен... Это было такой мелочью, что на подобное мы даже не обращали внимания. Я даже не прилегла к земле. Небольшой осколок от бомбы заскользил по моим волосам и тихо упал возле ног... Какое имущество у генерала и его боевой подруги? Подбитый мехом кусок брезента, который давал возможность спать на снегу. У меня была еще большая пуховая шаль. Она и платком служила, и одеялом - это все, что мы имели с Михаилом Ефимовичем в годы войны...

Далее - начинаются годы победоносного движения ПЕРВЫХ - дивизии и армии, ГВАРДЕЙСКИХ соединений Катукова, в рядах которых с первых дней войны рядом с ним сражались и мелекессцы. Их мобильное, несокрушимое и победоносное соединение перебрасывали, как резерв Ставки Верховного Главнокомандования, с 1-го Украинского (комфронта И. Конев), на 1-й Белорусский фронт (комфронта Г.Жуков).

Атакующие, разящие действия, которые демонстрировали "катуковцы", позволяли Михаилу Ефимовичу гордо и независимо держаться на равных даже с такими жестокими военачальниками, как маршал Жуков. Е.Катукова пишет: "Не могу не сказать, что по отношению к подчиненным у маршала Жукова преобладала манера повелевать. Вежливостью Георгий Константинович не отличался. Все старались уйти от гнева Жукова.

И только Катуков однажды смело возразил ему:

- Товарищ маршал Советского Союза! Вы не подготовлены для разговора. Вам необходимо успокоится. Тогда я буду слушать вас.

И Георгий Константинович понял свою неправоту!

Спустя много лет, когда Жуков был "наказан", находился не у дел, он при встрече со мной сказал:

- Михаил Ефимович порядочный и честный человек. Он один из немногих нигде не сказал обо мне ничего плохого..."

Оценивая боевые заслуги армии Катукова, командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.Конев пишет: "Убедительно доказали свое моральное и боевое превосходство над врагом и советские танкисты. Техническое превосходство нашего танка Т-34 наглядно проявилось на поле боя. Значительно выше оказалась и тактическая подготовка танкистов. Советские танковые войска под командованием генералов П.С.Рыбалко, П.А.Ротмистрова, С.И.Богданова, М.Е.Катукова и В.М.Баданова (кстати, тоже наш земляк РЕД.) на всех этапах борьбы сражались умело и храбро, и были могучей ударной маневренной силой сухопутных войск."

Кто творил победу?

Наши земляки и другие воины дивизии, а потом армии М.Катукова, не только совершали подвиги на полях сражений, они были первыми "миротворцами" в этой жестокой битве. Однажды 1-я гвардейская танковая армия освободила лагерь военнопленных... За противотанковыми рвами и четырьмя рядами колючей проволоки они увидели бараки и 32 электропечи, в которых сжигали людей! Всего несколько тысяч бывших узников, оставшихся живыми, рыдая встречали своих освободителей "катуковцев". Обнимались с танкистами. Плакали и пели бравурные песни на разных языках.

В дни капитуляции гитлеровской Германии сам Катуков всячески пытался обезопасить своих танкистов от глупой уже гибели. Е.Катукова пишет: "Зееловские высоты были круты и недоступны для танков. Разведка нигде не нашла никаких путей на эти высоты, их попросту не было. Вокруг лес, овраги, минные поля, мощная противотанковая оборона. И тут Михаилу Еыфимовичу пришла в голову мысль - пустить танки с зажженными фарами по железной дороге, что шла по глубокому каньону с отвесными скалами. И еще решено было создать вдоль дороги видимость боя, чтобы противник подумал: это его войска выходят из окружения.

В ночь с 16 на 17 апреля 11-й танковый корпус прорвался по железной дороге на высоты..."

А вот еще одно аналитическое замечание, раскрывающее нам характер полководца и веру в его талант подчиненных. В конце войны окончательно сложилось несколько групп военачальников, приверженных тому или иному военному лидеру. Конечно, верх одержали те, кто не предал своего "ведущего", не изменил лидеру, но и безоговорочно верил в гений и авторитет И.Сталина. Это оставались: Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Мехлис, Булганин, Шапошников, Голиков, Захаров, Штеменко... Старая гвардия.

Против нее образовалась новая "жуковская" гвардия, названная Георгием Константиновичем в его воспоминаниях: Соколовский, Хозин, Федюнинский, Жадов, Курочкин, Берзарин, Черняховский, Телегин, Малинин, Шаповалов, Полубояров, Казаков, Катуков...

Им же противостояли еще две группировки из новых и ретивых боевых генералов: здесь лидерами стали маршалы И.Конев и А Василевский. За ними шли такие военачальники, как Гречко, Рыбалко, Плиев, Судец, Баграмян, Бабаджанян, Данишевский, Драгунский, Еременко, Мерецков, Подлас, Рокоссовский, Крейзер, Колпакчи... Уже одно перечисление имен дает нам представление о тех, кто схлестнулся в борьбе за власть в будущем.

Вместе с падением самого "вдохновителя наших побед" Г. Жукова, началось послевоенное падение и всех его фаворитов, сторонников. Уже при хрущевском режиме власти М.Катуков, доказав все-таки свою лояльность новой верхушке в КПСС, стал наконец, тем, кем достоин был еще в годы войны главнокомандующим бронетанковыми войсками ВС СССР. Но под ним, для контроля за героем войны, был пристроен генерал Бабаджанян...

Но немного и о другом. О том, чего, может быть, и не подозревали сами "катуковцы". В 1973-75-х годах они проехались по местам боевой славы 1-й Ударной гвардейской танковой армии. Все, - кто к тому времени остался в живых. И - трое из них были мелекессцами!

"Чортовские", - те, кто чертом рвал фронты и обороны гитлеровцев, кто из стволов пушек своих тридцать четверок крушил бронированные армады фашистов, - все они вновь побывали на Днепре, Днестре, Пруте, в Прикарпатье, где Катуков и его ребята-гвардейцы крушили немецкие гарнизоны. Об этом подробно рассказывала газета "Знамя коммунизма" в июне 1974 года. Наши "катуковцы" были самыми знатными гостями в этих освобожденных ими районах...

В кинофильме "Освобождение" есть эпизод, где сам Катуков, в танковом комбинезоне, стоя на танке, кричит своим орлам: "Вперед! За Родину!"

Этот кадр очень рассмешил настоящего командарма М.Катукова и его однополчан. Он нисколько не отражал настоящей боевой действительности. Командарм был смелым, но не тупым командиром. И на танк его без лишней необходимости никто из его подчиненных не допустил бы. Настоящий полководец нужен совсем в ином качестве своему войску!

Полезные сведения из истории России

10 марта 1845 года родился будущий Самодержец Российский, Император Всея Руси - Александр III Александрович Романов. Он известен в стране не только тем, что после гибели от рук террористов его отца Императора Александра II Николаевича, новый Государь увеличил штат Отдельного корпуса жандармов, создал секретную полицию, но и тем, что в течении 1883-1885 годов ликвидировал последние очаги терроризма. Государь сумел так настроить земское самоуправление, перестроить Империютак, что на всей ее территории русский народ стал народом-хозяином, а среди религий главенствующей стала Православная. Император Александр III, повторяя неустанно: "Не забудем о том, что евреи распяли Христа!", исключительное значение придавал строительству церквей и созданию церковноприходских школ. За его 13-ти летнее царствование было построено 5000 храмов, 31000 церковноприходских школ, где обучалось более миллиона детей.

Его царствование было самым мирным в истории Отечества. Лишь, защищая свое достоинство, русские войска наголову разбили афганскую армию на реке Кушка, освободив наши пограничные земли. Он же был инициатором создания в Европе Лиги наций, запрещения производства нового вида вооружений, войн...

В год коронования Александра III в Москве был торжественно освящен храм Христа Спасителя.

К 1915 году, когда Россия уже год как вела боевые действия на фронтах Первой мировой войны, в Империи было - 30 кадетских корпусов: 1-й и 2-й кадетские корпуса; им. имп. Александра II; Николаевский и Морской - в Санкт-Петербурге. 1-й Московский им.императрицы Екатерины II; 2-й Московский им. имп. Николая I; 8-й Московский им. имп. Александра II; Орловский - Бахтина; Воронежский им. Великого Князя Михаила Павловича; Нижегородский им. графа Аракчеева; Полоцкий; Псковский; Петровский - Полтавский; Владимирский - Киевский; Вольский; Оренбургский - Неплюевский; 2-й Оренбургский; 1-й Сибирский им. Имп. Александра II; Симбирский; Тифлисский; Донской им. имп. Александра III; Ярославский; Суворовский в Варшаве; Одесский; Сумский; Владикавказский; Ташкентский - Наследника Цесаревича; Хабаровский им. Графа Муравьева-Амурского; Иркутский.

Эти учебные заведения были предназначены для сыновей генералов, оберофицеров и потомственных дворян. В Николаевский корпус принимали кроме того и сыновей личных дворян, купцов и почетных граждан. Полный курс учебы в этих средних учебных заведениях составлял 7 лет. В Морской кадетский корпус принимали сыновей офицеров Морского и Военного ведомства или лиц, окончивших одно из средних учебных заведений, как состоявших на службе или в Записи, так и отставных. Лиц всех сословий Христианского вероисповедания, окончивших курс в одном из высших учебных заведений, а также потомственных дворян, священнослужителей Христианского

вероисповедания не ниже сана Иерея, гражданских чинов - не ниже VIII класса. Плата за своекоштного составляла 450 рублей.

Военные училища (юнкерские) распределялись так-

Пехотные: Павловское и Владимирское в С.-Пб-ге; Александровское и Алексеевское в Москве; Киевское и Казанское - с 2-х годичным курсом; Виленское, Одесское, Чугуевское, Тифлисское им. Великого Князя Михаила Николаевича, Иркутское - с 3-х годичным курсом обучения.

Кавалерийские: Николаевское (с казачьей сотней) в С.-Пб-ге; Елисаветтрадское и Тверское - все они были двухклассные.

Казачьи: Новочеркасское и Оренбургское - оба трехклассные.

Артиллерийские: Михайловское и Константиновское - оба в Санкт-Петербурге.

Там же находилось и Инженерное училище - Николаевское. Военно-Топографическое училище и Военно-Топографическая рота располагались при Елизаветградском училище.

Морское инженерное училище им. Императора Николая 1 располагалось в Кронштадте. В нем было два отделения: кораблестроительное и механическое, курс обучения - 4 года.

Все абитуриенты сдавали вступительные (конкурсные) экзамены по - алгебре, арифметике, геометрии, тригонометрии, физике, русскому языку и рисованию.

При поступлении кроме аттестата зрелости, свидетельства или диплома об окончании полного курса среднего или высшего образования, а также приписного свидетельства, требовалось предъявлять свидетельство о благонадежности.

Военных специалистов готовили кроме военных училищ в институте Инженеров Путей Сообщения им. Имп. Александра I, в Императорской Военно-Медицинской Академии в Санкт-Петербурге, Электро-Техническом институте им, Имп. Александра III, в Николаевской Инженерной Академии, Николаевской Академии Генерального Штаба, Александровской Военно-Юридической Академии, в московском Лазаревском Институте восточных языков...

Статистика

Владения Российской Империи в полном их составе на 1915 год представляли более 1/22 части всей поверхности земного сфероида и около 1/6 части поверхности суши и почти в 2, 1/2 раза более материка, занимаемого Европой. Все государства мира, кроме Великобритании с ее колониями, были меньше Российской Империи. В ее состав входили в тот период Финляндия и Польша.

Административно Россия была разделена на 78 губерний, 21 область, 2 округа и 1 отдел. Всех населенных пунктов в стране насчитывалось - 599277, в том числе городов - 930 и посадов, вроде нашего Мелекесса, - 412.

Плотность населения в России составляла 8,9 человек на одну квадратную версту. Густота населения была в 34 раза менее густоты населения Бельгии, в 20 раз менее Англии, в 16 раз - Германии и в 10 раз - Швейцарии и Франции. Около 9/10 населения Империи составляли сельские жители. К 1 января 1912 года всего населения России было 171. 059. 900 человек.

Племенной состав населения России был таков:

Русских - 65,5%, Турецко-татарских племен - 10,6%, Поляков - 6,2%, Финнов -4,5%, Евреев - 3,9%, Литовско-латышских племен - 4,3%, Германнов (шведов и немцев) - 1,6%.

По вероисповеданию наша родина выглядела следующим образом: православных - 70%, магометан - 10,8, католиков - 8,9, протестантов - 4,8, иудеев - 4,1, армяно-грегориан - 0,9, язычников - 0,5.

Интересно, что армия России в мирное время составляла 1.384.000 человек, при 4500 орудиях и 350000 лошадей. В военное время мобилизовывалось до 4 миллионов человек, при 6000 орудиях и 100000 лошадей. Флот имел 13 линейных кораблей, 3 броненосных крейсера, 11 крейсеров, 71 эскадренный миноносец, 107 простых миноносцев, 70 миноносок, 5 заградителей, 30 подводных лодок, 14 канонерок, 10 речных канонерок, 33 транспортных судна, 14 пароходов Добровольного флота и 110 судов другого типа. Флот нес на вооружении 2663 орудия.

По абсолютной длине железных дорог Россия была третьей в мире после США и Великобритании с ее колониями. Вся железнодорожная сеть России составляла 67791 версту. В Европейской части - 52832, в Азиатской части (считая и Китайскую Восточную ж.д.) - 11734, в Финляндии - 3225. Общая длина рек, озер и каналов в России составляла (без Финляндии) - 362.366 верст. Общий улов рыбы в них был более 41 миллиона пудов.

В нашей стране на тот период в тылу было 34,5 миллиона лошадей,51,5 миллиона крупного рогатого скота, 78 миллионов овец и коз, 14 миллионов свиней. Производилось 9 миллионов пудов льна, 27,5 - хлопка-сырца, 80 - сахара, 5,5 - табака. Добывалось около 4000 пудов золота в год, около 500 - платины. Выплавлялось 185 миллионов пудов чугуна, около 600 миллионов пудов нефти шло на переработку.

В тот период для наших предков работало 123.864 учебных заведения, в которых получали образование 7.901.477 учащихся. Народы России разговаривали более, чем на 100 разных языках...

В Москве проживали - 1.617.157 человек, в Самаре - 145.568, Симбирске - 64.072, в Мелекессе-Димитровграде - 15.000. Интересен тот факт, что в 1915 году, не на фронтах, не от обстрелов или бомбежек, а от диких зверей (!) гибло: в Томской губернии - 428 человек, в Тверской области - 243, Самарской - 187, Вятской - 117, в Санкт-Петербургской и Московской губерниях по - 4.

В те годы начал развиваться и воздушный флот армий-противников. Против России, имевшей на счету 18 военных дирижаблей 1,2,3,и 4 классов, выступало 24 воздушных судна подобных классов со стороны Германии, 5 - со стороны Австрии, 1 - со стороны Турции. Протяженность почтовых путей в России составляла 256.047 верст, телеграфных линий - 186.699, телеграфных проводов -660.623. На каждого жителя России ежегодно приходилось по 7,5 письма, в годы войны эта цифра за счет фронтовых отправлений была утроена.

Русский золотой рубль в сравнении с иностранными золотыми монетными единицами составлял: к немецкой марке - 2,16;английскому фунту стерлингов - 0,1; к американскому доллару - 0,51; австрийской кроне - 2,53.

Тайные истории Мелекесса-Димитровграда

1. Поиски затерянных сокровищ

Говорят, что кладоискатели фактически делятся на теоретиков этого дела, энтузиастов и профессионалов-гробокопателей. Людей, занимавшихся этим при советской власти было значительно меньше, чем сегодня - люди опасались, что у них отнимут добытое, про найденные клады старались говорить шепотком. Наступили иные времена. Свобода в обществе прибавила веры в свободное обращение с кладами. Появились целые изыскательские группы, оснащенные мощной современной техникой и аппаратурой. Все хотят разбогатеть одноразово.

Потому важно различать тех, кто хватается за любой слух и готов распотрошить все, что угодно, может быть не останавливаясь и перед преступлением, опустошая огромные территории,- и тех, кто основательно прорабатывает материал, ставя на первое место историческую ценность находок, действует тактично, точно, осведомленно.

Нашему городку более 310 лет. Естественно, что в лихие годины состоятельные люди много чего припрятали на его территории. Потому проблема кладоискательства коснулась и наших краев. В этой главе я попытаюсь рассказать о некоторых, почти невероятных вещах и происшествиях. Предположить некоторые места в старом Мелекессе, где еще могут порыться кладоискатели. Но при всем этом, имея в виду, что тема деликатная, что отношения счастливых кладоискателей и властей до сей поры еще очень настороженные, что законодательство в этом отношении несовершенно,- не стану называть имен и фамилий, уточнять "географию" находок.

Из детства помню, как старинный приятель моего деда, вообщем-то общительный человек, купив домик по улице 3-го Интернационала,в районе корпуса пединститута, вдруг резко заугрюмел, стал нелюдимым и подозрительным. А сына срочно отослал в Самару на новое место жительства. С той поры у него стали водиться и денежки. Как-то в разговоре с моей нянькой дед пооткровенничал: "А Констинтин-то клад отрыл у себя в подполе. Уж не знаю, чего там было, но по-всему видать- немалый барыш. Вот и сам собирается в Самару, говорит - избу там прикупить хочет..."

Достоверно знаю и видел, что дед у нас в стареньком доме нашел золотые монеты. Потом этот клад в спичечном коробке, хранившемся под стрехой в сараюшке, перекочевал к подпольным дантистам.

Уже перед смертным одром дед поведал и еще об одном кладе. В 1918-м они с моим прадедом, которому была доверена тайна захоронения в районе Верхнего пруда, выкопали некоторые вещи, упрятанные там городским головой К.Г.Марковым.

Как-то я заинтересовался: а какова обстановка с кладоискательством в округе, ведь по Волге издавна ходят слухи о богатейших захоронениях многих ценностей. Да и было кому это делать!

Интересно, что на территории Ростовской области множество описанных мест предполагаемых древнейших кладов. Скажем: золотые и серебряные монеты находят в Поповом лесу, владении княгини Чеботаревой в Бирючинском уезде;Кудеяров дом - два древних кургана близ села Мечетка Бобровского уезда; в Богучарском - есть подземный монастырь, в Остоженском - бывший разбойничий притон, есть такие места в Старотойденской, Докторовской, Сенновской, Семейской волостях...

Есть подтверждение слухам, что преследуемый войсками генерала Михельсона Емельян Пугачев отдал приказ награбленные сокровища утопить в озере у села Солодовники в Астраханской губернии.

Недалеко от нас в Вольском уезде Саратовской губернии у села Воскресенского обнаружен подземный ход. Есть там и другие тайные ходы, где уже обнаруживали клады золотых монет...

По временной отдаленности от нас самым реальным для находки считается захоронение на территории Ульяновской и Самарской областей казаков из войска Степана Разина. Вообще в волжских откосах и в Жигулях немало должно быть упрятано в штольнях старых шахт, выработках, пещерах. Здорово "шалили" в те времена на главных водных трассах Империи разбойники под парусами на лодках - ушкуйники. Ходили они и по Черемшану, прятались на его островах.

Достоверно известно, что 23 апреля 1847 года была разграблена у села Мордова Сенгилеевского уезда расшива мещанина из этого городка-Жихарева. Грабили суда самарского купца Теплякова. В этом же месте у Мордова нападению подвергся саратовский купец Лопарев. Неподалеку от Хрящевки, уже нашего - Ставропольского уезда, ушкуйники немало "вытрясли" из карманов костромича Бакакина...

Спасаясь от погони один из отрядов ушкуйников прятал свою добычу в камышовых зарослях у впадения в Волгу речки Сускан. Тоже-знакомые нам места!

Не секрет, что Жигули были гнездовьем войска Степана Разина. История помнит о том, что при осаде Симбирска атаман был тяжело ранен. Его отправили на Дон, а вот награбленное добро попрятали в наших местах - до лучших времен. Говорят, на Молодецком кургане или у Стрелецкой горы, но поиски ведут в меловых отложениях под Симбирском...

Со всех концов России бродят в поиске захоронений кладоискатели по земле Симбирской. Немало уже обшарено оврагов и пещер, чердаков и подвалов, перекопаны сотни кубометров земли. О некоторых местах, где по преданию были зарыты клады, можно узнать из редкой книги нашего землякафольклориста Дмитрия Садовникова "Сказки и предания Самарского края". Говорят, что недалеко от Чердаклов клад зарыт под древним дубом, в Новиковке

пойманный разбойник утверждал, что знает подвал, где зарыто золото. А возле села Красная Река клад спрятан в пещере, дверь в которую отпирается только накануне Пасхи...

А вот то, что отступая от Симбирска в октябре 1918 года генерал Каппель укрыл где-то в наших местах (то ли у Еремкино, то ли у Мелекесса) богатую корпусную казну и сундуки с документацией -находит свое подтверждение в некоторых работах, посвященных теме гражданской войны в Среднем Поволжье. Мне уже приходилось писать, что под городом на берегу Черемшана, в отвалившемся берегу были найдены части подпольной большевистской типографии, а это уже предметное указание на то, что не все найдено из того, что попрятали деды и прадеды.

Интересно, что в том же 18-м частями Народной армии Комуча из Симбирска была предпринята попытка эвакуировать на барже укрытые церковные ценности: кресты, чаши-потиры, драгоценные оклады икон. Но баржа была потоплена красногвардейской артиллерией у железнодорожного моста. Экспедиция ЭПРОНа летом 1928 года предприняла попытку добраться до этой баржи. Несколько дней добровольцы-водолазы ходили в Волгу, обшаривая там дно. Действительно, у Нижней террасы под крутым берегом Часовенной Воложки баржи нашли. Не одну - три. Но все они были гружены никелевыми чушками, которые достав из трюмов передали на завод имени Володарского, где изготовляли пули и патроны. А церковные ценности так и остаются на волжском дне под Ульяновском.

Но настоящие, урбанизированные кладоискатели предпочитают разгребать завалы на чердаках старых домов. Что можно там отыскать? Конечно, хорошо бы - русские, польские, шведские золотые монеты. Еще бы лучше - денарии Александра Македонского, они на "черном" рынке идут по 500 долларов за штуку, а вот швейцарские часы фирмы "Мозер" - 120. Образ Николая Угодника в серебряном окладе - 400 и граммофон за ту же цену, если не торговаться.

Много дороже можно продать найденные на чердаках шпаги, палаши, сабли, кинжалы, кортики, винтовки или старые револьверы.

Но для настоящего ценителя старины дороги и другие найденные вещи: старинные матовые фотографии на картоне, этикетки, афиши, папиросные коробки, аптечные пузырьки, пивные бутылки, огрызки карандашей, тетрадки со стихами, открытки с видами старины, почтовые марки, значки, предметы мебели, театральные программки, документы, одежда...

От того и несут эти просвященные искатели за бесценок уникальные вещи в музеи, чтобы сохранить уже утраченную нами историю. Помогают раскрывать ее тайны.

Тайны старого Мелекесса раскрыты далеко не все. Только последние находки и открытия говорят об этом Чего стоит рассказ о плывущих в пруду гробах...Но это уже другая глава

(Продолжение следует).

Валентин МАНУХИН

А войнам нет и нет конца...

ЗЕМЛЯКИ

Памяти погибших в Чечне десантников А.Коваленко и С.Борисова

На ветках оттепель

в слезах - Грустит знакомый сад. И в скорби вымокли глаза, Пока несли... лесант.

Война взяла себе живых, А возвратила прах. И два берета голубых На цинковых гробах.

Им жечь любовью бы сердца, Невест бы обнимать... Гнёт горе

голову отца, Под руки держат мать...

Чтоб вновь не рушились дома, Не победила гнусь -Они ушли

туда, где тьма. Но защитили Русь!

Несли на "цинках" -

цвет небес,

Ав "цинках" -

земляков...

Снял шалку в скорби

Мелекесс,

Чтя мужество сынов.

СЫНЫ

Защитникам единой России.

Весна...

Чечня.

Лесант.

Засада...

И кончен юной жизни путь. А рядом:

Яблони из сада Под белым парусом плывут.

А рядом:
Танк дымит подбитый И взвод,
Объятый вечным сном, И бородатые бандиты, Уговорённые огнём...

А где-то:
Мчатся "Мерседесы",
Звенят монеты в казино Совсем другие интересы,
А долг святой

забыт давно...

Скорби, любимая Отчизна, Чти не вернувшихся с войны,-Ты им была дороже жизни, То настояшие Сыны!

CHET

Снег в лесу, на броне, На полях -То холодной зимы наступленье. Снег под касками

на головах - След горячего прикосновенья.

Но весною вернётся капель -Снег ручьям вновь отдаст Свои силы. На висках снег -Навечно теперь, Как на знамени нашей России.

Я горжусь этим светлым родством! Пусть в запасе уже моя каска - Не забыть мне солдатских костров, На друзьях моих снежную краску...

ДРУГУ
Лишь в трудный час,
В любом бою,
Когда дыханье смерти рядом,Откроешь Истину свою Что дружба
крепче всех снарядов.

Поймешь не раз Что это так: Когда тебе особо туго -Хоть и силён, опасен враг, Страшней всего измена друга.

Четверть века шагал я в военном строю, Постоянно готовился к бою! Чтоб родимый мой край, Чтоб Отчизиу свою 2000 готовить по пределения по пре

Заслонить, коль придётся, собою!

Чтоб трудился народ,
Чтобы духом он креп,
Чтобы лица улыбкой светились,
Чтоб от Атома мир
Не сгорел, не ослеп,
Чтобы дети счастливыми были!
Про свою седину
с шуткой всем говорю:
Это след боевого раненья...

Лишь на Родины флаг И на совесть свою Четверть века держал я равненье!

В ЗАПАС

Друзьям-однополчанам Мне кажется, совсем недавно Курсантами с учений шли. И спорили всегда о главном -О жизни, службе и любви... Как быстро годы пролетели, Коснувшись краской белой нас. Прощаюсь с другом я - с шинелью. Уходим нынче мы в запас. Хоть с неба звёзды не хватали. Наград не густо, и скромны,-Как часовые мы стояли! И в том, что не было войны, Конечно, тоже лепта наша, Пусть незаметна и мала. С лихвой узнали цену каши Мы у солдатского костра. И будет долго нам казаться, Что завтра снова встанем в строй.

Звучит отбой... Как жаль прощаться С шинелью - спутницей родной.

> Друзьям - ветеранам по РВСН

Вспоминаются ратные дни, Городок наш таёжный и скромный, Лейтенантских улыбок огни, И взлетающий гром космодрома...

Первый пуск! Сотрясалась земля!!! Лес застыл в ослепительном свете! И победные крики: "Пош-ла-а!!!" Вслед ожившей могучей ракете.

Падал тихо на сосны снежок, На объятые лица азартом, И струился смиренно дымок Над горячим, умолкнувшим стартом... Годы, годы: В отставке друзья. За ракетными пультами - внуки. Но хранит в душе память моя Космодрома далёкого звуки...

***

Рванула, будто мина, весть - И сердце враз

окаменело.

Померкло, стихло всё окрест -Война

вернула

сына...

Тело.

У гроба

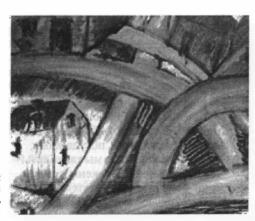
Бога просит мать Вдохнуть в дитя живые силы... Склонила голову опять Его другая мать - Россия.

Как жгучи слёзы матерей! О, сколько горьких их пролили, Встречая в "цинках" сыновей И провожая до могилы...

Мы все живём, как у кольца, Идут века, тысячелетья, А войнам нет и нет конца На нашей маленькой планете.

Смотрю на небо:

звёзд не счесть,-То светятся убитых души... Когда ж забудем мы про Меч, Чтобы начать друг друга слушать?

"Деревня с запутанной дорогой"

Александр ОСИПОВ

И тревога неясная в сердце...

Яблочный Спас

На тропе к роднику, в порыжелой траве, Август сжался в последней декаде. И о школе уже говорят детворе – Буквари, педсоветы, тетради... В августовском саду, нарушая покой, Спелость яблок стучится о землю, Сливы черные сморщил полуденный зной, И листы огурцов, опаленные дремлют. Снова Август. А, будто вчера, в сердце слышал я майские тоны: Цвет черемух обманом пьянил у двора, И сирень распускала бутоны. Цвет акаций шмелями жужжал у оград. Открывая нам в лето дверцы. Август! Август уходит – за ним листопад И... тревога неясная в сердце.

Не любят нас

Не любят нас. Ни шведы и не турки. За что любить? И разве дело в них? Они же видят, как нас топчут урки, А мы молчим, иль прославляем их. За что любить, правители, как гости, Спилась и обезлюдила страна. В лесах под Ржевом не зарыты кости Соллат войны. Не шведов в том вина! Мы двалцать миллионов положили. Молчать бы всем, отринув звон и спесь, Стыдиться павших и, покуда живы, Усвоить, наконец, кто мы такие есть: Все побежденные ухожены и смелы, Лишь победители мотаются с сумой, Монетный двор медали льет в три смены, Звенят они над нищею страной... За что любить нас? Перегноя горсти, Жалеем мы отдавшим долг сполна. Тринадцать пятилеток моют кости Дожди в лесах. Не кончилась война!

Не любят нас ни шведы и не турки...

Детство

Вопли вдов не забуду. И слезу стариков, не вступивших в колхозы. Образа и лампаду в углу, Похоронку, - как в сердце иглу, Черепок для кота возле печки, Мох зеленый на ветхом крылечке, Крик плакатов: «Назад – ни шагу!», У калеки – медаль «За Отвагу», Склады-церкви с косыми крестами, И, как выстрел, короткое – «Сталин!».

Время

Кто виноват, что мы не ищем встреч? Подобное не нам одним знакомо, Когда заржавленный, любовной страсти меч, Валяется в пыли - на свалке металлолома. Кто виноват? Никто. Ни ты, ни я. Теченье Времени, подобное удушью, Живым оставило лекарство - равнодушье, А мертвых унесло из книги Бытия. Кто виноват? Никто – ни ты, ни я. На чувства пылкие Оно ввело лимиты, Водой разбавило любовное Вино. О. Время! Даже Богу не дано Столкнуть Тебя с безжалостной орбиты.

Вещи

Весь мир, точно в трансе – вещизм и карьера. Духовность и Вечность? Всего лишь химера! Количество денег, машин, пароходов, Количество жен, этажей и заводов, - Важнее абстракций. - Да здравствуют вещи! Беснуется мир, Только им рукоплещет... И, чтобы иметь их преступный излишек — Стреляют за вещи в мужчин и мальчишек. ... А кто упразднить их предпримет попытки, Тому уготованы цепи и пытки.

Совесть

Совесть мучает поэтов...
Но на всем земном пространстве,
Чувство трепетное это,
Судят строже хулиганства.
А причина здесь простая —
Со времен далеких рабства,
Утвердилась мысль такая:
«Совесть — личный враг богатства».
Потому в подлунном мире
И на море, и на суше,
Вместо Совести — Секира
Правит бал,
Ломая ДУШИ.

Юрий КОНОНЕНКО

Поклон земле

Пожелания

В гуле дней ты зови, - не зови, Не окликнешь порой человека. Вместо радости - сказки любви, Только слышится гулкое эхо...

В этой жизни - все второпях, Где же час, когда нам оглянуться, Чтоб прогнать одиночества страх И задумчиво улыбнуться?

Этот миг к нам приходит лишь раз В ночь бессонную редким гостем... Бьют Куранты двенадцатый час - Новый год! Что же, милости просим.

И пусть каждому повезет: Ваш дом полон будет от смеха, Всех обид пусть растает лед, Всем желайте здоровья, успеха.

В суете быстротечных дней, Как ребенок со взглядом чистым, Пусть же каждый себе найдет Остров счастья. Свое Монте Кристо!

И - не думай хоть день ни о чем, Мир, ты знаешь, какой он жестокий, Ты к нему повернешься добром, Будет сердце рваться на части,- Ему места не хватит в груди,- И - обрушишь лавину ты страсти,- Все изменится сразу кругом!

* * *

Поклон земле. Поклон негромкой Тие, У горки пепла опущу рюкзак, -Тепло в золе. Снега прибили ливни, Слегка подрос лозняк... Малиновка, - и ты на старом месте! -У тихо бормотавшего ручья И все лесные вести Расскажешь сразу, умница моя: Что медуница прогнала сугробы, Как забелели мокрые пески, И торопливо, не скрывая злобы, О ястребе, гостящем у реки... Ну, я пришел. Вернулся к первым зорям. Заботы с плеч - скажи, весна: «Добро!». А ты, ивняк, смелей с ветрами споря, Прихорошись, оденься в серебро.

* * *

В дозоре - гулкая весна. Ручьи - свое хлопочут. Стучит состав. Встает страна. Встает к станку рабочий. И в той весне есть переезд: дощат, в холмах потерян, бельмо в глазу, как будто есть в распутице апреля. Застыл состав подорван путь! Воронки - ночь спалили... Солдатам - глубоко вздохнуть, приказ и - заступили нестроен ряд идут, как на работу, и, самокрутками чадят там, за плечами, кто- то... Низиной обощли полки, где взвод зовется - ротой, где делят даже старики всю «красную» работу, -

и рощу, - болью что кричит, корнями воздух ловит, и холм, где мудрые грачи не узнают гнездовий. А через час - для них - века - Атака в три минуты! Здесь два неполные полка, что взяли холм тот утром, - - За мной, - орали, - Не отстать! Был крови привкус горький... А Родина, - Склонилась, Мать - к проталинам на взгорке...

* * *

Как на ладони равнина, Путь долгий к огню от огня, Просторны, как жизнь, здесь низины, Что дальние села роднят. Здесь пашни до самых обочин -И поле могучее где, -День умещается с ночью Птенцами в едином гнезде. Не знаю, когда ты окинул Землю с родного крыльца. Там - нет золотой середины -Любить, так любить до конца! Но сёла, с преданьем не грешным, Вздохнув, - все бегут в города, Словно, девчонки все здешние, За счастьем своим... Навсегла!

Валерий ГОРДЕЕВ

Триптихи

Колыбельная

1.

Будь счастлив тот,-

кто жизнь лишь в танцах познает: Он - никогда на Бал не опоздает. Благословим и плоского шута, Дурного не скрывающего рта. И, если нам,быть может, повезет, Мы в них - еще кого-то опознаем...

2. И день, и ночь - к нам лезут лицедеи, Нас электронными пучками пробивая, А мы, открыв щербатый рот,- Дерьмо, которое неудержимо прет, Преследуя нерусскую идею, Как опоенные -

глотаем и глотаем!

3. И вот-уже мохнатые душой, Пред Богом лицедействуем греховно, Срам неприкрыто выставив на вид! Народ не спит?

Народ давно убит! Он был единым - сильный и большой, Но - кипы нам одели.

Иудеям словно...

Аркадию Пластову...

ЯЗЫКОВСКИЕ ЛИКИ
Он известен пока еще не был:
Редкий русский художник-мужик.
И писал он лишь рощи да небо,
В них родной познавая язык...

Но, однажды, в соседнем поместье, Увидал как грешат земляки:

Дом спалили, а с домом тем вместе, Нашу память. Культуру. Стихи...

Эту "чернь", поднимая на "дело", Мировой затевая "сходняк", Как ни горько, - науськал умело, Бесноватый, картавый земляк...

Обращая историю в гари, Позволяя добро потрошить, Предрекал:
-Кровососы и баре,Больше так не осмелятся жить!

...Этот пласт на душе у Художника Неизбывным лежал полотном. Все,что видено,понято,прожито,-Кистью живо писал он потом. Но - не пламя за горкой и лесом, Что лизало пруды языком, А с дотошностью и интересом,-Лики,грабивших здесь земляков: Стар и млад. Комиссар и пастушка. Всех в историю он пригвоздил! Там Языков и Пластов,и - Пушкин,-С нашим сердцем - один на один....

Так вглядитесь, окрестные села, Как в иконы, в лики картин, Да покайтесь за дедов веселых, Чтобы, все таки, Бог их простил!

ПЛАСТЫ

Полыхают в России пожары - В те дымы отправляются "бары". Кто ж затеял меж русскими свару? Коммунары идут... Коммунары... И бежит по холмам, задыхаясь, Редкий русский Художник, спасаясь, От мужичьего гнева пластаясь, Лишь с молитвою к ним обращаясь!

Так опять загоняли нас в гари. Жид над русским глумился, татарин... Но, как Ной, взявши твари по паре, Мы всё сызнова открывали!

Нас лишают и рода, и вотчин, И земель плодородных и сочных,Но в болотах кулик даже кочкой,Как родной похваляется почвой...
Пусть безродная свора шагалья,
Не творя,-только падаль шакаля,
Страшным воем бездушья пугая,
Все мосты за собою сжигает!
Мы,с медведем сравнимые часто,
Все ж поднимемся - вой или мастер,Оттого никогда и не гаснут
Боготворные русские ПЛАСТЫ.

КРЕСТЖИВОТВОРЯЩИЙ Не слониха - Прислониха. С виду - несколько дворов. Но - планету сдвинув тихо, Стала стержнем всех миров!

Не слониха - Прислониха. Лишь библейский в ней сюжет: Подставляет,как Слониха, Под Вселенную хребет!

Не слониха - Прислониха. В ней погост - Земная Ось! Крест срубив дубовый лихо, Землю им пронзив насквозь, РасПЛАСТавшись и затихнув, Здесь Мужик в Россию врос!

Не слониха - Прислониха. Хоть и вся Россия - в ней! Так,родив Талант,- не Прихоть,-Как Святой и Божий ТРИПТИХ, Стала проще и светлей.

Не слониха - Прислониха. В ней такой залежный пласт! Вурдалаки и Антихрист - Шабаш свой, пусть самый дикий, Здесь не смогут отплясать!

Как в слонихе - Прислонихе Мощь Руси всей собралась. БЛАГОДАТЬ с пригорков тихо Переходит на триптихи, Православие спасать!

Русская весна

ОМОВЕНИЕ Грузно снег осел Со вздохами, Брызнул вдруг Ручьями-слезами. Солнце, - бликами, Как блохами.-Проникает в шерсть Морозову! Почесавшись, Речка вздрогнула, Как змея -Под шкурой-льдинкою. И,под лупой неба Вогнутой,-Швы прострочат Журавлиные! По всему видать -Отмучались! Забываем песни Грязные... В поле - над Навозной кучею -Заторчим ростками Праздными!

СТРУГИ

Вот и снова нам солнечный ветер Наполняет на путь паруса. Говорим мы всем близким: -До встречи! Призывает весна нас красна! Что же ... Выбор мы сделали сами, Половодие нас не страшит. Крылья мы, заменив парусами, Выйдем в море, и льды искрошим! Не страшны нам торосы-морозы,-Нам Весна протрубила - Поход! И проталин горючие слезы, Путь в торосах укажут вперед. Лед, - мороз как бы ни марафетил,-Русский струг, изломав, перейдет! В парусах у нас солнечный ветер, Что в грядущее Русь проведет. Пусть мы - смерды: и нищи, и сиры, И оброк, как ярмо наложен,

Все ж у берега, - званьем Россия, Свою долю мы - Русь - бережем! Нам не нужно ни европричалов, Никаких погремущек-оков. Сколько стругов ты, Русь, величала И теряла в мороз моряков?! Но, сквозь бездны к скалистому брегу, Струг направив, - шел русский моряк. Изо льда, из бессилия, снега, -Ставил он православный там знак! Одолели мы все. В эту оттепель - все одолеем! И - на кичку, сарынь!-Призываем сегодня на бой, Гле - за каждым - ХРИСТОС наш. А не - жиденький Ленин, Собирайся, Соотич,-Мы пришли за тобой!

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

В душе - весны отторгнутое эхо. Как быть, когда задумчивы слова И,ядовито-злобная молва, Изгоя лепит из тебя, - не человека?

Кто к слову тянется - опасен и речист! Его потоком мыслей управлять? Дела и помыслы тогда не "отстирать",-Тогда душою ты уже нечист?

Весны творенья - есть Преображенье! Но - лишь тому, кто и душою чист. Иной, - отмарафечен и речист, -Но весь в словах своих, как в испражненьях!

Простите мне не за слова, - за смысл. Есть в русском языке такая сила, Что - не одну династию сместила, Пусть и невысказанная смердом мысль!

Четыре выбора дано всегда от Бога:
- Колюче-белым быть,
Воспрявшим ото сна Иль, - щедрым летом,
Смолким,как сосна,Иль, - воскрешеньем осени
Нестрогой,

Или весенней хлипкою дорогой... Но - суть в одном -Быть бедным,но духовно строгим, Или - богатым, - с дьявольской душой!

Я выбрал эхо половодья взрывов, Без ОБРАМления - души коловорот! Все это и - веснянка у ворот,-Заветного пути приметы и призывы.

Кто русским не был,род кому неведом, Тот - без погоста - заживо гниет. Здесь выбор прост: Под камень - Иль - в полет, - Как меж - подземьем адским Или небом. Слетит глава с оплечья кочаном И,захлебнутся той струею черной, - Нет дьяволом души там иссеченной, - Здесь лишь морозом все иссечено!

Мы запрягаем долго, но - надежно! Быть русским - это, как весной, удел. Уж только кто - морочил нас, "радел", - Итог - все тот, - что подсчитать несложно! Весна по-русски: Ярость в острие сосулек. И - гон собачий. И безумный рок... В надежде только выйдешь За порог, - Вопьются ледяного ветра пули...

Преображенье в этом ли, друзья! Иной весны, как жизни, не хватает... Беда, что в православных души тают И русская изломана стезя.

Этюды

1. Осень похожа на всполохи Желтых лесных пожаров. В черных ветвях деревьев - Высветились Стожары... Хрупкость листвы опавшей,

Как пепел живых вулканов, Черные струны пашен -Осени-музыканта. Тянется дым пологий -Сжигается день вчерашний, В жухлости огородной, Шедро земле воздавшей... Веснусчатые - от укропа -На стол огурцы ложатся, Крепко соленые, чтобы Дольше им продержаться! Так застилает осень Дымом кострищ из листьев, Словно лесную просеку, Последнюю Лета Истину.

Оттокуют глухари. Мелкий дождь пройдет лесами. От зари и до зари -В небе месяц провисает. По полям, лесам и селам -Свадеб сказочный угар. Срубы ставят новоселы, Как осенний редкий дар. Избы - под хмельным дымком, Троек ряженых размах, А под радугой-дугой -Колокольцев перемах! Ходят тонкие девченки Зазывать гостей на пир... Осень. Свадьбы - бабий час! Осень - звонкий гость у нас...

3. Почему пригнулась низко Придорожная трава? Может, ветер бродит близко? Закружилась голова? Может, бъет поклоны в пояс? Может, солнце припекло?...

Мчится мимо скорый поезд. Нос расплющен о стекло. За окном несутся травы, Что-то шепчут торопясь, Бъют поклоны влево, вправо, Начинают перепляс!

Скорый поезд отгрохочет...
Подомнут траву снега.
До весны в метель, как строчки,
Будут вписаны луга.
С первой солнечной улыбкой
Выйдут травы вдоль дорог:
В хоровод из талий гибких,
В перепляс зеленых ног!

Перепись

РУССКИХ НЕ ОКОЛЬЦЕВАТЬ Зачем описывать народ, Чтоб память генную стереть? Искать чтоб в океане брод?! Чтоб "отходняк" планетой спеть?

Нет русской нации теперь. Нет места русским на Земле. История таких потерь, -И в собственной не знала мгле!

Как с торбой писаной хлопочем, Спасая всех, кого - не лень. Чеченцев, чукчей, нивхов прочих,-Ценою русских деревень!

> Кем этот подлый счет запутан, Что - для великих - нет графы?! Но - есть язык!

Его - не спутать,-Как путь - для всех. Как ритм строфы!

Нет на Земле у русских места...

(У иудеев - два таких!)
И - заселяется окрестность
Народами из мест глухих...

Все - горбоносы, узкоглазы - Из - черноликих "россиян". Владенья наши - все и сразу, - В бездонный прячут свой карман!

Но помни, переписчик жуткий,-Нас, русских, - не окольцевать! Снисходим мы до ваших шуток, Но Русь Святую, - нашу мать,-Мы никогда, ни на минутку, Не позволяем унижать! РОЛНАШ

Вот тебе: Имя. Отчество.-Похожие на пророчества... А вот - и судьба уготована -Ответ на вопрос этот: -Ктовы? Прозрачность рожденья - предельна! В любви мы зачаты,-не сдельно! И - не были мы гонимы. Не прятались за псевдонимом... Мы знаем и Имя, и Отчество, И - род свой до самой до точности. Известны любые деревья. Растущие подле деревни, Болота-речные ворота. И, - небо,-души привороты... Не краски морей, а суровость, И - боров сухих сосновость, И-грустная песни тягучесть, И - обороны, - как участь... Нет краше, забористей речи, Воспевшей и женщин, и сечи! И свет наш - духовно-извечный...

...За окнами - то же Светило, Все в ту же метель укатило. А вечные наши страданья, -Нам данное Богом Заданье: Всем пришлым наделы представить!

Глядь... Некуда ногу поставить...

КРИК НАД БОЛОТОМ

Василию Коробкову...

Кричи - не кричи - в жуткой ночи,-Никто не услышит! Не педагоги, и не врачи -Учили нас слышать... Учила судьба и поганцы "месили" -Стихом мы рыгали! Плюгавые гомики,а не мессии Поэзией правили. Все перепробовав,все перебрав, Мы стали неистовы. Брат мой, прав ты или - не прав,-

Душою ты чист! В этом болоте, взахлеб помечтав, Выжили.Выплыли. Книг своих даже не прочитав, Стали уже именитые... Кому оценять не его ремесло -Благо иль хмаро? Мутным потоком нас с тобой вынесло -Через все хари! Крик над болотом - эхо трясин! Выбрались. Выползли... Там, отряхнувшись у горьких осин, Жизнь все же вызнали. Брат мой, прав ты или - не прав, Строки рассудят. Пусть обуяет кикиморов страх -Всех, кто нас судит!

На воле

ПОДВОДНЫЕ ДЕЛА Сник костер у речки белой, Тянет дым издалека, Над струей, бегущей смело, Под мостом - на два "быка". Осинел лозняк под кручей, Осыпь сбросила излишек... Мы в тумане, словно в туче, Ловим крепеньких язишек. Леска в омуте - отвесом,-Дрогнув, струнно повела, Завибрировала песней Про подводные дела! Алым ртом, хватая воздух, Рыба выпучит глаза. Хвост - вопросом! Только - поздно, -В плен, в садок, теперь влезай! Первородный грех азарта Свел в бою нас у реки,-Выжить здесь, Сейчас! А завтра,-Город. Дом. И - власть строки...

ПОРА УЗОРОЧЬЯ
Вот изморось
Покрыла все окрест,
С зимою осень обручится скоро...
Так облетают все запреты
И запоры
С поры узорочья
Невиданных чудес.
Движений ограничена среда
Движению души Просторы шире,
Условностей не держат
Больше гири,
И закуржела ломко борода...

НЕИСПОЛНЕННЫЙ РОМАНС Бросают женщины мужчин, Сжимаясь внутренне пружиной, Причинно или без причин, Сердечно надрывая жилы. И горько сглатывая ком, Как стон впиявившийся жалом, Проходит женщина с трудом Через ночные перевалы...

Но как же описать мужчин, Которых женщины бросают?! Причинно или без причин -Они же часть себя теряют!

Мир свернут весь Трубою черной, Душа, не охнув, замерла, И - не вздохнуть, Когда зачеркнут Весь воздух Гранями сверла! Пружиною словесной мути Обрамлены Края дыры, Которую в тебе прокрутит Таившееся До поры...

Во льдах полярных Проку мало. И жизнь - Совсем не ледокол. Прислушайтесь, - Что с нами стало, Когда зияет в нас раскол?!

Бросаем мы. И нас бросают... Иссверлена судьба по кругу. Прощая, Поспешайте сами - Навстречу броситься Друг другу.

Расея

1. Тропою войны Нам идти - не дойти. Как обезопасить Нам наши пути? Как пересечь их? К берегу выгрести? ... Дорогою памяти Нам не вернуться. От амнезии Как бы очнуться! Соль бездорожия Нам достается. Мозолями вздуется Кожа. Взорвется! Одна пуповина Из боли Совьется. ... Что-то родится. Что-то вернется...

2. Избран путь: Неверный, тайный, зыбкий, Повернувший нас обратно, к зыбке,-Значит снова - до ярма на шее И за нас продуманных решений?

Губ полоска выглядит брезгливой: Ах, "шоломы", вы уже без грима! Пусть шипами путь наш и усеян, Не забудьте - Мы еще РАСЕЯ!

Голым, сирым - слезы, Не до смеха, Путь наш в "оканье", - Хоть немцами зашпрехай... Русскому - что камера, что - сени: Рубанет топор - И все изменит.

3. Тупорылыми вождями опрокинутые судьбы, -Как размытые дождями исторические судьи... Не за лесом-за горами,-Сердце болями клокочет: Нас данайскими дарами Лицемерно прочит кочет. Успокоить, убаюкать, Подчинить своим задачам, Вслед задорно улюлюкать, Чтобы нас переиначить? С перебитым горлом, Кровью, -Нам судьбу свою кропать! Историческую кровлю на плечах своих держать...

Как похабно суетлива Эта филерская рать! Им дорога - в водосливы, Где та рать привыкла срать. Честь для них - пустое слово Как душа у них пуста... Но живет поэтов СЛОВО И их вешие УСТА!

Прощайте

1.

Прошедших с тобою сквозь тернии к звездам - Навзничь? Укрывавших твою колыбель в черных грозах - На казни? Грудью тебя напитавших кормилец - В бляди? Не опустившихся до полу ниц - Сзади? Кто же тебя окружает теперь - тихушники, Мусор? Долго ж таился в тебе этот зверь - Юзом!

...Руку подать, иль отсечь по плечо - С корнем?!
Искусствам в столице твоей не почет - Порно!
Веру утративший в храм не взойдет - Без Бога.
Только ПОД холм тебя приведет Эта дорога!
Твой эмират от Кривды стократ Вымер.
Памятью черной вымарал, брат Ты свое Имя!

Жажду дела -Значит, оков! Жажду тела -Значит, грехов? Времени чашу Испив до конца. Все ж - не поверишь: Дело не только В морде Лица,-Важно - что ты Посеешь. Глотку наполнив, не утолишь только прольешься! В крылья воздевшись, -Все ж не взлетишь... Только взовьешься.

3. Нас больше не остановить: По склону мчимся без преграды! Осталось - головы сломить Под какофонию с эстрады! Нам вслед хохочут.

И - рыдают, Осознавая наш исход. Да так, что изверги рыгают, Вкусив страны из Белых Вод...

Ни Покрова, Ни Спас на Крови, Нам больше не дарует Бог. Прощайте! Но без нас и - кроме. Спасти вас вряд ли кто бы смог...

Спасы

* * *

Нас назначает жизнь
Правофланговыми.
Испытывают ветры прочность
Нашу!
Поля распишем.
Песни мы распашем,НОПотрубим навстречу "времю новому"...

* * *

Когда глотком воды Холодной Обжегшись всласть, - Ты идеалов всех Бесплодных Познаешь власть, - То все иное - не реальность, - Тлен От рухнувших

Кремлевских стен... ...Уж прошлого преград тех нету, -Но и в душе того уж нету свету.

* * *

Березы кажутся невестами - Мы так о них и говорим! Стихи, божественно безвестные, Талантливо ...в себе храним. А лес- по жердочке скантованный - От нас увозят поезда... В твой стол из кедра, Лакированный, Стихов ложится череда.

Ветры святой иосиф

К чему здесь лукавить и каяться -Историю вспять - не поднять. Всегда будут - Сталин и сталинцы,-Которых нам вряд ли понять! В душе, о скрижали изрезанной, Живет сталинист-мозахист,-Умом, - опьяненным ли, трезвым ли,-От мыслей и грамоты чист! Так значит, не все было просто? Вот - изверг, а вот - идеал? Все-ж были - враги, холлокосты, И те, кто Эпоху ваял? Мы с кем? Не пора ли ответить! А кто ОН? Злолей или Гений? Ничтожеств эпоха и смерти? Но - и великих свершений... Наследники Сталина, кто вы? И надо ли вас "выносить"? Ковал ОН советским оковы -Кому их сегодня носить? Изгои вернулись - и Сталин, Как пугаловстал над страной. Как будто, не Русь, а Израиль, Родною нам был стороной! Иваны, родства не имая, Полмира с Грузином объяв, Не поняли. Не понимают,-Где сон был, а где уже явь! Но можно ли было унизить Кого-то из русских при НЕМ?! И за "бугром". И в Отчизне, -Мы были Сталью. Копьем! Генералиссимус Сталин, Конечно, ни вой, ни герой...

Но, русские, - кем бы мы стали, Под той же немецкой пятой? Поди ж, в гениальном злодействе Мы были - Народ. И - Оплот! Нет Сталина. Бейцы и пейсы - Опять маскарадят народ...

ВЕТЕР С ВОЛГИ
Который день мне не до сна:
Четыре ночи долгих
За шторы прячется весна
И хлещет ветер с Волги...

А за экраном снеговерти -Немая пустота: Четыре дня зиме до смерти, Последняя верста...

И в этой музыке стихии Я слышу... соловья! Он, выразив мои стихи, Опустошил меня!

И я - в сумятице окна -При свете фонарей, Боюсь проспать тебя, Весна, И тороплю: - Скорей!

...Который день мне не до сна: Четыре ночи долгих В строке рождается весна, А, может, ветер с Волги?

ОПОЗДАЛ?

Я в путь опять не соберусь. Найду причину и останусь. Сильнее страсти, видно, грусть И правдой кажутся обманы. Уходят снова поезда - Недоуменно звякнут стекла. Вздохну, - опять я опоздал, Но на часы взгляну нестрого...

Но так не хочется тоски, Минуты страшной пробужденья! Слова ненужные резки, А в каждом шаге - отчужденье. И - снова собран чемодан... Но - натыкаюсь, натыкаюсь На взгляд, который не предам, Перед которым вновь раскаюсь! ...Я в путь опять не соберусь.

Бункера

"От трудов праведных не наживешь палат каменных" Народная мудрость.

Терем, терем, термок... Он не низок-Не высок. Ставеньки резные. Окна расписные... Чей, чей в теремочке живот? Может в тереме живет Идиот? До ежа и мыши Мордою не вышел? И закрыты на замки По Руси все теремки. Оторочены заборами. С теплыми уборными. В подпол мыши не бегут -Подпол нынче больно крут! Под бетонные опоры Загоняют "джипы" в норы. От угонщиков-воров -Бронедверцы бункеров... Ни лягушек, ни мышей,-Мошки гонятся взашей! Злой полканище обласкан: На медведей он натаскан! На иконах божьи лики -Закручинились от лиха... Предков преданы заветы, Домовой, подсчитан в смету, Но - свисает, зелена, С денег плесень, Как слюна... ...По России -

Терема, терема... Только плачет по владельцам Тюрьма.

2 Государь, Ну почто ты Жандарму Доверил печать?! Запрешать? Поучать? Но, ведь, мысли бессмертны, Даже если молчать... У вершителя судеб пустые глазницы: Только лед и презренье в портрете твоем... Государь, Ты играешь с мечом и огнем: Слово -Жалит, как пуля, Слово -Вольная птица И дано только Господу ведать о нем,-Кто поэтом достоин явиться!

Да, Жандарму подвластны Закон и запреты. И оковы даны, Чтобы люд подправлять. Только страх обуял всех, владеющих этим-Перед вольностью слова -Оружьем Поэта, Перед тем, над которым Бога есть Благодать. Власть от Бога поэтам дана на земле. Будоражить умы, Души людям спасать. Овладев этой силой сполна И вполне, Нам не страшен Ни князь-самодур и не тать! И на Черной реке Нас не пуля убъет -Вместе с Пушкиным нас Боже наш приберет...

О поэтах недаром Вечно помнит народ, Не о тех, Кто обучен стрелять!

Государь! Ну почто ты Жандарму Доверил печать?

3. Раскаянье не каждому дано. Не каждая душа способна трепетать. И волноваться, сопереживать, рыдать, Не модно у властителей давно.

Глаза блестят, наживою полны. Кровавая слюна стекает с бороды. Ни снега не подаст нам, ни воды Тот, кто на гребне бешенной волны.

Утробу роет червь могильный там. От Божьего суда вам больше не уйти. И вверх и вниз для вас сплелись пути, - Эй! Кто еще не встал здесь по местам?!

По жилам разливается вино... Раскаянье не каждому дано! Ущербный мозг мостит уроду гать. Знать, человечеству уродов не понять...

Петр Григорьевич Белов живет на берегах реки Суры в одноименном районе нашей области. В молодости он ходил по морям механиком на судах торгового флота. Пристав к берегу, работал на предприятиях народного и сельского хозяйств. Сегодня фермерствует в родных краях.

Но везде, куда бы не забрасывала его судьба, - с ним была его душевная боль и радость, его

«отдушина» в нелегкой жизни — его стихи. Порой, пусть и неуклюжие, корявые, но всегда искренние. Я поземлячески познакомился с этим человеком, завязалась беседа на поэтические темы, затем — переписка. Петр выступил автором в димитровградском альманахе «Соль на парусах», тогда и подумалось — отчего бы не познакомить более взыскательного читателя в нашем городе с творчеством самобытного сельского литератора?! Представляю вам творчество этого человека...

Александр Осипов, член Союза писателей России.

Петр БЕЛОВ

Хочу я быть дождинкой...

Освети мне, солнце, разум, Дай мне новые слова, Чтоб со всей земли заразу Смыла смелая волна!

Не дымились бы степь и поле От пожарища войны, Чтоб не плакали от горя Дети сирые вдовы...

А героев – пусть не будет, Значит – нет здесь больше зла! Разве, кто меня осудит За правдивые слова?! * * *

«Повесь белье!» - обыденные строчки В твоей записке старой я прочел... И – вновь весна, и – снова бухнут почки, И – снова сердце бъется горячо! В конце написано: «До встречи...», Катит слеза из мутных глаз. Слова мне эти душу лечат, Но – не вернется жизнь для нас. Расстались как-то тихо, без скандалов, Обидных слов не говорили мы, Но мне как будто неба было мало, Дорога узкая и всюду рвы... Теперь при встрече – будто бы чужие, А с каждым годом – дальше от любви. Мы до седых волос с тобой дожили, Но память продолжается в крови. «Повесь белье...» - обыденные строчки Я вновь в записке старенькой прочел. А вот в груди – не запятые. Точки! И жгут они порою горячо...

* * *

Попали в дождь весенний: Я.
Лут.
И сад родной.
И – в гнездах птичьи семьи – Большой семьей одной!

Нарочно подставляю
Под капельки
Лицо
И в мыслях представляю, Как будто я
С отцом,
Все снова прояснилось,
И – небо голубей, В нем
Детство вновь носилось,
Как пара
Голубей!

* * *

Капли дождинок на ветках березы Купают в себе перламутровый цвет. Сколько поэзии надо и прозы, Чтоб точный на это нашелся ответ?!

Нитки травинок полезли из почвы, Молчание первый нарушил жучок... Ответ здесь никто не даст тебе точный – Что есть природа? Кто жизни стручок?

* * *

Вот яблоко, Невзрачное на вид, Откусишь – мед! И пахнет земляникой... Попробуешь другое – Рот кривит! Хоть, - с радугой сравнимо Ликом...

* * *

Мороз врывается клубами — Не притворили дверь! От печки пахнет пирогами Твоими, милая... Поверь: Куда ни кинешь взгляд — Бело! Покрыто кружевом село. Летит снежинка-серебро, Как лебединое перо... Давно ли грязь была? Все позабыто! Теперь земля бела. ... Грехи покрыты.

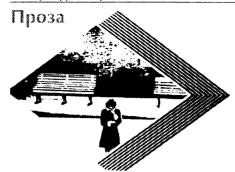
Хочу я быть дождинкой, -Ласкать твое лицо. Хочу я быть снежинкой, Чтоб выбелить крыльцо. Хочу я быть туманом, -Все нежностью обнять. Хочу стать Великаном. -Любимой все достать. Хочу скакать по лужам, Как малое дитя, И быть кому-то нужным, Хоть... формой для литья. Хочу я жизнь придумать, Чтоб радостью цвела, Чтоб мать любить не только ту, Что жизнь дала, - по ней вела! Хочу, как ветер ссорить И – мир боготворить, Как эхо - с громом спорить, А с Солнцем – говорить!

* * *

Раскрылись почки вербы, Проснулась вновь Сура. Сегодня буду первым, Кто крикнет ей: - Ypa! Вот скоро будет Пасха, А к празднику – кулич. Илет от Бога – ласка И – всем известный клич ELO. На всю округу, На весь влюбленный лес! И я, как встречу друга, Кричу: Ты прав! **Христос** BOCKPEC!

"Нанимательница дачи"

Василий КОРОБКОВ

Литераторы (Журнальный вариант)

Глава вторая

Лесков родился в 1946 году в небольшом ауле, в окрестностях Ташкента. Но вскоре его семья переехала ближе к Волге, в Самарскую область. Детство прошло в деревне, в крестьянской семье. После окончания школы, как и у всех молодых людей, у него возник вопрос, а что же делать дальше? Его душа стремилась к знаниям, а чтобы поехать в город и продолжить своё образование, возможности не было. Родители жили бедно, и не могли финансировать его. И, после школы, как он любил говорить, - "пошёл в народ". Устроился на самоходную баржу учеником моториста. Первая речная навигация пролетела быстро. Но за это время он успел пройти по Волге от Твери почти до устья. В свободное от вахты время любил забирался на кучу речного песка, который

они перевозили и, вглядываясь в голубое небо, пробовал сочинять стихи. А стихи он начал писать лет с пятнадцати. Откуда у него появилась эта сладкая тяга к творчеству он и сам не знал, но всё своё свободное время посвящал сочинению стихов. В его возрасте сверстники мечтали о девушках, о танцах, о первых поцелуях и первых победах в любви, а Митя в это время искал уже уединения и, погружаясь в глубокие раздумья, мысленно уносился в мир фантазии и полностью растворялся в нём. Он радовался ясному небу, яркому солнцу, весеннему ветру. Он радовался непонятной жизни, в которую он ворвался как метеорит. В его душе постоянно присутствовало волнение, от которого хотелось петь. И он пел, его душа, переполненная чувствами, выплёскивала из своих неиссякаемых недр неповторимые мелодии, и эти мелодии он старался преобразовать в слова, что у него получалось.

Он сочинял стихи, потом читал и снова перечитывал их, наслаждаясь классической ритмикой и, доводя себя до экстаза, он читал стихи своим товарищам, которые вместе с ним работали на самоходной барже. И мужики с удивлением слушали его горячие строчки, а он так увлекался чтением, что не замечал, как у него на губах появлялась пена. Свои стихи, Лесков читал душой, ему иногда не хватало слов, чтобы полностью выразить состояние своей души, и он начинал шептать, задыхаясь от избытка чувств.

Россия, Россия, родная Россия! Берёзовый шорох. Над пашнями дым... Прими же моё молодое: "Спасибо" За то, что родился под небом твоим.

За то, что мне с детства до боли знакомы, И дым этих пашен, и шорох берёз. И этой земли своей древней, исконной Врагам не отдам - даже малую горсть.

Закончилась его первая навигация в октябре, а в ноябре Волга уже покрылась льдом и он, чтобы зимнее время не пропало зря, устроился на завод в прессовый цех, на обрубку металлических заготовок. Работа на заводе Мите никогда не нравилась, но что поделаешь, жить на что-то надо было, и он ходил на механический завод, как на каторгу. Но зато по вечерам с удовольствием посещал литературные кружки. В Самаре их, слава Богу, в то время было достаточно. А вскоре у него появились первые публикации в газетах и, перечитывая свои опубликованные стихи, он уже твёрдо знал, теперь, что бы не случилось с ним в этой жизни, а стихи писать он никогда не бросит.

Но работа на заводе отнимала у него не только уйму времени, но и много сил. И он начал искать другую работу, чтобы времени свободного было побольше, устроился работать в кочегарку. Сутки отдежурит возле котла и трое суток дома. Такой режим его вполне устраивал, но появилась другая проблема. Когда он уволился с завода из общежития его выписали и он начал скитаться по частным квартирам. А жить у чужих людей и постоянно быть под пристальным надзором, особенно молодому человеку, очень тяжело. Время летело быстро, не успел оглянуться, как и повестка из военкомата

пришла. А в армию провожать некому, невестой обзавестись не успел. Два года он отслужил в ракетных войсках... плотником. Ракеты ни разу не видел, но на командном пункте один раз ему пришлось побывать. Его вызвали туда для ремонта полов. И, когда он явился туда с инструментами, то впервые в жизни увидел там живого генерала, который сидел в мягком вращающемся кресле. От неожиданности Лесков так растерялся, что позабыл и честь отдать. На что генерал весело рассмеялся и, похлопав его по плечу, дружелюбно сказал:

- Ничего, солдат, не робей, генералы не кусаются, они такие же солдаты, как и ты, только с большими звездами на погонах.

А после работы генерал угостил его коньяком, и Митька в тот день вернулся в свою казарму в приподнятом настроении. Не каждому рядовому представляется такой случай с генералом благородный напиток пить...

После армии вернулся солдат в свою деревню, пожил у отца с матерью несколько недель и затосковал по большому городу. А куда ехать, в каком городе устраивать свою судьбу? Как раз тут в Черемшанске начали строить большой завод. И подался парень в чужой город устраивать свою жизнь, зарабатывать себе квартиру, искать семейное счастье.

Здесь он устроился на новый завод в прессовый цех, слава Богу, профессия наладчика ему была уже немного знакома начал он свою новую жизнь с заводского общежития. А вскоре познакомился с местными поэтами и у него появились новые друзья. И дни, похожие друг на друга как братья близнецы, покатилась своим чередом.

В заводскую многотиражку Лесков заходил редко. В то время редактором газеты еще работал поэт Капитон Богачев. Ему оставалось до пенсии несколько лет и на молодых талантливых людей он всегда смотрел с восторгом. Узнав, что Митя ещё не женат, он решил познакомить его с заводской поэтессой Маняшей Филоновой.

Она в двадцать два года уже успела побывать замужем и развестись. После первого брака у неё на руках осталась маленькая девочка. А женщина она была красивая: круглое лицо, пухлые губы, русые волосы, и большие грустные глаза. Не глаза, а два озера, смотришь в них и утонуть хочется в этой печальной истоме. На мужчин она смотрела всегда пристально. Они волновали её неимоверно и она видела в них неиссякаемый источник наслаждения. А Лесков по натуре своей парень был застенчивый, ухаживать за женщинами не умел и никогда не стремился к этому. Но Маняша, уже несколько раз побывав в огне любви и опалив свои романтические крылья, сразу же сообразила, что Митя не такой как все, и за его спиной ей будет очень хорошо и уютно. Она стала часто прибегать на его участок и, поджидая его у проходной завода, делала вид, что они в очередной раз столкнулись после работы с ним чисто случайно. Тот от неожиданности предлагал ей сходить в кино и она с удовольствием соглащалась.

А месяца через три они решили пожениться и Маня, чтобы получить небольшую комнату, перешла работать в детский садик воспитательницей и ей выделили такую комнату. И в это время на их семейном горизонте появилась моя персона.

Когда я впервые был у Лесковых в гостях, у меня и в мыслях не было ни

каких поползновений по отношению к его супруге. Мы сидели с ним за небольшим столом, пили пиво и философствовали. Мария сначала крутилась на кухне, а потом ей стало скучно, и она присоединилась к нам, она стояла за спиной у мужа и, положив ему свои руки на плечи, кокетничала со мной несколько раз порывалась почитать свои стихи, но тот громким голосом прерывал её:

- Маняша! Прекращай чепуху нести. Настоящая поэзия - это не женское занятие.

Женщина обиженно ушла на кухню. Время от времени я украдкой смотрел в её сторону и мне было жалко её. Я понимал её оскорблённые чувства, но мой друг так начинал ругать женскую поэзию, что мне было не по себе.

В то время я был ещё очень молод и душа моя находилась на распутье, а дорог передо мной было много, и по какой из них шагать, не знал. В то время звание - писатель для меня было почти божественно. Мне казалось, что писатель - это эталон нравственности, эталон чести и совести. В то время я часто приглядывался к Боре Жиневскому и, мне казалось, что он - живое отражение высокообразованного человека. Он гордился своим образованием, своей эрудицией, умением преподнести людям свои незаурядные способности. И я даже временами завидовал ему, а что я мог в то время предоставить ему в противовес? Образования у меня не было. Манера поведения не всегда вписывалась в общественные рамки и литературная дорога мне казалась вообще чем-то неестественным. В то время в душе моей ещё не было той тяги к творчеству, от которой судьба человека иногда меняется очень круто и, как правило, не в лучшую сторону.

А Лесков уже как фанатик карабкался на вершину Парнаса, обдирая об острые скалы не только руки и ноги, но и свою душу. Я подружился с ним и почти каждый выходной стал бывать у него в гостях. Мы любили сидеть с ним за столом, пить пиво и читать друг другу новые стихи. Маняша всё время крутилась возле нас и иногда тайком посылала мне воздушные поцелуи. Я смотрел и тонул в её красивых глазах, как матрос, мне и приятно было, и немного совестно. Я, вроде бы и не давал повода для воздушных поцелуев, но временами, так же тайком подмигивал ей, и волновался, и даже краснел, когда мне казалось, что Митя догадывается о нашем безобидном флирте. Однажды я осмелился и сознательно пришёл к ней в гости, когда он находился на работе, мы с ним работали в разные смены.

Маняша встретила меня радушно, угостила чаем, а потом мы сидели с ней за столом и смотрели друг другу в глаза и почти не разговаривали. Нам было хорошо и в тот первый вечер я даже не осмелился дотронуться до её руки. А когда стрелки часов начали приближаться к одиннадцати часам ночи, я заторопился домой. Она не стала удерживать меня, ей тоже не хотелось, чтобы муж застал нас вдвоём...

Я шёл по весеннему городу, возвращаясь к своей жене, слушал, как поют черемшанские соловьи и думал о ней.

В двадцать пять лет человек живёт ещё мечтами и надеждами на будущее. В двадцать пять лет я строил себе воздушные замки, я витал в облаках, мне казалось, что я создан в этом мире только для счастья, и это счастье где-то совсем рядом и вскоре я буду купаться в этом счастье, как голубь в чистой

воде. На заводе в то время я зарабатывал чуть больше ста рублей и этого было вполне достаточно, чтобы жить и немного денег откладывать на чёрный день.

А вскоре моей супруге выделили на работе небольшую квартиру, правда без городских удобств, но всё равно наша комната была отдельной. Мы купили диван, телевизор и жизнь у меня покатилась как по маслу. Я любил ходить на работу во вторую смену. В двенадцать ночи я уже возвращался, а утром, жена уходила на работу и я оставался совершенно один, и мне никто не мешал заниматься сочинением стихов. Какое прекрасное было время! Я лежу на кровати, передо мной раскрытая общая тетрадь. И, мысленно погружаясь в мир раздумий, я мог часами лежать на своей кровати и, зарифмовывая мысли, торопливо записывал их и перечитывал до бесконечности. Я наслаждался музыкой слова, рифмами, поэтическими образами. Я напевал свои новые строчки и они мне казались просто гениальными. Написав несколько стихотворений, я мчался к своим новым друзьям, чтобы показать свои новые вирши и похвалиться. Но черемшанские литераторы хвалить меня не спешили и каждый находил что-то несуразное, и с розовых небес они спускали меня обратно на землю.

В то время о литературной карьере я ещё не думал. Мне казалось, что сочинение стихов - это явление временное и вскоре пройдёт, так же как и многие другие увлечения. В то время у меня запросы были, как и у всех простых смертных. Мне очень хотелось накопить денег и купить легковой автомобиль. А что такое легковой автомобиль в руках молодого человека? Да это всё - и личная радость, и восхищение всех знакомых. А какой можно иметь успех у девушек! Я часто представлял себе, как еду в блестящем автомобиле по городу, рядом со мной сидит молодая блондинка и визжит от счастья. Мы едем с ней за город на лесной берег реки, разводим в лесу костёр, начинаем жарить шашлыки. Я угощаю свою возлюбленную шампанским, читаю ей свои стихи, в которых воспеваются мои чувства, а девушка обнимает меня, закрывает от счастья глаза и шепотом признаётся мне в любви.

Но, чтобы купить автомобиль, нужно иметь деньги, а чтобы иметь деньги - надо много работать. И, откладывая стихи в сторону, я сломя голову бежал на завод, мысленно подсчитывал: если я буду каждый месяц откладывать по сто рублей, сколько же времени мне придётся копить на автомобиль? И, подсчитав, приходил в ужас. Для того, чтобы купить машину, мне надо было отработать ровно пять лет, а это казалось очень долго...

А жизнь райцентра катилась по своей накатанной колее и, казалось, ни что не может нарушить это ленивое движение социалистического образа жизни.

...Летом 1974 года в нашем городе проводился областной семинар молодых литераторов и я второй раз в своей жизни увидел настоящих поэтов и писателей. Семинар проводился в библиотеке Мне хорошо запомнились в те дни поэтический мэтр российского масштаба Николай Благовский, Владимир Нырков, Рябинкин, Дудников... Они читали наши произведения и критиковали по всем правилам литературной науки. Благовский в то время был на высоте, у него только что в Москве вышла большая книга, за которую он получил госпремию. В то время ему было лет сорок и он был ещё в силе. Высокий, крепкий, чёрные волосы у него были зачёсаны назад, и широкий лоб совершенно открыт.

В перерывах между заседаниями, когда литераторы выходили на улицу покурить, рассказывались интересные байки из жизни писателей. Наш черемшанский мэтр - Гирин, захлёбываясь от смеха, рассказывал:

- Я помню, как Благовский работал в нашей газете вместе Капитоном Богачёвым. Они тогда ещё молодыми были. А выпить любили, дай Боже! Бывало, напьются бедолаги и друг про друга эпиграммы сочиняют.

И Гирин начинает декламировать, захлёбываясь от восторга:

Пришёл я к Богачёву Капиташке, Занять деньжонок у него. Но на лице его чувашском Не отразилось ничего.

Молодые ребята смеются, а Гирин продолжает:

Неслышно, Капитон, крадётся кругами К пивнушке, сквозь город и лес. Кругами, кругами, руками, ногами, Кругами - и, - где-то исчез.

- Вот, как писать надо! - Восторженно восклицает он и от удовольствия потирает ладони.

Боря Жиневский возражает ему:

- Степаныч, если мы все будем писать такие стихи друг про друга, а кто нас печатать станет. Ведь, такую лобуду в наших газетах никогда не напечатают, цензура не пропустит.

Поэт смутился, стушевался, он, видимо, подумал, что Боря в его адрес камушек забросил, как ни говори, а он сейчас работает заместителем редактора в газете литературную страницу составляет он. Это от него в данное время зависит, напечатать стихотворение или нет. А времена сегодня строгие, чуть что - и, вылетишь из редакции, как пробка из бутылки шампанского, и улетишь на задворки общества не солоно хлебавши. А Гирин перестраховщик был ещё тот. Своим рабочим местом он гордился и очень дорожил им. Он цеплялся за эту работу. Всю чёрную и рутинную работу в газете исполнял. Главному редактору приносил уже готовый макет очередного номера, и тот подписывал почти не глядя, он полностью доверял поэту, ибо знал, что этот человек никогда не подведёт его. Башкиров, редактор газеты, на работу приходил позже всех, проведёт с утра короткое совещание, расскажет своим сотрудникам, о чём сегодня надо написать и, замкнув свой кабинет на ключ, ложится спать. Мне часто приходилось слушать его сладкий храп, когда я приходил в редакцию, к Анатолию Бирюхину. Он работал в газете в отделе промышленности, и тоже пробовал сочинять стихи и короткие рассказы. Бывало, сижу у него в кабинете, слушаю очередные новости райцентра. А из кабинета редактора - смачный храп раздаётся.

- Кто там храпит? спрашиваю я у Анатолия.
- Редактор наш.
- А чего он во время рабочего дня спит? Не положено на рабочем месте спать-то. У нас на заводе за это взгреют по первое число.

- Так это на заводе! возражает мне Анатолий, а Башкиров сам себе начальник. Да он ещё сегодня со страшного похмелья. Ему принесли мужики свежего пива, он опохмелился и спит.
- Интересные дела у вас в редакции творятся, -удивляюсь я. На рабочем месте спит, как мерин и ничего.
- Да лучше пусть спит, а то как начнёт нами руководить, хоть в лес от него беги с закрытыми глазами.

Я слушаю Анатолия и диву даюсь, как это так, коммунист, такое ответственное место занимает, а на работу приходит почти пьяным и своих сотрудников за пивом в магазин посылает. И пьёт на рабочем месте. А в своей газете печатает статьи, в которых призывает всех граждан города и района вести трезвый образ жизни и быть достойными строителями коммунистического общества. Мне становилось не по себе и, сославшись на неотложные дела, покидал районную газету с омерзительными чувствами. Мне казалось, что я больше никогда не переступлю порог этого заведения, где главный редактор почти алкоголик, а его сотрудники частенько бывают у него на побегушках. Но, проходило время, и я снова открывал дверь районной газеты и тихим голосом спрашивал:

- А Гирин у себя?
- Да, он в своём кабинете, отвечали мне сотрудники газеты, и я робко стучался в его кабинет.

Аркадий Степанович принимал меня радушно, он поспешно протягивал мне руку и приглашал присесть в потертое кресло, которое стояло возле его письменного стола.

- Ну, рассказывай, Коробков, как дела, чего нового принёс?
- Я достаю из кармана своё новое стихотворение, которое уже неделю обжигает моё сердце и молча протягиваю его поэту. Тот разворачивает листок, садится за письменный стол и начинает читать стихотворение вслух. Если стихотворение ему не нравится, он начинает морщиться. Особенное внимание он обращал на ритмику стихотворения, если его голос спотыкался, он тут же начинал объяснять, что в этом месте не хватает одной гласной или наоборот, одна гласная лишняя.
- Стихотворение это песня! любил говорить Аркадий . И его надо не читать, а петь, а у тебя не песня получилась, а какой-то водопад с бурунами и побочными всплесками. Стихотворение должно быть ровное, если в первой строке у тебя написано: "Та- та, та- та та та- тата- та", то и в третьей строке должно быть то же самое, а вот во второй строке у тебя говорится: "Турутутута, туруту- тут." И четвёртая строка должна быть такой же. И тогда твои стихи сами по себе будут превращаться в песни.

Посидишь в кабинете полчаса и от его "тата, тата, тата..." в голове такой кавардак случается, что уходишь от него с головной болью, совершенно не понимая, а что же это такое, настоящий стих? Что в нём, должно быть главным: музыка стиха или смысл зарифмованных строчек, поэтические образы или неведомые мне эпитеты. После таких бесед я ходил по городу как невменяемый и шлифовал свои поэтические строчки до тех пор, пока не избавлялся от всех шероховатостей. И, когда мне это удавалось, я снова приносил эти стихи Гирину, и он, прочитав их, поздравлял меня с успехом и, забирая стихотворение, обещал

в ближайшее время опубликовать его. А когда в очередном номере я находил свои вирши, от счастья был на седьмом небе и мне казалось, что я летаю над серой толпой, как волшебная птица и смотрю на всех уже с высоты птичьего полёта. В то время я ещё не знал, что у меня начинают развиваться в душе симптомы звёздной болезни, которые ничего хорошего людям не приносят. Особенно в молодом возрасте.

...И вот сегодня на областном литературном семинаре мои стихи разбирают не поэты-любители, а профессионалы. Моими рецензентами оказались Нырков и Рябинкин. Поэты областного масштаба отнеслись к моим стихам снисходительно, они даже немного были удивлены, что в захолустном городке проживают такие талантливые люди. Мне нравилось, когда они при всех хвалили мои отдельные строчки и целые строфы. Гирин, Жиневский и Розов, относились к этим хвалебным речам ревниво, а вот Лесков после семинара поздравил меня от души и сказал:

- Вот видишь, Василий, сам Рябинкин о твоих стихах говорил с восторгом, так что никого особо не слушай, когда начинают ругать твои стихи. Стихи у тебя оригинальные. Конечно, Рябинкин прав, чтобы достигнуть хороших результатов в поэзии, работать над стихами надо ещё много, но, у тебя есть огромное преимущество. В душе твоей поселился Божий дар, а это бывает очень редко. И Боре Жиневскому, хотя он и образованный, соревноваться с тобой в стихосложении будет тяжело. Боря стихи свои пишет от избытка знаний, а ты их пишешь душой и это прекрасно. Пусть стихи у тебя ещё не совсем грамотные, но они за сердце хватают и заставляют его волноваться, а это большой козырь в литературе. Так что, давай серьезнее относись к своему дарованию и работай над собой и над стихами, не зная усталости и лени.

Областной семинар произвёл на меня большое впечатление. Я присматривался к настоящим писателям, слушал их пламенные речи и завидовал им неимоверно. Вот живут люди, думал я, нигде не работают, сидят дома и занимаются своим любимым делом. А здесь - каждый день приходится торопиться на завод, а после заводской смены приходишь домой уставший и стихи писать, особо не тянет. Стихи хорошо пишутся по утрам, когда голова после сна ещё свежая и никуда торопиться не надо.

О-о! Если бы я был членом Союза писателей СССР, мне не надо было бы бегать на завод и заниматься не своим делом. Сколько я бы смог написать хороших и полезных стихов. А сейчас, попробуй уволиться и сидеть дома. Органы милиции сразу же заинтересуются твоей персоной и начнут оформлять за тунеядство в тюрьму.

В конце семинара я спросил у Ныркова, а что нужно сделать, чтобы стать членом Союза писателей?

Нырков внимательно посмотрел на меня, улыбнулся и в полушутливой форме ответил:

- Для этого, в первую очередь, надо писать очень хорошие стихи, а если говорить серьёзно, то надо иметь хотя бы пару поэтических книг.
- А если у меня наберётся на пару книг хороших стихов, мои книги напечатают? спросил я.

Нырков неопределённо пожал плечами и грустно ответил:

- Вообще-то, чтобы напечатать книгу, надо быть членом Союза писателей.

Я от удивления раскрыл рот и, ничего не понимая, отошёл от него с заковыристым ребусом в голове.

Председатель областной писательской организации в то время был Благовский. В заключительной речи в конце семинара он много говорил о достижениях советской литературы, поздравлял с достигнутыми успехами начинающих литераторов, о главном назначении писателя в Советском государстве. Воспользовавшись небольшой паузой в его речи, я осмелился задать ему вопрос.

- А вы лично, не могли бы, чем-нибудь помочь молодым поэтам в издании первых книжек?

Благовский нахмурился, посмотрел на меня исподлобья, и немного помолчав, громко заговорил:

- Молодой человек! Поэт должен сам себе дорогу в литературу пробивать, когда я был молодым, мне никто не помогал, и все чего я добился за свои сорок лет, я сделал сам, не дожидаясь, когда меня возьмут за ручку и приведут в издательство с хорошей рекомендацией. Вы люди молодые и у вас всё ещё впереди, работайте и дерзайте, а когда вы почувствуете, что вы уже созрели для большой литературы, тогда и не грех постучаться в солидное издательство. И, если у вас стихи будут на высоком уровне, то успех вам будет гарантирован, а сейчас я вам ни чем помочь не могу. До всего надо дойти самим.

Слова его вонзились в моё сознание, и я запомнил их на всю жизнь, но после этого с такой глупой просьбой я больше никогда и ни к кому не обращался.

Семинар окончился, профессиональные писатели уехали, а в душе у меня осталась зажжённая свеча, пламя которой с каждым днём разгоралось всё больше и больше. Работать на заводе, каждый день отбывая там какую то повинность, мне уже не хотелось. Я несколько раз намекал Гирину, когда он начинал хвалить моё очередное стихотворение, на то, чтобы он устроил меня на работу в газету.

- Если бы не работа на заводе, сколько я мог бы написать таких стихов, - тяжело вздыхая, говорил я.

Он соглашался со мной, но чтобы предложить мне работу в газете, об этом никогда и не думал. В то время я не знал, что он и сам там находился на "птичьих правах". Гирину в этом отношении повезло больше, он был местный и к сорока годам сумел издать несколько детских книжек. И в городе его знали как детского писателя, с хорошими перспективами на будущее.

А вскоре один из литераторов купил себе новую пишущую машинку, а старую решил продать. На очередном литературном объединении он объявил о своём решении, и я решил приобрести её. Машинок в то время в свободной продаже не было. Чтобы купить в магазине пишущую машинку, нужно было иметь специальное разрешение из органов МВД. А такие разрешения выдавали только государственным учреждениям, журналистам, писателям, а простому смертному такое разрешение не давали. И поэтому, когда я услышал, что человек продаёт, без всякого на то разрешения, на другой же день я достал из заначки отложенную свою первую получку на приобретение автомобиля и, распростившись со своей мечтой, купил машинку, не скрывая в своей душе восторга.

Когда я принёс её к себе домой и поставил на стол, радости моей не было границ. Я вставил в неё белый лист, сел перед ней на стул и задумался. В тот день я окончательно решил для себя, что в этой жизни я обязательно должен стать писателем, а как же иначе, машинка уже есть, белая бумага имеется, желания в душе - и на четверых хватит, а времени у меня впереди ещё видимоневидимо. И с этими мыслями я начал аккуратно перепечатывать на белые листы все свои накопившиеся стихи.

На некоторое время я позабыл про всех своих друзей, пишущая машинка притягивала меня, как хороший магнит, и всё свободное время я проводил возле неё. Мне нравилось смотреть на аккуратно перепечатанные стихи. Я любил белые листы со стихами раскладывать на столе и любоваться ими. Я мог смотреть на них часами. Иногда за этим мероприятием меня заставала жена. Она смотрела на меня, на разложенные белые листы и с удивлением спрашивала:

- Василий, а чего ты стихи по полу разбросал?
- Я не разбросал их, а разложил.
- А зачем?
- А мне нравится любоваться ими со стороны. Ты посмотри, сколько в этих листах красоты и гармонии. Смотри, какие ровные столбики на них отпечатаны.

Жена садилась рядом со мной на диван и, молча любуясь моими листочками, прижималась своей щекой к моему плечу, и мечтательно говорила:

- Вот придёт твоё время, когда ты станешь известным писателем, ты, наверное, бросишь меня, уедешь обратно в Москву и не разу не вспомнишь обо мне.
  - Это почему же? удивлённо возражал я.
- А все великие люди так делают, когда становятся знаменитыми. Старых жён бросают и женятся на молоденьких.

Мне становилось смешно. Так далеко в своё будущее я не заглядывал. И, чтобы успокоить жену и доказать ей, что она не права, я обнимал её, потом начинал жарко целовать и, неторопливо раздевая, укладывал её на кровать, и мы занимались с ней горячей любовью, а на блестящем деревянном полу лежали мои стихи отпечатанные на белоснежных листах.

...В то время во мне неожиданно проснулась жажда к знаниям, я понял, что без образования ничего путного написать мне не удастся и начал читать всё подряд, особенно то, что было, связано с литературой. Я читал критику Белинского, Чернышевского. Листал современные журналы, зачитывался стихами Есенина, Блока, Мандельштама, Пастернака. Огромный мир поэзии, созданный ещё до моего рождения, ворвался в моё сознание и я был удивлён им и немного шокирован. Оказывается, вершины Парнаса и до меня брали штурмом и не одна судьба сломалась об поэтический гранит не всегда доступных вершин. Я читал классические строки и завидовал их авторам. Мне котелось также отображать мир в стихах, как это делали Есенин, Некрасов, Пушкин и Державин. Я преклонялся перед мировоззрением великих людей, которые, прекрасно понимая весь хаос вселенной, призывали всех смертных к высоким идеалам. Сколько любви, нежности и благородства шло от

произведений минувших веков и всё это, впитывая в себя, я ужасался, вглядываясь в современные лица людей.

- Господи! - вырывалось иногда из моей груди, - что за люди вокруг меня мельтешат, куда они все торопятся.

Я всматривался в суровые лица современников и кроме озабоченности ничего не видел в них. Мне казалось, что люди, живущие рядом со мной, всё время думают в первую очередь, как насытить свой неуёмный живот, а когда им это удавалось, они начинали мечтать и о несбыточном. Я всё время внимательно прислушивался к разговорам своих знакомых, заглядывал к ним в глаза и пытался проникнуть в духовный мир себе подобных, но к своему ужасу, я не находил в них ничего сверхестественного. Мне казалось, что люди окружающие меня появились на этот свет чисто случайно и совсем не знают, как распорядится отпущенным им временем. Прошёл день - и ладно, заработал себе на кусок колбасы - и, счастлив человек. Сколько раз я наблюдал, как люди после рабочей смены, вырываясь из проходной толпами бежали в ближайшую пивнушку, а все вечера проводили в прокуренных помещениях, накачивая себя "Жигулёвским" пивом. Конечно, в жаркий день холодное пиво - это прекрасно. Утолил жажду, насладился райским напитком и пошёл дальше, заниматься другими делами, например духовными. Но русскому мужику после заводской смены, заниматься больше нечем, да он и не хочет ни чем заниматься. Философия, литература, размышления о жизни на земле - это удел фанатиков, а простой смертный об этом никогда и не задумывается. Напьётся он пива, перемешав его с водкой, начинает показывать всем своё гнилое нутро. А пьяному человеку всегда кажется, что он умнее всех остальных, он начинает требовать от других уважения к себе, а сосед его, такой же пьяный сегодня, и тоже - гонору, хоть отбавляй. Начинают они выяснять отношения.

- Ты меня уважаешь? спрашивает один.
- Уважаю!
- А за что ты меня уважаешь?
- А за то, что ты пять кружек пива без отдыха можешь выпить.
- Это точно, я могу на спор и десять выпить, спорим?
- Нет, спорить я не буду, я тебе и так верю, а вот я могу копчёной колбасы зараз килограмм пять слопать. А если не веришь, можем поспорить.

Стоят два друга в пивнушке за столиком и хвалятся друг перед другом. Кто может больше колбасы слопать, а кто больше всех пива выпить. И бывает, до того доспорятся, что раскарябают по пьянке друг другу физиономии и возвращаются поздним вечером домой, раненные, как только что с фронта вернувшиеся. А утро у них начинается с опохмеления и всё начинается по новому кругу. Днём на заводе, вечером в пивнушке, а ночью, в лучшем случае, у себя в квартире на полу возле дивана. А в худшем - где-нибудь у забора в колючем бурьяне. Или в вытрезвителе. Вот и вся в основном духовная жизнь, простого мужика на периферии, в глубинке России.

Я часто задумываюсь, а почему в России так много пьяниц и начинаю теряться в догадках. Но, если взять историю с начала двадцатого века и внимательно перелистать все страницы, то можно пролить свет на это безобразие. Революция, гражданская война, тридцать седьмой год, вторая Мировая. Если подсчитать, сколько народу погибло за полвека, волосы на

голове встанут дыбом. А погибали, как правило, самые лучшие. А после всех этих кошмаров, разве может быть у человека нормальная психика? Конечно, нет! Мир в России раскололся на две части, одна часть - это коммунисты, которые мечтали свои идеи навязать всему миру и вторая часть - это простолюдины, которые ни к каким партиям не принадлежали, но их жизнь полностью зависела от руководящей партии. А в семнадцатом году к власти в России пришли люди, которые были по своей сути очень далекими от коммунистических идеалов.

Вот и результат: умных и благородных людей извели под корень, а на смену им пришли шизофреники с нарушенной психикой, сейчас у нас в России процентов пятьдесят новорожденных с психическими или физическими отклонениями и это уже становится нормой. Я наблюдаю за жизнью и поведением своих горожан, и мне становится стыдно, что я гражданин России. Иногда мне хочется бежать от людей в глухой лес, особенно от ревностных служащих государственных структур и, выкопав там землянку, жить в уединении. Но таких глухих мест в Среднем Поволжье, к сожалению, нет и прятаться от произвола глупых руководителей совершено негде. В последнее время я пытаюсь жить в своём государстве, совершенно не касаясь официального, но это очень трудно. Мне не нравится, что я слишком много должен этому государству, которое обо мне практически не заботится.

По молодости, как и все молодые люди, я немного "нашалил" и меня очень сурово наказали. В восемнадцать лет меня водворили в лагерь строгого режима, к людям, которые уже давно потеряли такие понятия, как честь, совесть, самолюбие. В восемнадцать лет мне пришлось познать, обратную сторону социалистического общества. А когда я освободился, передо мной захлопнулись все социальные двери. И я с молодых лет был обречён на всеобщее презрение. А жить в своей стране изгоем, особенно в России, очень тяжело.

Но тогда, когда мне было ещё двадцать четыре года, всего этого я не понимал, и мне казалось, что четыре года заключения никак не могут повлиять на мою дальнейшую судьбу. И я был, по своему, счастлив, пока не приходилось сталкиваться с государственными структурами. Но жизнь в связи с этим у меня сложилась не так, как бы мне хотелось.

Глава третья

Когда я купил себе пишущую машинку, в то время окончательно решил для себя, что в этой жизни я должен обязательно стать только писателем. Стихи я сочинял везде и дома, и на работе, и в автобусах, и на берегу речки. В моём кармане постоянно находилась общая тетрадь, куда я записывал все свои зарифмованные строчки. А дома с большим упоением перепечатывал их, читал и перечитывал, и наизусть учил. Я бегал с новыми стихами по редакциям. Но мне очень вежливо говорили о том, что районные газеты это не литературные журналы, в которых публикуют любовную лирику. Эти отказы меня очень огорчали и я начал печатать на машинке небольшие поэтические книжечки, и дарить их красивым женщинам. На титульных страничках самодельных книжечек я с гордостью печатал: "Самиздат".

В то время я и не знал, что за это меня могли запросто снова привлечь к уголовной ответственности потому, что всякого рода "самиздаты" были категорически запрещены. Некоторые люди открыто говорили мне об этом, но я не верил в абсурд.

- За что меня могут посадить? - возмущался я, - стихи я пишу только о любви и о природе. А за это у нас, по моему, не сажают.

А время шло как всегда своим чередом, а стихов у меня становилось всё больше и больше. И вот их у меня накопилось уже на хороший сборник. И мне так захотелось иметь свою собственную книжку, что у меня иногда от такого желания голова начинала кружиться. И я решил первый свой сборник отпечатать на своей машинке. Недели две я сидел за машинкой и на белых листах печатал свои стихи. А потом в книжном магазине мне попалась коллективная книга, на обложке которой не было фамилии писателя. Обложка мне понравилась и, купив её только ради обложки, я эту обложку приклеил к своему самодельному сборнику стихов. Книжка у меня получилась как настоящая, вот только жаль, что в одном экземпляре.

Я с гордостью показывал её своим друзьям и знакомым, давал им читать, и мне очень нравилось, когда меня начинали хвалить и смотреть на меня, как на человека с другой планеты.

А вскоре у меня эта книжка пропала, кто-то из литераторов умыкнул её и она попала в руки местных работников КГБ. С этой книжкой они приходил к Гирину, интересовались у него, что я за человек. Гирин рассказал, что я молодой и перспективный поэт, что у меня есть дар Божий и так далее, и тому подобное. Но после посещения сотрудниками КГБ, Гирин вообще перестал печатать мои стихи в газете. О причинах моего отторжения от литературных страниц я, естественно, в ту пору не знал, а он мне ничего не сказал. В то время у него была мания преследования, которая поселилась в его душе ещё, наверное, в годы войны. Все свои бумаги в редакции, он складывал так, чтобы можно было сразу определить - копался в них кто-нибудь в его отсутствие или нет.

Когда Бирюхин рассказал мне об опасениях Гирина, мне было очень смешно. Как так, думал я, вот уже двадцать лет прошло, как Сталин умер, а люди до сих пор боятся тайного преследования и даже свои мысли, изложенные на бумаге, прячут от посторонних глаз в самый дальний угол письменного стола. Что это за писатель, возмущался я, если он боится своих же собственных мыслей, тем более, если он коммунист. Ему-то чего бояться своей собственной партии.

Я помню, как в душе моей поселилось озлобление по отношению к ним. Мне казалось, что не хотят печатать мои стихи из-за того, что они лучше других стихов. Может, в этом и была небольшая толика правды, а в основном оказывается причина была совсем другая.

Если бы Гирин в то время признался мне, что мои стихи запретили печатать, я бы себе хоть псевдоним придумал. Но Гирин молчал, а я думал, что мои стихи в его понятии ещё очень слабые и очень удивлялся, когда читал в газете вирши намного хуже, чем были мои.

А начинающему поэту очень трудно, когда нет в прессе его публикаций. Друзья и знакомые при встрече спрашивают, - ну, что нового написали?

Почему ваших стихов в газсте не видать? А я и не знаю, что ответить. Назвался поэтом, растрезвонил по всему городу, что я одарённый, а публикаций нет. И стыдно становится людям в глаза смотреть. Раз не печатают, значит стихи у меня хреновые, и все знакомые начинают смотреть на меня, как на чудика, который помешался на каких-то стихах, которые даже в районной газете не печатают.

А вот Богачёв в своей заводской многотиражке печатал меня регулярно и я почти каждый день приносил ему новые стихи. В многотиражке гонорары не платили, но у меня была тайная надежда, что Богачёв ценит мои способности и, может быть, возьмёт меня на работу. В то время я мечтал устроиться хотя бы в многотиражку. Но в печатные органы людей с высшим образованием и то не всех брали, а куда я хотел забраться со своими семью классами. В то время, чтобы работать в газете, надо ещё было стать и членом партии. А это-для меня лично- было вообще что-то сверхестественное и неприемлемое.

Вот с такими препятствиями и начиналась моя литературная дорога, на которую я вступил 1974 году.

Если на заводе в прессовом цехе от сочинения стихов у меня были одни неприятности, то в литературном объединении у меня появились новые друзья, и жизнь в чужом городе стала намного уютнее. В двадцать пять лет меня тянуло к старшему поколению. Мне в то время казалось, что у них жизнь уже почти за плечами и от них можно много узнать полезного о нашей несуразной судьбе.

Вскоре, на литературном объединении, я познакомился и с поэтом Смолярчиком. Ему было уже семьдесят пять лет. Волосы на голове седые, но ещё имели тёмный оттенок. Лицо у него круглое, глаза всегда слезились, но были очень весёлыми. Голос у него мягкий, больше походил на женский. В молодые годы он работал учителем и преподавал русский язык и литературу. С молодыми литераторами он никогда не спорил, но слушал их с интересом. Когда доходила очередь до него, он свои стихи читал волнуясь и заикаясь. Стихи у него были в основном про нашу русскую природу. Другие темы его видимо не вдохновляли. О живни, о политике писать стихи он, вероятно, простонапросто боялся. В его памяти хорошо сохранился тридцать седьмой год. Когда народ о своей жизни и о политике разговаривал шопотом, и то - с боязнью, оглядываясь по сторонам. Метастазы сталинского террора распространились по всей России и двадцать лет спустя, новое, молодое поколение, и то опасалось свои мысли высказывать вслух.

Жил Смолярчик в старом городе в собственном доме. Дом у него был большой просторный, дети, когда выросли, разъехались по другим городам. Жена у него недавно умерла, и он остался в этом большом доме совершенно один. А одному в преклонном возрасте жить тяжело. И варить самому надо, и стирать, и полы мыть. Когда я впервые пришёл к нему в гости с Лесковым, я сразу же обратил внимание на запущенность. Иконы в переднем углу были зашторены паутиной, возле печки не прибрано, на кухне стояла гора немытой посуды. Обои местами отклеились и свисали вниз.

Мы пришли с бутылкой, и он, засуетившись, извинился перед нами за беспорядок в доме, но очень обрадовался, что молодые люди не забывают его, а самое главное - он обрадовался, когда увидел на столе бутылку водки.

Выпить Смолярчик любил, но он пил в меру. Сколько я его помню, глаза у него всегда были весёлыми. А вот пьяным я его никогда не видел. Посидели мы у старика в гостях. Хозяин дома порывался рассказать нам о своей молодости, но Митя вскоре заторопился домой, когда мы, попрощавшись со стариком, вышли на улицу, он мне за пять минут рассказал всю судьбу старого учителя. Как он, будучи мальчиком, находился у богатого купца в батраках, как во время революции прятался от гражданской войны. Про тридцать седьмой год, - когда Советская власть избавлялась от врагов народа. И, как его по состоянию здоровья не взяли на войну в сорок первом. Как он, закончив педагогический институт, всю жизнь преподавал русский язык и литературу.

- А откуда ты всё это знаешь? Спросил я у него.
- Как откуда? удивлённо ответил друг, он всё время, как тяпнет немного, начинает про свою жизнь рассказывать, каждый раз одно и то же.

А сам Смолярчик был всё-таки человеком сталинской закваски, вся одежда на нём была ещё довоенного периода. Летом он ходил в чёрных башмаках, чёрных брюках. Темно- синего цвета гимнастерка всегда была подпоясана широким офицерским ремнём, на голове у него красовался картуз, типа "Сталинки"

Телосложение его было крупное, и носить своё тело без палочки в руках ему было трудно. Он хорошо мне запомнился в этой гимнастёрке, перепоясанный широким ремнём, а через плечо у него висела полевая сумка коричневого цвета, в которой он постоянно носил свои стихи. Три раза в неделю регулярно посещал районную редакцию. В понедельник, в среду и в пятницу проходила вёрстка очередных номеров, и он старался в эти дни предложить сотрудникам редакции свои очередные стихи о природе родного края.

Всеми правдами и неправдами сотрудники газеты старались от него отмахнуться, но он мог часами сидеть в кабинетах и рассказывать о своей не совсем удавшейся жизни. В конце- концов он надоедал и у него забирали два три самых лучших стихотворения и, обещав опубликовать их, выпроваживали за двери.

Однажды, в конце лета, в воскресный день, не застав Лескова дома, я брёл по улицам, не зная, как распорядится своим свободным временем. И тут, проходя мимо дома старика, я решил заглянуть к нему в гости. Смолярчик обрадовался и тут же предложил мне помочь ему в одном очень важном деле. Я сразу же подумал, что ему надо дров наколоть, ведь зима-то уже не за горами. Но он попросил меня помочь отвезти ему в детской коляске пустые бутылки на рынок.

- Василий, - обратился он ко мне с просьбой, - помоги мне, пожалуйста, пустых бутылок у меня очень много, а один я их не довезу. Тележку я сам докачу. А вот ещё две хозяйственные сумки мне не дотащить.

Я согласился. Он выкатил детскую коляску, нагруженную пустыми бутылками на улицу, а я вышел вслед за ним с двумя хозяйственными сумками. Он повесил на входную дверь ворот внушительный замок, и мы направились с ним в сторону рынка. Рынок в старом городе не очень большой, но всегда многолюдный. Здесь с утра и до позднего вечера всё время толкается народ. На территории его находится множество магазинов: и продовольственные, и промтоварные, и знаменитая пивнушка в центре рынка функционирует. А в

левом углу от ворот, находится небольшая палатка, в которой принимают от населения пустую тару из- под вино-водочных изделий. Вот в эту палатку и повадился Смолярчик свои трофеи сдавать. Пустые бутылки он собирал по всему городу. С раннего утра и до позднего вечера бродил по злачным местам, где обычно прятались от милиции любители выпить. В одной руке у него была хозяйственная сумка, а в другой длинная кленовая палка. Палка служила ему, как клюшка, а если выразиться интеллигентнее, она заменяла ему трость.

Поправив на голове сталинский картуз, одёрнув гимнастёрку, подпоясанную офицерским ремнём, он положил клюшку во внутрь коляски на пустые бутылки, и мы направились в путь. Детскую коляску старик катил

легко, а вот я вслед за ним с тяжёлыми сумками, едва поспевал.

- Василий, ты чего отстаешь? время от времени, спрашивал он меня. Тяжёлые сумки?
  - Конечно, тяжёлые! Отвечал я.
- Ну, потерпи немного, успокаивал он меня, сейчас мы сдадим их и с тобой пир на весь мир устроим.

Я прибавлял шаг и, гремя пустой посудой, старался не отставать от него. На моём лбу появились капельки пота, кисти рук у меня начали отекать. Я ставил сумки на землю, разминал пальцы рук, тряс кистями, шевелил плечами и, немного размявшись, снова хватал драгоценный груз, спешил догнать деда.

У палатки, где принимают посуду толпилась большая очередь. Смолярчик спросил кто крайний и, утирая платочком лоб, несмотря на внушительную очередь, решил мужественно стоять до конца.

- Это сколько же мы здесь проторчим? спросил я у него. Смотри сколько народу-то впереди.
- Василий, не волнуйся, Тамара тару принимает быстро и полчаса не пройдёт, как мы будем у окошка.

И действительно, очередь продвигалась быстро. Люди, впереди нас стоящие, имели при себе пустых бутылок не так уж и много - у кого пять бутылок было, у кого семь. В основном это были женщины и пенсионеры. Они так же, как и Смолярчик, целыми днями бродили по окрестностям рынка и ближайшим улицам в поисках брошенных бутылок.

- Санитары города! кивая головой на старушек, говорит мне дед. Если бы не мы, весь город давно бы был завален этим барахлом до самых крыш.
- А чего, эти женщины таким же образом, как и ты, себе на опохмелку деньги добывают? спросил я.
- Да я бы не сказал, задумчиво ответил он, пьяниц среди них почти и нет, просто у них пенсии мизерные и не хватает на жизнь, вот и приходится эту "пушнину" собирать.

За разговорами время пролетело быстро, и вскоре мы оказались у окошка:

- Василий, помогай мне бутылки на прилавок ставить, а я буду считать их, за Тамаркой - глаз да глаз нужен, она в момент надуть может, я её уже знаю.

Я начал выставлять бутылки, а он подавать их внутрь окошка.

- Дед! удивлённо воскликнула приёмщица, где ты столько "пушниныто" набрал? Никак после свадьбы?
  - Да нет, после похорон, жену недавно схоронил.
  - Это сколько же вы вина-то на её поминках выпили?

- Много! - ответил Смолярчик. - У меня родственников много и жена была прекрасным человеком.

Приёмщица делает удивлённое лицо и качает головой. Пересчитав бутылки и подсчитав на счётах, сколько полагается за них выдать денег, выдала нужную сумму Смолярчику. Не отходя от окошка, он тут же пересчитал их и удивлённо воскликнул:

- Тамара! Голубушка, а здесь у меня семьдесят шесть копеек не хватает!
- Сколько у тебя там денег? спросила она.

Смолярчик назвал сумму, и она виновато воскликнула:

- Ну извини, дедушка, заболталась я с тобой, - и проворно выдала ему недостающую мелочь.

Дед, улыбаясь, отошёл от окошка ещё раз пересчитал деньги и, усмехнувшись, проговорил:

- Вот бестия, старого человека хотела обмануть, да у меня жена всю жизнь в школе математику преподавала, неужели я не могу в уме семьдесят три бутылки на двенадцать копеек помножить? - и он весело рассмеялся.

На вырученные деньги Смолярчик купил бутылку "Агдама", булку чёрного хлеба, батон белого, полкилограмма помидоров и, не переставая чему-то улыбаться, пригласил меня к себе в гости.

В тот вечер я просидел у него допоздна и мужественно слушал историю его жизни. Дед пил вино маленькими глотками и после каждого глотка вытирал губы платочком и говорил мне:

- Василий, вот ты сейчас молодой и очень энергичный человек. Бери от жизни всё, что можешь, а то - доживёшь до моих годов и ничего уже не надо будет. Вот видишь, я и вино-то по человечески выпить не могу. А когда-то и я орлом был, а теперь старый и никому не нужен. Даже дети мне письма не пишут и не поинтересуются, как я здесь живу.

Я несколько раз порывался уйти от него, потому что слушать его печальные рассказы мне было не интересно, но он всё время удерживал меня:

- Василий, ну куда ты торопишься, посиди ещё полчасика со стариком, а я тебе расскажу, как я батрачил в молодые годы на аксакала. Ты знаешь, какое красивое время тогда было. Я и сейчас помню тёпло ночных костров. Бывало, сидишь у костра, а старые чабаны друг другу чудесные легенды о прошлой жизни рассказывают, а в ночном небе яркие звёздочки светятся. Детство интересный период жизни. Вот я жизнь свою, почитай, уже прожил, а детство вспоминаю больше всего, а почему и сам не знаю.

Смолярчик умолкает и задумчиво смотрит в вечернее окно, а на лице его блуждает блаженная улыбка. Он, наверное, опять перед собой видит эти ночные костры и яркие звёздочки в небе. Я смотрю на его морщинистое лицо, на его задумчивые глаза, на седые волосы на голове, и мне жалко становится старика. Вот живёт он в этом большом доме, в котором две комнаты, похожие на танцевальные площадки. А счастье из этого дома, видимо, уже давно переселилось в другие хоромы. А когда-то, наверное, и здесь звучал весёлый смех детворы. И не было в этих комнатах такого запустения. Я начинаю рассматривать фотографии, которые висят на стенах в небольших рамочках, почётные грамоты с изображением Ленина. Почётных грамот на стенах висело даже очень много.

- А эти почётные грамоты ваши? спросил я.
- Наши, тихо проговорил он, мои и моей покойной жены.
- И за что же вам их вручали?
- Как за что? За добросовестный труд. В наше время за хорошую работу большие деньги не платили, а красивые бумажки с портретом Ленина наши власти не жалели. У нас ещё и в сундуке почти столько же почётных грамот лежит. И куда их теперь девать, не знаю. В макулатуру сдать, вроде бы совестно, да за это могут ещё и привлечь. Печку истопить ими, вроде бы и не красиво. Покойная жена их зачем-то всё время берегла и мне завещала беречь, чтобы под старость лет внукам показать. А дети с внуками не приезжают. Да чёрт с ними, висят они и пусть висят, хлеба-то они не просят.

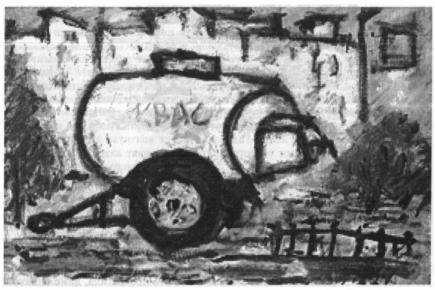
И Смолярчик засмеялся, точнее сказать, захихикал. Но, поперхнувшись, сделал глоток вина, и, утирая губы платочком, хотел ещё что-то сказать, но, видимо, передумал и замолчал.

Настенные часы пробили девять раз и я заторопился домой. Старик проводил меня до ворот и на прощание, пожимая мне руку, поблагодарил за то, что я проведал его и он при этом даже прослезился.

- Спасибо, Василий, что зашёл. Я так благодарен тебе! - сказал он, утирая платочком слёзы, - спасибо! Не забывай старика, заходи почаще я буду очень рад.

Я пообещал, что буду заходить и направился домой, но настроение у меня было почему-то паршивое.

(Продолжение следует).

"Бочка с квасом"

Александр НИКОНОВ

Ковчег острова Альмендралехо

(Приключенческий, научно-фантастический роман)

13

Чем больше яхта продвигалась на юго-восток, тем больше свежел ветер, тем выше были волны и однообразнее дни. Особенно страдала от этого Глафира. Постепенно её первые восторги от путешествия поутихли. Поначалу, когда путешественники проходили Ормузский и Оманский заливы, она напевала про себя: "Мы на лодочке катались, золотистой, золотой" и, пока видны были горы, города, пески, зелёные острова, она часами могла сидеть у клюза на носу мачты и любоваться прибрежными красстами, проходившими мимо судами, махала руками каждому человеку, который появлялся на палубе. Но ей почему-то никто не махал в ответ и она это прекратила, даже однажды пожаловалась:

- Почему на меня никто не обращает внимания? Я им машу, машу, а они - хоть бы что. А, Лёшк?

Алексей спокойно отвечал:

- Потому, Глашка, что ты не Ассоль, а они не капитаны Грэи. Это простые моряки и члены экипажей, они находятся на работе, а не на морской прогулке. Им не до романтичной, взбаламошной девчонки, которая не то предупреждает об опасности, когда машет руками, не то хочет с ними познакомиться.
- Глафира смарщивала своё прекрасное личико, взмахивала кудрями и гнусавила:
  - Фи, как это пошло и буднично, и спускалась в каюту.

На свежих, гористых волнах Аравийского моря её, по её же выражению, стала "душить морская жаба". Морская болезнь мучила Глафиру больше суток и отступила так же неожиданно, как и пришла. За это время она не могла не то что есть, даже глотка воды проглотить. Под вечер она выползла из каюты: бледная, растрёпанная, но с кривой улыбкой, оглядев всех, сообщила:

- Ну, ребята, кажется, отпустило.

Первым отреагировал Саид, он рассмеялся и сказал:

- Дорогая Глафира-джан, ты будешь настоящим морским волком.
- Правда, а почему? осведомилась страдалица.
- Потому, что даже некоторые мужчины, молодые матросы, салаги, мучаются неделями. А ты просто молодец!

От похвалы Глафира выпрямила свой стройный стан, выпятила четырехразмерную грудь, скрытую купальником, и рявкнула:

- Матросы, равнение на меня, нового морского волка! Смир-на! Вот так. - Потом вдруг схватилась за живот, - Лёшка, спасай меня, жрать хочу. Ещё немного и я умру от голода.

Муж, давно привыкший к её приколам, успокоил растерявшихся Саида и Данилу:

- Не бойтесь, она и вам оставит что-нибудь на ужин.

Яхта прошла каботажными путями вдоль побережья Пакистана и Индии, Лаккадивские острова и вошла в архипелаг Мальдивских островов. Измотанные суточными бдениями за штурвалом, мужчины решили зайти в столицу архипелага - Мале, чтобы отдохнуть, пополнить запасы воды, пищи и топлива. Путешественники по очереди, чтобы не оставлять яхту безнадзорной, бродили по небольшому городку, обходя базары, мясные и рыбные лавки. Глафира визжала, восторгаясь поделками местных туземцев, экзотическими дарами природы и всё время спрашивала не то себя, не то Алексея:

- Может, нам остаться здесь навсегда? Здесь так чудесно, прекрасно, красиво, тепло. Здесь такие милые, приветливые жители.
  - Не советую, отзывался муж.
  - Почему?
- А ты обрати внимание, как на тебя глазеют аборигены. Они думают только об одном: заманить тебя в укромный уголок, украсть, отвезти на какой-нибудь необитаемый остров, разделать, изжарить на костре и съесть.

Глафира выпятила глаза:

- Они что, людоеды?
- Вот ты их и спроси.
- А на каком языке они балакают? всерьёз спросила Глаша.
- Точно не помню, но, кажется, на дивехи. Знаешь такой?

- Нет, растерялась Глафира. Может, они английский знают, или русский... Когда утрясли все дела, было решено остаться ещё на сутки, чтобы каждый мог выспаться на берегу. Для этой цели недалеко от порта сняли хижину, сплетённую не то из тростника, не то из пальмовых листьев. Во вторую смену спали Алексей с Глафирой. Глаша, видно, соскучилась по земному покою, открыв рот, она храпела так, что её храп был похож на рёв пароходного гудка. Алексей почти не спал, перемежая ночной отдых дремотой и бдением. В одну из тех минут, когда, открыв глаза и, глядя сквозь неплотный потолок шалаша на звёзды, он услышал чьи-то крадущиеся шаги. Взяв лежащую рядом для отпора нежелательных гостей дубину, он подполз к выходу и встал у проёма. Затаив дыхание, долго ждал. Нет, видно, обманулся, спутав шелест гальки на берегу от набегающих волн с шагами. Алексей хотел прилечь, когда снова услышал осторожные шаги. Вот, они совсем рядом. Он поднял дубину, но в этот момент услышал голос Агафодрова:
  - Эй, голубки, просыпайтесь. Слышите?

Алексей вышел из хижины, шёпотом спросил:

- Ну, чего тебя по ночам носит, моя принцесса ещё не выспалась.
- Давайте на яхту, Саид зовёт.
- Что случилось-то?
- Давайте быстрее, там всё объясним.

Сонная Глафира, шатаясь, шла по песку и то и дело спрашивала:

- Мальчики, а куда это мы?

В конце концов это так надоело Даниле, что он огрызнулся:

- На Кудыкину гору. Знаешь такую? На яхте Саид разъяснил обстановку:

- Вобщем так, нам пора сматываться. В порту появились те, кого я не ждал. Помните катер, который гнался за нами от самого Египта? Так вот, он тоже здесь появился. Ума не приложу, как он нас нашёл и что ему от нас надо. Так что, мы прямо сейчас отходим и попытаемся от него оторваться.
- Слушайте, мальчики, может быть, нам стоит с ними встретиться и переговорить? выдала очередной вопросительный шедевр Глафира.
- Ещё не хватало, чтобы они взяли нас в заложники! отрезал Данила. Сматываться надо, правильно говорит Саид.
- Такое впечатление, что эти пираты знают, куда мы идём, снова заговорил Саид. Поэтому, друзья мои, сделаем так: в Коломбо не пойдём, а рванём по семьдесят третьему меридиану на юг до архипелага Чагос, а потом повернём резко на восток до Суматры. Как вам такое предложение?
- Ты у нас капитан, тебе и решать, мудро согласился Данила. А сколько это займёт времени?
- Думаю, при благоприятной погоде суток за трое дойдём до Джакарты, ответил Саид. Решено?
  - А как с погодой, что передают метеорологи? спросил Алексей.
- Во всяком случае, на неделю вперед прогноз благоприятный, ответил Саид. Но в субтропиках погода, как капризная невеста: сегодня смеётся, а завтра...
  - Решено, вперёд! за всех решила бесстрашная Глафира.
  - Слушаюсь, Глаша-джан, в шутку ответил Саид и пошел в рубку.

До рассвета оставалось ещё часа два, и тёмная экваториальная ночь, которая освещала яхту лишь звездами да огромной луной, помогла беглецам

выйти на парусах из небольшой бухты и скрыться между крохотными островками, усыпавшими этот отдалённый уголок Земли, словно бисером.

Глафира почти не выходила из каюты и постоянно ворчала:

- Нет, Лёша, не так я представляла себе это путешествие. Я думала, что мы будем останавливаться в каждой стране и знакомиться с достопримечательностями, а мы бежим от этих пиратов, словно кролики от удава. И вообще, зачем и куда мы плывём?
- Ты же сама хотела приключений, лениво отзывался Алексей, вот и получай. И вообще, Глашка, заткнись, а! Конечная цель у нас Австралия, и ты это знаешь. Вот доберёмся туда, и наслаждайся экзотикой, сколько её в тебя влезет.

Но Глафира его будто и не слышала, нудила и нудила:

- А океан! Я думала, что он тихий, ласковый, как котёночек, плывешь по нему, словно по озеру, а вокруг такая красота. А тут вечные волны, качка, серость и пустота, будто мы в пустыне, только - водной. Надоело смотреть на этот колеблющийся горизонт, на серое небо, на эти колючие звёзды, равнодушную луну и перевёрнутый месяц - неродной какой-то. Надоела жара. А душно-то как, Господи, из меня словно кто-то выкачивает кислород. - Внезапно Глафира споткнулась, прислушалась. - Слушай, Лёш, а ведь мы, кажется, стоим.

В этот момент сверху что-то стукнуло, и раздался голос Агафодрова:

- Вылезайте, затворники!

Когда супруги поднялись на палубу, Данила показал им на северо-восток:

- Смотрите. Какая красота!

- Ой, - восторгалась Глафира. - Лёш, мы, наверно, в раю!

И верно, погода напоминала сейчас идиллию. Ветер почти стих, еле-еле напрягая паруса яхты, только набегающие откуда-то волны напоминали, что они находятся посреди океана. Просолённый ветер был прохладным, словно его охлаждал невидимый гигантский кондиционер. Предвечернее солнце было похоже на маленькую оранжевую, раскрашенную тарелку, висящую на светлой стене, которое не излучало никакого сияния. И напоминало оно ровный желтый диск с пейзажа о зарождении жизни на Земле. А на северо - востоке горными цепями поднимались разноцветные гряды облаков. Ближе к зениту они напоминали голову златокудрого ребенка, чуть ниже они были рыжими, красными, светло-сиреневыми, а затем, ниже к линии горизонта, переходили в зелёные, синие, фиолетовые, темно-лиловые и чёрные. Эти горы жили, менялись на глазах, сдвигались, перемешивались.

Глафира визжала, похлопывая в ладошки и прыгая:

- Глядите, глядите, мальчики, вон - лошадка. Видите, вон и голова, и грива, и хвост. А вон там, чуть ниже, ползёт черепаха. Господи, какая же она огромная! А вон Гималаи. Лёш, помнишь Гималаи, мы там с тобой были.

В этот момент весь этот пейзаж перечеркнула голубая извилистая линия, затем ещё одна, голубая - молния.

- А вон кораблик, только он маленький какой-то, закричала Глафира.
- Где кораблик? с тревогой спросил Саид, стоящий у руля.
- Да вон же, вон, показывала пальцем Глафира, у самого подножия голубой горы.

Саид нервно снял с крючка бинокль и поднёс к глазам, затем прорычал:

- Шайтан, откуда они взялись! Они опять нас вычислили.

- Кто они? спросил Алексей.
- Да эти же пираты, наши преследователи.
- Но этого не может быть, отозвался Данила.
- Ещё как может, ответил Алексей. Тут они нас и возьмут голенькими руками, чёрт бы их побрал. Он сжал пальцами подбородок, потом повернулся к капитану. Слушай, Саид, а ты систему навигации постоянно держишь включенной?
- Конечно, а как же, так и должно быть, ответил Саид, не по компасу же мне идти.
- Вот по ней нас и находят. Значит, у них тоже ГЛОНАСС, а она, как ты понимаешь, совместима с ДжиПиЭс. И предложил: Выключай её к чёртовой матери! Потом показал рукой вдаль. А впрочем, теперь уже поздно.

Все увидели, как пиратский корабль приближается к ним с ужасающей скоростью.

- Шайтан, я об этом не подумал! Я был уверен, что они используют американскую ДжиПиЭс, - сокрушался капитан, а потом с грустью добавил: - Но сейчас пираты не главная опасность. Опускаем паруса! - закричал Саид. - Будем уходить на моторах, тогда они нас не догонят. Быстро, быстро!

Когда спустили паруса и закрепили штанги мачты на корпусе, Саид, глядя на грозное видение неба, постоянно повторял:

- Ой, беда будет, ой, беда будет. И спрятаться негде, ни одного островка. Ой, беда будет.
  - Какая беда? спрашивала Глафира неизвестно кого. О чём это он?

А ветер становился всё сильнее, волны всё круче. Откуда-то издалека, словно из огромной утробы, стали доноситься странные звуки, похожие на плач ребёнка и материнские стенания. Ветер наполнился резкими порывами, чёрные тучи, то раздираемые ветром, то снова сбивающиеся в кучу, словно огромная отара баранов, проносились над головами путешественников. Волны уже не бежали чередой, а с грохотом сталкивались тёмными лбами, выбрасывая вверх клочья пены, и создавали трудно переносимое шипение, словно в один клубок сплелись тысячи и тысячи змей, вода кипела, будто в огромном котле. Яхта то с трудом взбиралась на гребень волны, то падала вниз, словно в пропасть.

- Что это? уже не спрашивала, а кричала Глафира.
- Это рождается восточный дракон тайфун, ответил Саид. Так называют его в Китае и Японии. В Австралии их называют вилли-вилли, в Америке торнадо, а на Филиппинах бегвизами. Но это одно и то же, переводится это как сильный ветер, большой ветер. Надо уходить от него, скорее уходить. Если он направится к нам, то всё конец.

Глафира еще ни разу не видела бледного араба - лицо Саида превратилось в серую маску с широко раскрытыми глазами, где в больших озёрах белков плавали чёрные горошины зрачков. Капитан посмотрел на Глафиру, еле держащуюся на ногах, улыбнулся ей и закричал, пытаясь перекричать грохот и шипение волн:

- Глафира джан, спускайтесь вниз, вам здесь делать нечего, там спокойнее. Все спускайтесь! закричал он.
- Я останусь с тобой, спокойно сказал Данила Агафодров. Может, чем помочь надо будет.

Алексей с Глафирой вышли из рубки, с трудом добрались до люка,

отдраили его и спустились вниз. Темно, мотает, волны молотом ударяют в борта, отчего внутри такой грохот, что глохнут уши. И сразу же создалось впечатление, что оба они попали в огромный металлический кокон, плывущий по воле стихии неизвестно куда. Во-первых, было темно, только в двух иллюминаторах, когда катер подбрасывало на гребень волны, появлялся сизый проблеск, а затем снова сгущалась темнота. Молоты волн с вселенским грохотом, так, что закладывало уши, ударяли в борта - так невидимый молотобоец ударяет по консервной банке, пытаясь сплющить её в листок. Мотало так, будто игривый ребёнок бросал шарик на резинке, то опуская, то ловя его.

Чтобы хоть как-то удержаться, Глафира с Алексеем держались за поручни, прикреплённые к стенкам, обнимая друг дружку и цепляясь вторыми руками за края дивана.

- Боже, стонала Глафира, когда кончится это безумие. Мы словно два цыплёнка в одном яйце.
- Потерпи, потерпи, родная, отвечал Алексей, скоро всё это закончится. Такие штормы долго не продолжаются.
  - Ты уверен?
  - Я это знаю точно.
- Гляди, гляди, закричала Глафира, показывая на иллюминаторы, там... Видишь?

Алексей с трудом добрался до иллюминатора и стал вглядываться в темноту. Как только яхта поднималась на гребень волны и моторы начинали визжать, когда гребные винты оказывались в воздухе, вдалеке он видел проблески огней. Что это, сразу он определить не мог, но чем больше он вглядывался в них, тем больше в нём росла уверенность, что это пираты подбирались к ним.

- Что это, Лёша? - тревожно спросила Глафира.

Чтобы не беспокоить жену раньше времени, он осторожно ответил:

- Не пойму что-то, кажется, это отблески молний. И, чтобы совсем отвлечь её от тревожных мыслей, спокойно предложил: Давай на всякий случай наденем спасательные жилеты, Глаша.
  - Это что, так опасно?

Алексей вдруг взорвался - он знал, что в таких случаях Глафира начинает теряться:

- Вечно ты со своими дурацкими вопросами! Причём здесь опасность! Так, на всякий случай, знаешь: бережёного и Бог бережёт. Давай, одевайся, хватит канючить и паниковать!
- А... Ну, если на всякий случай. Понятно. Хорошо, бормотала беспомощно Глафира.

Алексей достал из рундуков спасжилеты, сначала помог натянуть его на жену, потом надел сам.

- Лёш, это обязательно? стонала Глафира. Мне в нём неудобно.
- Зато тепло и мухи не кусают, грубо оборвал Алексей жену.

Глафира притихла, а он с тревогой наблюдал огни за иллюминаторами. Кажется, пираты потеряли их: вот огни за бортом стали постепенно меркнуть, а потом исчезли совсем. Алексей облегчённо выдохнул и про себя перекрестился - слава Богу, кажется, пронесло.

Шторм не ослабевал, огромные волны качали на своей груди случайное

дитя, свистел ветер, словно убаюкивал его. Теперь яхту бросало не так беспорядочно, как несколько часов назад, появился ритм - вниз, вверх, вниз, вверх. Алексей посмотрел на Глафиру, распластавшуюся на диване - кажется, она спала. В этот момент он услышал, как их помещение наполняется какимто непонятным жужжанием, создавалось впечатление, что пчелиный рой внезапно вылетел из улья и заполнил всё пространство. Жужжание усиливалось всё больше и больше. Что это? Вслед за жужжанием Алексей ощутил нарастающие колебания. Он уже понял, что это, сорвал со стены трубку переговорного устройства, чтобы связаться с мостиком. И тут страшный удар опрокинул его, потом оторвал от пола, бросил на стенку. В последнее мгновение он услышал скрежет металла, чьи-то еле слышимые крики и потерял сознание.

14

Шелли Бёрн понял, что просиживать дни и ночи у дома Рэнди Кобурна смысла нет. Зачем, если можно подождать до четверга, к тому же конец августа выдался на редкость холодным. Зачем зябнуть в машине и питаться сухим пайком, терять свои нервы и здоровье, когда можно провести время в своё удовольствие.

Под удовольствиями Бёрн понимал совсем иное, чем обычные люди, для него это была работа. Поэтому он решил посетить Бена Ремпеля. В отделе новостей была очередная запарка. Репмель носился между столами своих сотрудников и кричал:

- Если вы через два часа не заполните новостные квадраты, я всех поувольняю к чёртовой матери! Ты что там понаписал, развёл жижу, мне нужен сгусток, а не дрисня! Хватит пить кофе, по тебе скоро можно будет гадать!

Увидев улыбающегося Шелла, он развёл руки, а потом показал ими обоими в сторону своего кабинета. Закрыв за собой прозрачную пластиковую дверь, шлепнулся в кресло, смахнул с лица пот.

- Извини запарка. Ты по делу? Он закурил, пожаловался: У меня, Шелл, самый тяжёлый отдел. Понимаешь, если другим, чтобы заполнить страницу, достаточно поставить три четыре материала, то мне надо полсотни. И таких, чтобы читателя с ног сшибало. Он засмеялся. Так ты по делу?
- Конечно, Бен, иначе я не стал бы отрывать тебя от дела. Скажи, тебе не приходило ещё письмо от этого сумасшедшего капитана?
  - Какого капитана?
  - Ну, ты помнишь, наверно, он писал в вашу редакцию об острове-призраке.
- А, кстати! Нет, письма он не писал, но приходил сам. Ремпель снова рассмеялся. Чудак, ему мнится, что он видел на этом острове свою погибшую жену. Представляешь, видел ту, которой нет на том, чего не существует.
  - А о чём он говорил? поинтересовался Бёрн.
  - Спрашивал, почему мы не напечатали его письмо.
  - A он?
- А он, мягко говоря, рассердился. Он у меня чуть не перевернул стол и не разбил компьютер. Снова смех. Охрана еле утихомирила и выпроводила его.
  - Адрес его не знаешь?
- Какой может быть адрес у моряка мировой океан. Бенджамин задумался. Хотя нет. Он сказал, что если он мне понадобится, то их корабль будет стоять

под разгрузкой в порту ещё две недели. Представляешь: если он мне понадобится! Вот умора!

Стотысячный сухогруз "Дурбан" Шелл нашёл довольно быстро - на фоне остальных судов, пришвартованных к пирсу, он напоминал слона среди бегемотов. Спросил у дежурного матроса, прислонившегося к трапу, где найти капитана.

То цыкнул слюной под ноги, бросил сигарету и меланхолично спросил:

- Зачем он тебе?
- Он мне нужен по делу, как можно вежливее ответил Бёрн.
- По делу? А ты думаешь, я здесь бездельничаю? неожиданно взорвался матрос. А ну, топай отсюда!

Шелл уже заметил, что дежурный матрос не выспался, а его опухшая физиономия напоминала красный фонарь светофора.

- Слушай, приятель, мне совсем не хочется с тобой ругаться, у меня голова раскалывается после вчерашней вечеринки, - начал жаловаться детектив. - Может, сядем в мою машину и поговорим в ней. Там у меня есть бутылочка бурбона.

Бёрн видел, как замялся матрос, посмотрел вверх, крикнул:

- Эй, Бас! - Через борт свесилась голова негра. - Я отойду на минутку с этим господином.

Голова кивнула и снова исчезла. Когда сели в машину, Бёрн достал из перчаточного ящика бутылку и протянул её матросу. Тот отвинтил крышку, сделал несколько глотков и протянул бутылку Шелли. Тот тоже сделал глоток, спросил:

- Так где же найти вашего капитана, приятель?

Матрос сделал ещё глоток, икнул и уже более довольным голосом прорычал:

- Его уже два дня нет. Может, тебе с помощником поговорить, а?
- Нет нет, мне нужен именно капитан Норман.
- Так ты его знаешь? Матрос заворочался так, что сиденье под ним заскрипело и сдвинулось. Ты с ним осторожнее, он немного того, матрос покрутил у виска и присвистнул.
  - Да? Я не знал, ответил Бёрн.
- Точно, так и есть. Последние полгода он почти не спит, и днём и ночью стоит у борта и смотрит, и смотрит в море. Свихнулся, видно, наш капитан после смерти своей жены. Наш врач, Аренс, говорит, что у него галлюцинации, видения разные. Одним словом, зомби. Ах, чёрт, вот и он, легок на помине, засуетился матрос и стал вылезать из машины с недопитой бутылкой в руке. Я у тебя возьму это, приятель.
  - Заслужил, бери, ответил Бёрн.

Матрос сунул плоскую бутылку за отворот форменной тужурки и побежал к трапу. Шелл увидел, как от козлового портового крана приближалась некрупная фигура капитана. Его бороду трепал ветер, а паучья походка выдавала старого моремана. Когда капитан поравнялся с машиной, Бёрн окликнул его:

- Господин Норман?

Тот остановился, спокойно посмотрел на детектива, ответил:

- Да, это я. Что вам нужно, кто вы?

Бёрн решил сразу обрубить все недоумения:

- Я по поводу вашего письма в редакцию.

Шелл вглядывался в лицо, в глаза капитана, чтобы найти хоть какие-то признаки ненормальности, но так и не нашёл их - глаза были умными, спокойными и ясными, а лицо не выдавало никакого волнения.

- Вы кто? - спросил Норман.

Бёрн представился осторожно, зная, что детективов не очень-то любят:

- Бёрн, сотрудничаю с газетами. Я читал ваше письмо, господин Норман, и очень заинтересовался вашими сведениями.

Фриц усмехнулся:

- Вы тоже считаете меня сумасшедшим?
- Нет, нет, совсем нет, господин Норман. Вот, посмотрите. Он протянул ему номера газеты, где с его подачи были раскручены факты из письма капитана.

Норман просмотрел материалы и скривился:

- Бульварная газетёнка, кто ей поверит. Это всё рассчитано на любителей сенсаций, "клубнички", постельного белья и прочего. Капитан пристально посмотрел на Шелла. Вы знаете кафе "Попутай"?
  - Где это?
- Здесь недалеко, за углом. Если хотите что-то узнать, то подождите меня там. Договорились?

Норман пришел не один, с ним был тот самый матрос-негр, которому кричал дежурный у трапа. Они сели за столик, который занял до этого Бёрн. Капитан познакомил детектива с матросом:

- Это Бас.
- Очень приятно, Бас, ответил Шелл. Бёрн. Можете называть меня просто Шелли.
  - Покажи ему, Бас, сказал капитан.

Матрос достал из внутреннего кармана куртки пакет, вынул из него с десяток фотографий и разложил на столе. Бёрн разглядывал их несколько минут. На них была запечатлена поверхность моря, над которой возвышался остров. Остров как остров: зелёный, мили полторы-две в длину, напоминавший огромного кита с поднятым хвостом, разве что фонтана не было. И остров, судя по конфигурации был одним и тем же. Бёрн с недоумением спросил;

- И что здесь необычного? Остров как остров. Таких в океане тысячи.
- Это верно, откликнулся Норман. А вы посмотрите время съёмок.

Даты и время съёмок действительно были разными, но и в этом Бёрн не усмотрел ничего необычного.

- Ну и что? спросил он.
- Бас, обратился Норман к матросу, покажи.

Матрос достал из кармана несколько листков бумаги, развернул их и снова положил на стол. Сыщик просмотрел ксерокопии судового журнала и тоже не нашёл в них ничего необычного. Вахту принял такой-то, прошли мыс такой-то, разошлись с танкером по правому траверзу, широта, долгота. Ну и что? Бёрн так и спросил.

- А то, господин Бёрн, - пояснил Фриц Норман, - что если сравнить записи в судовом журнале и время съёмок, то получается, что этот остров появляется в разное время и в разных местах.

Бёрн похолодел от неожиданности, он схватил фотографии, записи из судового журнала и лихорадочно начал их сравнивать. Получалось, что остров

двадцать четвертого апреля находился юго-западнее Австралии, у островов Сен-Поль и Амстердам, тринадцатого июня южнее острова Тасмания, а через месяц на траверзе австралийского мыса Натуралиста. Шелл почувствовал, как из холода его бросило в жар, потом он почувствовал во всем теле оцепенение. Он еле разжал губы, чтобы произнести:

- Этого не может быть. - И еще раз: - Этого не может быть.

Потом вдруг спросил:

- А снимки не подделаны? - Видя, как усмешка поплыла по лицу Нормана, и, чувствуя, что перегнул палку, добавил: - Я имею в виду, господин Норман, что, может быть, барахлит фотоаппаратура? Ведь это же... - Он хотел добавить "сенсация". Но вовремя поправился: - Ведь это же невероятно.

И уже быстро-быстро, торопливо:

- Вы не могли бы отдать мне эти материалы?
- Но вы же не верите, зачем вам они, уже с открытой насмешкой ответил капитан и сказал матросу: Бас, спрячь это и никому больше не показывай без моего разрешения.
  - Но, хотел, было возразить Берн, но Норман его перебил:
- Для вас это просто сенсация, господин журналист. Хотя я не уверен, что вы именно журналист, неожиданно добавил Фриц. А для меня это нечто большее, может быть, вся моя дальнейшая жизнь. Он встал. Одним словом, господин Незнаюкто, если вы захотите серьёзно поговорить со мной, то вот вам мой телефон. Норман положил на стол свою визитную карточку. А по пустякам прошу вас меня не тревожить. Иначе, это будет наш последний разговор. Пошли, Бас.

Бёрн только скрипнул зубами, видя через окно кафе, как удаляются капитан и матрос. Он сейчас корил себя за так несвойственную ему несдержанность, но, как говорят, индейка на столе, и её уже не помилуешь.

* * *

...После того как Питер Черрик покинул квартиру, Бёрн вылез из машины и направился к дому. Входная дверь по крысиному завизжала, осела и стукнула ослабевшими петлями. Кое-как закрыв её за собой, Шелл увидел престарелого консьержа, который в упор смотрел на него из-под очков, держа перед собой газету. Он ничего не спрашивал, просто смотрел с укором на посетителя, который оторвал его от очень важного дела, и всё. Он даже не шелохнулся, когда Бёрн подошел к самому окошку и сказал:

- Добрый вечер.

На всякий случай консьерж разлепил губы:

- Господин хочет снять квартиру?

Сразу смекнув, что "нет" закроет ему путь сюда навсегда, Бёрн лишь кивнул и спросил:

- Мне нужно поговорить с хозяином.
- Его сейчас нет.
- Как скоро он появится?
- К утру, может быть, ответил немногословный. Но если господину нужна комната или квартира, то помочь смогу и я.

Поняв, что загнал себя в собственную ловушку, Бёрн просунул голову в окошко и доверительно шепнул:

- Милейший, у меня к твоему хозяину очень выгодное предложение, и если он узнает, что ты...

Мужчина сразу же встрепенулся, засуетился, не зная, куда деть газету, привстал, потом плюхнулся на стул, затем окончательно встал, пробормотав:

- Так бы сразу и сказали. Я сейчас... Он просил не беспокоить... Я сейчас, быстро, всё бормотал он, набирая номер телефона несгибающимися толстыми пальцами.
  - Господин Кобурн, прошу извинить, но здесь... начал было консьерж. Бёрн слышал, как в ответ прозвучало гневное:
- Я же просил, чёрт тебя побери, сегодня меня не беспокоить! Ты что, снова хочешь вернуться к своей старухе в клоповник! Я тебя...

Бёрн отвернулся, чтобы не смущать консьержа, который, то и дело поглядывая на важного посетителя, постепенно стал краснеть и неловко крутить головой. Прикрыв трубку рукой, он стал что-то объяснять хозяину. Потом положил трубку и важно, как будто ничего не произошло, сказал:

- Господин просит вас подняться. Второй этаж, от лифта направо.

Хозяин встретил Бёрна в дверях прямо в халате в розово-красный квадрат, пригласил присесть за стол, предложил:

- Что господин, господин... Кобурн вопросительно смотрел на посетителя.
- Верхайден, подсказал Шелл, представившись вымышленным именем.
- Что желает господин Верхайден: пиво, херес или...
- Или ничего, господин Кобурн, ответил Бёрн и пошел сразу в атаку. Видите ли, господин Кобурн, я сотрудник службы безопасности. Нас интересует один из ваших клиентов, который снимает у вас квартиру.

Бёрн заметил, как хозяин сразу сник, втянул голову в плечи, а глаза его беспокойно забегали. Было сразу заметно, что пастор не отпускал ему грехи много-много лет.

- У меня много постояльцев, но все они добропорядочные люди, начал оправдываться хозяин. Я ничего такого не замечал, чтобы...
- А вы и не должны были этого замечать, господин Кобурн, строго прервал его Бёрн. Мне нужно просмотреть список ваших жильцов.

Кобурн быстро вскочил со стула, убежал в другую комнату и тут же вернулся с журналом в руках:

- Вот, прошу.

Пока Бёрн просматривал журнал, Кобурн стоял перед ним, нервно перебирая пальцы. Фамилии Черрика в журнале не было, Бёрн небрежно бросил журнал на стол и сказал:

- Так я и предполагал, он поселился у вас под вымышленным именем. - Краем глаза Шелл заметил, как вздрогнул хозяин при этих словах, и решил добить его: - Я ищу господина...

Бёрн стал подробно описывать внешность Питера Черрика, пока Кобурн не закричал:

- Да, да, господин Верхайден, у нас есть такой жилец! Кобурн понизил голос. Странный он какой-то, это я вам точно говорю. Постоянно не живёт, приходит только по определённым дням, посидит несколько часов и снова уходит. Странный, очень странный господин. Но я тут ни при чем, господин Верхайден, жилец он смирный, аккуратный. Да, вот ещё что, его агент за свой счёт сделал перепланировку, переделали две квартиру в одну, да. И ещё: он заплатил за целый год вперёд. Странный господин.
  - А кто убирается в этой квартире? спросил Бёрн.
  - В том-то и дело, что никто, горячо подхватил Кобурн. Это было одним

из его условий. А мне всё равно, господин Верхайден, ведь вы же меня понимаете - меньше хлопот.

- А запасные ключи у вас есть? повысив голос, спросил детектив.
- Клянусь святой Марией, перекрестился хозяин, все ключи он носит с собой. Он даже дверь там бронированную поставил, туда не забраться. Бёрн встал.
  - Покажите, где находится эта квартира.
- Хорошо, корошо, господин Верхайден, засуетился домовладелец, это на третьем этаже. Пойдёмте, я провожу вас.

Дверь в квартиру напоминала собой вход в банковское хранилище. Бёрн осмотрел замки, коды и с первого взгляда понял, что путь сюда ему закрыт. Уходя, Бёрн тихим голосом, зная, как он действует на типов с неорганизованной психикой, предупредил:

- О нашем разговоре, господин Кобурн, не должна знать ни одна живая, ни одна мёртвая душа. И тем более об этом не должен знать и жилец этой квартиры. Всего вам доброго, Кобурн.

15

Алексей очнулся от страшной духоты, его лёгкие вбирали в себя не кислород, а какую-то адскую смесь. Открыв глаза, при свете маленькой аккумуляторной лампочки он обнаружил, что лежит не на полу каюты, а на иллюминаторе. Первой мыслью было: "Почему на иллюминаторе?" Он попытался сдвинуться с места, но острая боль в голове заставила его снова лечь. Он ощупал голову, поднёс ладонь к глазам и увидел на ней густую кровь. Она уже запеклась, рану саднило, во всём теле ощущалась страшная слабость, будто он полмесяца голодал. Попривыкнув к своему положению, Алексей снова осторожно поднял голову и стал переворачиваться на бок. Удалось это не сразу. Он посмотрел на иллюминатор и сразу понял, что их судно лежит на боку и там, за стеклами, вода.

В каюте всё перевернулось: задраенный люк находился сбоку, откидные сидения, столики и диваны, висели на потолке. Диван, на котором он сидел с Глафирой, висел вертикально, холодильник просто лежал под его ногами и тихо урчал. Глафира, Глашка, где же она?! Алексей стал осматриваться, но жену так и не нашёл. Внутри у него всё похолодело от страшного предчувствия беды. Но ведь они были вместе до последней секунды! Алексей напряг голосовые связки, но из сухого рта вместо имени жены вырвался лишь гусиный гогот:

- Га. га. га...

Он оглядел каюту снова и вдруг увидел торчащие из проёма кладовки голые ноги. Алексей мог бы их узнать из тысячи - это были ноги Глафиры. Он подполз к ним и тронул их рукой. Ноги непроизвольно дёрнулись и скрылись. Алексей облегчённо вздохнул - жива! Он снова ухватился за ногу и сильно дёрнул её. Раздался Глашин голос:

- Ну, чего тебе, дай поспать, а! У меня голова, как арбуз, трещит.

Если бы Алексей мог засмеяться, он бы сделал это, но сейчас он только усмехнулся про себя и подумал: "Вот чертовка, спит и в ус не дует". Поворочав во рту сухой язык, Алексей вспомнил про воду - есть ли она? Он подполз к раковине, повернул шаровой кран - ура, вода есть! Нашёл на стенке, теперь уже на полу, пластиковый стаканчик, налил полный и выпил.

Хорошо, будто бы и голова не болит. Попробовал произнести детскую скороговорку:

- Колабли лавилали, лавилали, да не выла... Ничего, сойдет.

"Надо попробовать встать, открыть люк, а то тут такая вонь. Отчего она?" - подумал Алексей. Встать сразу не смог - мешал спасательный жилет с карманами, напичканными разными необходимостями. Но снимать его пока не решился. Повернул ручку отдраечного механизма люка: сначала что-то хлюпнуло, протекла вода и остановилась. Повернул ещё и почувствовал, как в нос ударил свежий морской воздух, который невозможно было спутать ни с одним земным воздухом. Открыл люк полностью и высунул голову. Голубая колыщущаяся пустыня предстала перед глазами во всём великолепии: огромное, высокое голубое небо сливалось с горизонтом со всех сторон, коегде оно было смазано перистыми мазками облаков; волны, тягучие и живые, хлюпали о борт, вернее, об палубу, под самым носом, обрызгивая лицо. Алексей дышал и не мог надышаться.

Он повернул голову наверх и увидел торчащие, словно стволы артиллерийских орудий штанги, которые когда-то соединяли два корпуса катамарана - яхты. Алексей долго вглядывался в поверхность океана, пытаясь найти вторую половину судна, но ничего так и не увидел. Посмотрел направо: смятый нос напоминал консервную банку, сплющенную сапогом великана чудо, что не распороло борта, и их не затопило. Слева неестественно, вбок, торчали лопасти винта. Выходит, что пираты таранили их прямо в лоб и разрезали катамаран пополам. Данила, Саид! Где они сейчас: на дне океана или плывут сейчас так же, как и они. А может, их захватили пираты, и пытают сейчас. Живы ли они, здоровы ли? Алексей отогнал от себя мрачные мысли чушь! С ними всё в порядке. А вот с нами... Где мы?

Видно, от свежего воздуха Глафира пришла в себя, вылезла из своей конуры, где лежали надувные плоты, палатки, одеяла, подушки, упаковки с водой и прочие необходимости для путешествия. Она аппетитно потянулась, выпятив грудь и закинув руки почти за спину, и произнесла свое сакраментальное и вечное:

- Лёш, я есть хочу.

На этот раз Подноветный препираться и шутить не стал, он и сам чувствовал, что пустота в животе требует наполняемости, спросил:

- Ты как, не ударилась, как чувствуешь себя?

Юмор и на этот раз не покинул женщину:

- Каком кверху, вот как я себя чувствую. Только сейчас она удивлённо посмотрела на висящие двери, на лежащий холодильник, на люк сбоку, в которое заглядывало солнце, на иллюминаторы под ногами. Боже, это что, мир перевернулся, да?
- Успокойся, Глаша, это мы перевернулись, а не мир. Мир, слава Богу, ещё стоит на своих слоновьих ногах, как и положено по древним представлениям.
- А где же... Она прошла по качающейся палубе стенке. А где же Агафодров, где же Саид?

Алексей удивлённо и с подозрением посмотрел на жену.

- Ты что же, ничего не помнишь?
- Нет, я заснула. Я только помню, что нас сильно качало, а потом подбрасывало, потом снова качало. И потом, я видела сон, будто я куда-то лечу. Глаша стала ощупывать рёбра, ноги, лицо с синяками. Слушай, муж,

у меня всё болит. Может, я и правда летала, а потом наткнулась на какуюнибудь стенку?

- Успокойся, родная, побереги нервы, вот сейчас поедим, а я тебе всё расскажу, - успокаивал Алексей жену.

Они поели то, что послал им холодильник: мясные консервы, сыр, колбасу, запили все минералкой, а Алексей постепенно, исподволь вводил жену в курс событий. Алексей ждал чего угодно - истерик, слёз, ругани, но Глафира спокойно слушала, жевала пищу, отвлечённо глядя в отверстие люка, а затем вздохнула:

- Всё, теперь меня точно с работы уволят.

Алексей смотрел на неё, разинув рот и пытаясь постичь женскую логику, но она оказалась для него, как всегда, непостижимой, как вечный вопрос о курице и яйце. Лишь минут десять спустя Глафира спросила:

- Что же нам делать? Где мы сейчас? Куда нас несёт?

Алексей и сам хотел бы знать ответы на эти вопросы, но что он мог ответить, когда у них не было ни навигационной системы, ни компаса, даже какогонибудь старинного секстанта.

Они качались на волнах океана уже четверо суток. Алексей через каждые полчаса высовывался из люка и пытался рассмотреть горизонт через микробинокль в виде авторучки, которая прилагалась в комплекте к спасательному костюму, пытаясь таким образом разглядеть хоть какое-нибудь плавучее средство или хотя бы маленький каменистый островок, желательно населённый людьми. Но горизонт был девственно чист и пуст, как во времена сотворения мира. Обзор, конечно, был слишком мал, потому что люк находился лишь на полтора метра от уровня воды. Видеть хоть что-то было возможно, когда их плавучая посудина поднималась на гребень волны. Но что можно было рассмотреть за эти мгновения.

Алексей стал думать, как бы взобраться наверх, туда, где сейчас торчали трубы, скреплявшие две половины катамарана. Перебирая в рундуках, однажды он наткнулся на надувные лодки, на ракетницу с двумя десятками патронов к ней и на свернутые бухтами запасные нейлоновые фалы. Привязав к одному из фалов груз, он пытался забросить его в сторону труб, чтобы зацепиться за одну из них. Однажды ему это удалось, и Алексей взобрался наверх. Отсюда с почти плоской поверхности судна горизонт наблюдения значительно расширился, но это мало что дало: вокруг было так же пусто, как и прежде. Разве что надежды появилось больше. Но взбираться сюда было тяжело, а нещадное солнце палило так сильно, что усидеть на металлической поверхности больше одного часа было невозможно, Алексей делал такие попытки лишь дважды в сутки - ранним утром и ближе к закату.

Одновременно Подноветный пытался сделать исчисления, чтобы определить место их нахождения. По звездам это не получилось, потому что он плохо знал карту звездного неба южного полушария, но по наклону экваториальных созвездий определил приблизительную долготу: между девяностым и сотым градусом восточной долготы. Оставалось определить параллель. То, что они находились южнее экватора, Алексей знал и так. Нужно было лишь определить длительность дня и ночи, сделать поправку на наклон солнца. В результате всех вычислений, приблизительных, конечно, Алексей пришёл к выводу, что они находятся между сорок шестым и сорок четвертым градусом южной широты. Так, где же это приблизительно. Но сколько Алексей

и Глафира ни напрягали свои уже почти выпрямившиеся от усталости и безысходности извилины, они так и не смогли определить, в какой части Индийского океана находятся. Тогда Глафира предложила свой, женский метод вычисления:

- Слушай, Леш, помнишь мы с тобой были на Байкале.
- Ну, помню, а что.
- Там какая долгота?

Алексей поморщил лоб:

- Кажется, между сотой и сто десятой. А что?
- А ты вообрази, что мы находимся сейчас на Байкале и плывём по нему на байдарке у Листвянки, у самой Ангары. Вода там, как стекло, а небо, небо! Словно всё льном заросло. Красота. А Абхазия где находится? Я имею в виду по широте.
- Ну, это прикинуть надо. Так, если Москва находится на пятьдесят шестой широте, и если до Кавказа около двух с половиной тысяч километров, то Абхазия где-то на сороковой или сорок первой. Ты хочешь сказать, что мы сейчас с тобой загораем на пляжах Абхазии? Алексей засмеялся.

Но Глафира очень серьёзно ответила:

- Нет, выходит, что в Сочи или в Крыму.

И тут Глафира неожиданно повалилась на подушку дивана, брошенную на пол, и горько расплакалась. Да так горько, с завываниями, с подвехлипываниями и с судорожными подёргиваниями всем телом, что Алексей успокаивал её минут десять.

На четвёртый день Алексей снова сидел на пункте наблюдения, когда ему показалось, что на горизонте мелькнул незнакомый предмет. Что это было, Алексей так и не понял: то ли островок, то ли судно, то ли НЛО. Сейчас он был бы рад даже морскому крокодилу или летучему голландцу. Выхватив из кармана бинокль-ручку, Алексей впился взглядом в горизонт, долго шарил глазами по волнистой поверхности океана, пока не разглядел какой-то предмет. Господи, неужели ты услышал наши молитвы, про которые мы, правда, и забыли? Алексей почувствовал, как и голова и всё его существо наполняется воздушными шариками надежды. Он даже не помнил, как что-то прокричал, потому что из люка вынырнула лохматая голова Глафиры, которая спросила:

- Лёш, ты чего?
- A, чего? A, подай-ка мне этот, как её, ракетницу.
- Так она же у тебя, прокричала Глафира. А зачем?
- Не знаю, ответил невпопад Алексей. Показалось что-то.
- А ты перекрестился? съязвила Глафира и скрылась.

Алексей всматривался вдаль до рези в глазах, пока не убедился, что на юге, куда сносило их ковчег, что-то было. Это "что-то" то опускалось в волны, то вновь поднималось, но теперь он точно знал, что это "что-то" материально и на самом деле существует. Ему казалось, что он видит на этом плавающем объекте людей, скалы, зелень растительности, даже дома, похожие на средневековые замки. Его обуяла такая радость и такое торжество, что захотелось закричать во всю глотку: "Люди, я здесь! Я ваш брат и друг! Эй! Сюда, скорее сюда, к нам! Эй!" Но тут он вспомнил, как глупо выглядели в фильмах киношные герои, когда они сквозь завывание и свист ветра и грохот беснующихся волн взывали к помощи. Да это ведь писк комара на расстоянии километра.

Алексей поднял ствол ракетницы, висевшей у него на шнурке на шее, и нажал на курок, но вместо выстрела раздался только щелчок. Он с недоумением посмотрел на ракетницу, будто спрашивая: "Что же ты, подруга, подводишь меня". Потом вспомнил, и то не сразу, что патроны лежат отдельно в коробке. Он залез внутрь, схватил коробку, распаковал её, с дрожью в руках вставил патрон и снова нажал на курок. На этот раз ракета взмыла ввысь и затрещала, испуская красные брызги.

Алексей стрелял и стрелял до тех пор, пока не закончились патроны. Снова долго вглядывался в неопознанный объект на воде, наблюдая, как он постепенно смещается влево, и не видел, как на Севере, за его спиной, сначала появились легкие облака, постепенно превращающиеся в тучи. Видя, как исчезает объект его надежды, Алексей поднял голову к небу и зарычал от бессилия. Лишь немного успокоившись, он ощутил порывы холодного ветра, с безразличием взглянул на набегающие тучи, на потемневшие волны и стал спускаться по привязанной к одной из труб веревке к люку.

Когда Подноветный спустился вниз и задраил за собой люк, Глафира спросила:

- Ты стрелял?
- Так, показалось, безразлично ответил Алексей, чтобы не расстраивать жену.
- А люк зачем закрыл, мы же с тобой задохнёмся, словно стоя с ухватом у печки, по домашнему, спросила Глафира.

Натянутые нервы Алексея, пожалуй, впервые тенькнули за последние месяцы, и он закричал:

- А ты не чувствуешь, да! Снова начинается шторм, и куда нас унесёт на этот раз, не знает даже Господь Бог.

Голос Глафиры виновато переломился:

- Извини, Леш, я так привыкла к этой чёртовой качке, что уже ничего не соображаю, не чувствую и не понимаю. Что делать, а, Лёш?
- Будем снова экипироваться, ответил уже остывшим голосом Алексей. И ждать, добавил он после паузы.

Они опять надели спасательные костюмы и легли на диванные подушки около иллюминаторов, держась за поручни. Их спасительную скорлупку бросало всё сильнее и сильнее, чувствовалось, как её то поднимает, то бросает в бездну. Грохот волн, бьющих в борта, оглушал и ужасал их. Сколько продолжалось это природное безумие, ни тот ни другой сказать не мог бы, если бы их спрашивали об этом даже на страшном суде.

В какой-то момент Алексею послышался странный скрежет, потом ещё раз. Он приподнял голову, тронул жену рукой и закричал, стараясь перебить грохот, беснующийся внутри:

- Слышишь? Ты слышала что-нибудь?
- А, что?! переспрашивала оглушённая Глафира.

Он крикнул ей в самое ухо:

- Ты что-нибудь слышишь?!

Через несколько секунд Глафира отозвалась:

- Да, слышу, скребёт кто-то!

В этот момент они почувствовали страшной силы удар, затем ещё один, и ещё. Половинка судна стала переворачиваться, и Глафира, стараясь удержаться за поручень, закричала:

- Ма-а-ма-а-а-а!!!

16

Питер Черрик мчался по автостраде на своей машине, стараясь успеть вовремя на встречу с матерью. Нет, не потому, что этого требовали обстоятельства, а потому, что сам Питер привык к пунктуальности. Все последние годы, когда он руководил дочерним предприятием отца, требовало от него этого. Переговоры, встречи, заседания, совещания - всё это дисциплинировало, и сейчас Питер уже не мог позволить себе отклониться от размеренного и ограниченного ритма жизни хотя бы на секунду.

Ещё утром мать позвонила ему в офис и потребовала свидания. Сколько он ни старался прояснить цель встречи, она отвечала:

- Питер, поговорим лично, это не телефонный разговор. Понимаешь, для меня это очень важно. Ты приедешь? Ну, обещай!

И он мчался к ней. Внезапно его машину перегнал открытый джип, свернул на его полосу и притормозил. Чтобы не врезаться, Питер взглянул в зеркало заднего вида и, увидев за собой голубую "Тойоту", бросил машину чуть влево и нажал на тормоза. Это наверняка были молодые люди, которые таким образом искали развлечений. Джип снова рванул вперед и исчез, свернув направо. Питер выругался по-русски:

- Скоты, сядут за баранку, а что с ней делать, не знают.

Питер осторожно тронул автомобиль, взглянув предварительно в зеркало заднего обзора. Сзади была та же голубая "Тойота". Странно, подумал Питер, почему она не обогнала его и не поехала дальше. Подъезжая к повороту, где находилась их вилла, Питер снова взглянул в зеркало и снова увидел ту же самую машину. На этот раз предположения превратились в уверенность: за ним следили. Но кто и зачем? Конкуренты? Методы промышленного шпионажа совершенно иные. Недруги? А что они этим добиваются: что он запаникует и совершит нечто опрометчивое? Не дождутся, он, Питер, уже давно научился управлять своими эмоциями и поведением. Так кто же это?

Он забыл об этом инциденте, как только вошёл в дом. Мать, как всегда, была в халате, в серебряных туфельках на невысоком каблуке, непричёсанная и без косметики. В таком виде она всегда напоминала Питеру женщину из прислуги. От служанки её отличали разве что надменный и острый взгляд, капризный изгиб губ и небрежные ленивые движения тела и рук. Когда он вошёл, она металась между диваном и маникюрным столиком у огромного резного зеркала.

- Ах, Питер, наконец-то ты приехал, - театрально громко сказала она, прижимая ладони к груди. - Давай, посиди со мной. Я так давно тебя не видела.

Он поздоровался с матерью и сел рядом с ней на диван, уже понимая по её жестам и её привычкам, что ей что-то от него понадобилось. Ему было очень жалко свою непутевую мать, она напоминала ему сейчас увядающий осенний цветок, который при возвестии первых холодов тщится продлить свою красоту и свежесть. При тёплых дневных лучах солнца он ещё расправляет свои лепестки, поднимает головку, а под вечер снова сникает и вянет. Мать продлевала свою молодость, как могла, и он её не осуждал за это - таковы законы природы, и не только человеческой. Эмели сразу стала жаловаться:

- Питер, ну скажи мне, почему твой отец так поступил со мной, что я ему

- Питер, ну скажи мне, почему твой отец так поступил со мной, что я ему сделала плохого. Он ограничил меня в средствах. Крис мне объяснил, что я могу использовать только проценты по банковским вкладам. Разве это справедливо, сынок?

- Мама, но ведь у тебя есть свой счёт, возразил Питер. У тебя есть акции других предприятий. Почему ты не воспользуешься ими.
- Понимаешь, деньги на моём счету уже почти закончились. А акции... Ты же знаешь, что мои акции находятся в управлении отца, и я не могу ими распоряжаться. Продажа акций других предприятий не дадут того, что мне надо. Даже отец, мой родной отец и твой дедушка отказал мне в помощи. А отец, где он, твой отец, где? Эмели вскочила и снова стала нервно ходить взад вперёд.
- Но ведь у тебя была довольно большая сумма, мама, неужели ты её истратила.
- И почему вы, русские, так любите считать деньги в чужих карманах! с раздражением закричала Эмели. Я трачу столько, сколько хочу и на что хочу. Мне сейчас нужны деньги, много денег. А где твой отец, вот скажи, где?! От него уже несколько месяцев нет никаких известий. Мать внимательно и, как ему показалось, испытующе посмотрела на сына. Может быть, его и в живыхто давно нет. Ты как думаешь? Ведь, если бы он был жив, он обязательно бы позвонил.

Питер не знал, что и думать: знала ли мать о его связи с отцом, откуда у неё эти странные вопросы, не надоумил ли её кто спросить его об этом, а если надоумил, то кто. Но мать сама тут же развеяла свои сомнения:

- Я слышала, Питер, что если человек пропал, и его не могут найти определенное время, то его можно считать умершим. Это так?
- Я не знаю, мама, по этому вопросу нужно проконсультироваться с юристом. А почему это тебя так интересует? недоверчиво спросил Питер. Эмели взорвалась:
- Да потому, что я, чёрт возьми, хочу наконец-то почувствовать себя хозяйкой, а не содержанкой! Я не хочу до гробовой доски клянчить и выпрашивать деньги, которые по праву принадлежат и мне. Ведь если бы не капиталы моего отца, то Ник никогда бы не открыл своего дела и никогда не стал бы миллиардером! Ты понимаешь никогда! Он так и прозябал бы в трущобах Брайтен-Бич и пил бы там водку со своими русскими друзьями, закусывал бы их пельменями с начинкой из собачьего мяса.
- Но, мама, одних денег, как ты понимаешь, мало, возразил Питер. Нужны еще...
- Да знаю я, перебила его мать. Нужны деловая хватка или, как это порусски, сметка, да? Нужно быть хорошим специалистом в своем деле ну и так далее. Я всё это слышала тысячу, нет, миллион раз. Но мне от этого не легче. Даже мой отец, мой отец поддерживает в этом вас, проклятых русских!

Мать плюхнулась на диван и долго молчала, потом сквозь зубы произнесла:

- Одним словом, мне нужна определённость. Мне надо знать, жив твой отец или погиб. Ты, кажется, нанимал детектива, чтобы он распутал это дело. Как у него дела, что-нибудь известно?

Питер похолодел, поняв, что совершил глупую и непростительную ошибку, поспешив рассчитаться с Бёрном. И наверняка её придется исправлять. Но как? А мать договаривала:

- ... и если твой отец погиб, то я должна войти в права наследства. Как это сделать, ты реши с нашими юристами. Или и этим мне тоже заниматься?

Пообещав предпринять все возможное, чтобы разрешить проблему с отцом, Питер покинул виллу. Выехав на шоссе, он снова заметил на хвосте ту

же машину, но ничего не стал предпринимать, чтобы от неё оторваться. Пусть следит, если времени у него много, к тому же ещё и заработает человек. Сейчас Питера заботило другое: с одной стороны, он знал, что отец жив, но не может об этом никому сказать, связанный клятвой неразглашения, с другой стороны, он сам, Питер Черрик, ещё сомневался в этом. Уж не мистификация ли то, что он наблюдал в тайной комнате, уж не подшучивают ли над ним таким образом его конкуренты или другие недоброжелатели? Возможно, такую шутку над ним устроил и сам отец, хотя это было и не в его натуре. Техника сейчас продвинулась так далеко, что с её помощью можно совершить, что угодно. Например, настроить аппаратуру таким образом, что в определённое время (в данном случае по четвергам) появлялось лазерное изображение отца, как это делают по праздникам разные шоумены, чтобы угодить публике и сорвать с неё куш. А как же звонок по телефону, в котором отец (и это был несомненно, его голос) убеждал его, что это никакая не мистификация, а самая настоящая действительность. Возникает вопрос: а что же это было - игра его, Питера, воображения, чья-то злая шутка или всё же правда? Нужно как-то это проверить. А как? Сегодня как раз четверг, и нужно быть на этой квартире. Что он сегодня там увидит и увидит ли что-то вообще.

Но в этот четверг ничего не случилось, он проскучал за компьютером три часа, проделав виртуальное путешествие по Гималаям, и вернулся в свою квартиру. Всю следующую неделю, куда-нибудь выезжая, Питер следил за дорогой, чтобы снова увидеть голубую "Тойоту", но её почему-то не было, словно она провалилась в преисподнюю. Питер облегчённо вздохнул: значит, в тот день это была простая случайность, мало ли машин едут по одному и тому же маршруту. Но в следующий четверг с утра он с удивлением обнаружил, что та же машина с самого утра преследовала его всюду, куда бы он ни поехал: в офис, на верфи, в атлетический клуб, где он по часу разряжался от умственной усталости, в кафе, где он проводил вечерний ленч. Но вечером, когда ему надо было снова ехать на квартиру, он обнаружил, что "хвост" исчез. "Странно, подумал Питер, - зачем же целый день следить за мной. Они что, изучают моё дневное расписание?"

Он облегчённо вздохнул, но, подъезжая к дому на окраине, заметил, что из-за заброшенных мастерских высовывается нос той же голубой "Тойоты". А это означало одно, что её владелец знал и об этой квартире и о том, что Черрик здесь появится в определённое время. Это его встревожило, но не более того.

Сегодня Питер подъехал чуть раньше обычного, и в вестибюле он застал странную картину: вместо прежнего консьержа он застал самого хозяина Рэнди Кобурна. Тот о чем-то болтал по телефону, отвернувшись к окну. Услышав колокольчик двери, он испуганно прошептал что-то в трубку и положил её на аппарат. Но в последний момент Питер услышал последнюю фразу из разговора:

- Я ничего не обещаю, господин агент, но я попробую. - После чего разговор был прерван появлением Черрика.

Лицо хозяина было бледным и растерянным, словно он увидел привидение или чёрта во всём его великолепии: в козлиной шкуре, с рогами и огромными копытами. Он попытался подняться со стула, не смог, плюхнулся на него, но затем все-таки встал, пытаясь спрятать дрожащие руки за спиной, и не сказал, а, скорее, промямлил:

- Добрый вечер, господин Черрик.
- Добрый вечер, господин Кобурн, в тон ответил Питер. Что это с вами?
- Э-е-е, да так... видите ли, я просто не ожидал... ничего особенного, просто небольшие неприятности.
- Надеюсь, они не связаны со мной, господин Кобурн? насмешливо спросил Питер.
- Э-е-е, нет, что вы, сэр, никаким образом, забормотал домовладелец. С вами никаких неприятностей, сэр, одно удовольствие иметь дело с такими клиентами, сэр.
  - А где же ваш консьерж, почему вы сами?
  - Да, э-е-е, сэр, видите ли, Джон неожиданно заболел, и мне вот, пришлось.
  - Ну, хорошо, хорошо, Кобурн, доброго вам вечера. А я пойду, отдохну.

Прежде, чем открыть дверь, Питер посмотрел в оба конца коридора, проверил электронный код, замки и только после этого стал открывать. Но что-то в последний момент его остановило. Что, он и сам не смог бы объяснить, но тревожный звоночек в голове прозвенел. Будто что-то забыв, он спустился вниз, вышел к машине и долго ковырялся в перчаточном ящике, словно что-то там искал. Затем снова вошёл в здание и увидел встревоженный прямой взгляд Кобурна. Объяснил:

- Вот, ключи забыл.

Поднявшись на этаж, Питер пошёл медленнее, внимательно оглядывая коридор. Перед своими дверьми у самой лампы дневного света он обнаружил маленькую чёрную точку и сразу понял, что здесь совсем недавно установили камеру видеонаблюдения. Он сразу узнал её, потому что такими же "кнопочками" был оснащён и его офис. Возможно, здесь же было установлено и сканирующее устройство, чтобы определить электронные коды двух замков. Питер усмехнулся и стал открывать замки: информированный человек всегда защищён, а коды он в любое время может сменить. Интересно, кому же понадобилась его комната.

Войдя в квартиру и включив свет, Питер аккуратно и надёжно закрыл за собой дверь и прошёл из комнаты в комнату: будто бы всё было в порядке. никаких следов постороннего присутствия. Он облегчённо вздохнул и посмотрел на дисплей сотового телефона - до оговорённого часа время ещё было. Питер знал, что одно окно выходило в сторону подъезда, а другое как раз в сторону заброшенных мастерских. Он выключил свет во второй комнате и слегка отодвинул край плотной шторы. Сначала ничего не рассмотрел, но потом увидел салон автомобиля, освещённый мягким голубым светом. Питер поставил небольшой телескоп, через который в минуты ожидания он рассматривал ночное звездное небо, сменил насадку и направил окуляр в сторону автомобиля. Его владелец сидел за рулем и с кем-то разговаривал по телефону. Питер почти не сомневался, что этот незнакомец разговаривал с Кобурном, владельцем отеля. Он был в широкополой шляпе, и тень от плафона падала прямо на его лицо. Но вот незнакомец закончил разговор, раздражённо, судя по движению губ, что-то сказал и бросил шляпу на сиденье рядом с собой. С удивлением Питер узнал в незнакомце своего старого знакомого детектива Шелли Бёрна. Так вот кто следил за ним в эти последние дни. Наверное, пора с ним серьёзно поговорить, тем более что Питер как раз и собирался это сделать. Но это не сейчас, не сегодня, потому что стрелки на стенных часах показывают без пяти минут восемь.

17

Второй раз за последнюю неделю! - нет, это уже перебор. Это было первое, что подумал Алексей, когда он очнулся от встряски, пощупал огромную шишку на затылке и потрогал рану на левой руке ниже локтя. Рана сильно саднила и, судя по липкости, кровоточила. Их посудина перекатывалась с одного бока на другой и скрежетала, словно баба Яга зубами. А может, у бабы Яги и зубовто не было, подумал Алексей, надо обязательно при случае перечитать русские народные сказки. Плафоны не светились, значит, электричеству пришли кранты, но в каюте было относительно светло. Алексей сначала не понял. откуда исходит свет, а потом увидел, что он просачивается сквозь грязные жёлтые стёкла иллюминаторов.

Но сейчас не это было главное, главным было то, что они находились на суще, ну, если не на полной суще, то на берегу, потому что волны шипели, ударяли в борт, словно силясь его пробить, и раскачивали их ковчег. Алексей помотал головой, отгоняя боль и одурь, скопившуюся за последние дни, и осмотрелся. Глафиры снова нигде не было. Неужели опять спит? Он не понимал, как можно было спать в такие минуты, когда человеку грозит опасность или когда во все два киловатта звучит музыка. Впрочем, с Глафирой это случалось и раньше: она могла заснуть на заднем сиденье мотоцикла во время езды, на концерте классической музыки; однажды, когда они совершали на автобусе "кругосветку" по Золотому кольцу и попали в аварию, Глафира от удара только потянулась и сонно спросила: "А что случилось-то?"

Алексей стал шарить в полутьме, обыскал все уголки, но Глафиры так и не

нашёл. Чёрт побери, не испарилась же она, не на шутку испугался Алексей. Стап звать:

- Глашка, ты где? Да отзовись же, ради Христа. Глашенька, Глашенька, уже во весь голос орал Алексей, чувствуя, как от недоброго предчувствия у него по телу начинают бегать мурашки. - О, Боже!

Алексей стал снова исследовать внутренность судна, на этот раз более тщательно, и, в конце концов, нащупал волосы. Глафира лежала под полкой, которая накрыла её. Алексей приподнял полку, вытащил жену на потолок, который теперь стал полом, и приник ухом к её груди. Облегчённо вздохнул: сердце Глафиры билось, словно отхрометрированные часики. Ощупал её тело, и нашёл на голове рану с шишечным пузырем. В хаосе, который царил в каюте, кое-как нашел аптечку, раздавил крошечную пластиковую апмулку, не забыв обвернуть ее кусочком ваты, и поднёс к носу жены. Глафира сначала не реагировала, потом заворочалась, замотала головой и, чихнув несколько раз, открыла свои прекрасные глаза. Увидев Алексея, со стоном спросила:

- Что со мной, Лёша? У меня голова раскалывается. Она обняла свою голову руками. - Ой, мамочки, как больно! Что со мной, а?
- Ничего, всё теперь в порядке, просто ты ударилась и потеряла сознание, объяснил Подноветный. Ты полежи, полежи, скоро всё пройдёт. Ты есть не хочешь?
  - Господи, какая еда! Мне попить бы, холодненькой, простонала Глаша.

- Сейчас, сейчас. Ты лежи, я скоро. Алексей подошел к прикрепленному к стене холодильнику, оттянул ручку и открыл дверцу. На пол посыпались корзинки, съестные припасы, свёртки, пакеты, бутылки. Морозильная камера оказалась наверху. Алексей потрогал её рукой - она оказалась ещё холодной.

Он напоил жену, сделал несколько глотков сам и когда понял, что Глафира окончательно пришла в себя, стал думать, как выбираться наружу. Половина яхты лежала как раз на люке, через который выбраться было невозможно. Правда, когда она кренилась под напором очередной волны, дверца люка освобождалась, в ней хлюпала вода, но просвет был таким маленьким, что через него могла бы пролезть разве что мышь. Оставался один выход - через иллюминаторы, потому что кингстоны разработчиками яхты предусмотрены не были. Алексей стал примеряться - пролезут ли они с Глафирой через них, если их чем-то разбить. Оказалось, что смогут.

Окончательно пришедшая в себя Глафира начала соображать и задавать вопросы:

- Лёш, а что это шуршит?
- Галька, наверно, или песок, терпеливо ответил Алексей.
- А откуда здесь песок? задала глупый вопрос Глаша.
- Потому что шторм выбросил нас на сушу.
- А на какую сушу?
- Что значит на какую, на обыкновенную.
- Так мы что же, больше не плывем, мы не в море?
- Ну, наконец-то до тебя дошло, ехидно отозвался Алексей.
- А где мы, на каком материке, в каком государстве? донимала Глафира. У нас ведь и виз-то нет.
- Ну у тебя и вопросики! Откуда я знаю, где мы. Нам ещё из своей скорлупки выбраться надо. Отстань, холера! прикрикнул Алексей.

Глафира притихла, а Алексей стал искать хоть какой-нибудь инструмент, чтобы разбить в иллюминаторах стёкла, но под руку ничего подходящего не попадалось. Он подумал, что в моторном отсеке должны быть инструменты, но туда попасть не удалось, потому что дверь перекосило и заклинило. И тут он вспомнил про рундук, где хранилось всякая всячина, но беда была в том, что этот рундук висел над головой, и как его открыть, чтобы его содержимое не упало на голову, Алексей не знал.

Он сел рядом с задумавшейся Глафирой, обняв свои колени. Через несколько минут вскочил и закричал:

- Глашка эврика! Нам надо отодрать эту откидную скамью. Давай, вставай, хватит хандрить!
  - Зачем? жалобно пропищала Глафира.
  - Сейчас узнаешь, зачем. Вставай, пошевеливайся!

Скамью они отдирали с полчаса, и когда это удалось, столько же отпыхивались, вытирая с лиц пот.

- А теперь что? спросила Глафира.
- А теперь будем бить этой штукой по этим проклятым замкам, ответил Алексей. Только берегись, смотри, чтобы всё богатство этого волшебного сундука не посыпалось тебе на голову.

С запорами справиться было легче: уже через несколько минут крышка ударилась о борт, и из рундука с грохотом посыпалось богатство. Алексей даже не ожидал, что увидиттакой Клондайк. Чего здесь только не было: ножовка, молоток, топорики, пачки сухих спиртовых таблеток, палатки, газовые баллончики, свернутые фалы, пластыри для заделки пробоин в борту, мешочки с неизвестным содержимым. Алексей мысленно поблагодарил Саида за предусмотрительность и хозяйственность и помолился за его здоровье.

Выбить иллюминаторы было делом времени и техники. Первое, что сделали путешественники, - это надышались свежим воздухом, который рванулся внутрь яхты. Глафира, по праву семейного старшинства, первая высунула голову и закричала, словно Колумб при открытии Америки:

- Терра! Земля! Ура-а-а!

Алексей хлопнул её по попке и проворчал:

- Вот русская привычка по каждому поводу "уря" кричать. Ещё неизвестно, где мы находимся. Может, на необитаемом острове, а может, тут людоеды живут. Слопают нас и не подавятся.
- Ну и что, в эйфории кричала Глаша, они ведь тоже люди! Они нас поймут, вот увидишь. А если здесь даже никого не окажется, тоже не беда, будем жить вдвоём. Понизив голос и ласково глядя в глаза мужу, добавила: А потом и втроём.

Алексей обнял жену и прошептал:

- Эх, глупышка, для тебя, видно, везде рай.
- Конечно, также шепотом ответила Глафира. Если ты рядом со мной.
- Ну, ладно, давай выбираться, сказал Алексей, осторожно отстраняя от себя жену. Дай-ка и мне взглянуть, что там, за бортом.

Выглянув наружу, Алексей увидел крошечную бухту, куда их прибило, недалеко от берега небогатую растительность и метров в двухстах высокие серые и чёрные скалы. Он невольно содрогнулся, представив, что если бы их выбросило волнами не на отмель, а на эти скалы. Ну, ладно, проехали. Яхта лежала на галечном пляже моторным отсеком в воде и чуть наискось, и это было хорошо, потому что не придется плюхаться в воду. Погода стояла хорошая, ясная, солнышко не калило, как в тропиках, а ласкало, и сейчас Алексей согласился с женой: может, они и на самом деле попали в рай. Но не мешало бы разведать, кто в этом раю обитает и насколько он приспособлен для человеческого обитания.

Глафире он сказал:

- Вот что, Глаша, ты оставайся пока здесь, а я пойду, осмотрюсь.
- А я, закапризничала жена. Мне надоело жить в этом склепе. Я тоже хочу посмотреть.
- Ну, смотреть тут особенно не на что, земля как земля, а поостеречься не мешает. Я быстро.

Алексей вылез через иллюминатор и оказался на земной тверди, не забыв при этом экипироваться: он прихватил с собой нож, ракетницу с десятком патронов, отрезал фал метров пятнадцать длиной и пошел в разведку, не забыв сказать жене через отверстие:

- Никуда не выходи, я скоро. Если что, у тебя есть топор: не раздумывая, руби врага по голове.
  - Ага, согласилась Глафира. Я и муху-то боюсь убить.
  - Ты еще не знаешь, что такое страх смерти, милая. Захочешь жить убъёшь.
  - Ни за что! твердо ответила Глафира.

Алексей начал с оглядкой и предосторожностями удаляться от яхты, которая в эти минуты с каждым шагом начинала казаться ему одним из самых надёжных прибежищ за последние недели странствия: сначала просто плавательным средством, затем спасительным укрытием от всех невзгод, которые выпали на их долю, потом домом, а когда он отошёл от неё примерно на две сотни метров, то и крепостью. Кто знает, что ждёт его вон в том лесу

или за теми скалами, или вон за тем дальним изгибом берега, где лес подходил к самой воде.

Первое, что порадовало Алексея, - это то, что земля была населена, ну, если не людьми, то птицами и животными. Из леса доносился щебет, скрипение, жужжание, гуканье, визг и лай, что не добавляло оптимизма, потому что неизвестно, с каким зверьем придётся встретиться, но оставляло надежду, что будет чем прокормиться, если они вдруг окажутся робинзонами.

Чтобы узнать, где ты находишься, нужно сделать что? Правильно, подняться на самую высокую точку местности и осмотреться. Самым подходящим для этого местом Алексею показался тот самый утёс, который он заметил из иллюминатора. Идя к нему вдоль берега, Подноветный обратил внимание на то, что здесь не было никаких следов обитания человека. Человек всегда оставляет следы: кострища, мусор, срубленные деревья или хотя бы сломанные ветки, следы ног. Ничего этого Алексей не нашёл, и это обстоятельство его сильно встревожило: неужели они оказались вне цивилизации? Рано, рано беспокоиться.

Утёс оказался выше, чем предполагал Алексей, по камням и осыпям до вершины он добирался не меньше часа. От усталости сбилось дыхание и дрожали ноги. Алексей мысленно себя укорил: "Давненько, парень, ты не ходил в походы и не тренировался, вот и ослаб. Но времени для этого, по всей вероятности, будет много". Невооружённым взглядом трудно было определить, где он находился, и потому пришлось воспользоваться мини-биноклем. Там, в глубине земли, к которой их прибило, среди тумана Алексей рассмотрел нагромождения скал, ещё более крупных и высоких, чем тот утёс, на котором стоял. Вдоль береговой линии в зоне видимости он видел скальное кольцо, похожее на ожерелье и заросшее у основания растительностью, но нигде ни дымка, ни шевеления, которое выдавало бы присутствие человека. Одно хорошо: туман в низине означал одно - здесь есть вода, живая пресная вода, которая так необходима человеческому организму.

Алексей долго вглядывался в даль океана, который сегодня был на удивление спокоен, словно уснувший богатырь, накануне уставший от битвы. Там ничего: ни судна, ни лодчонки. Подноветный посмотрел направо, и сердце его ёкнуло - там он явственно различил острова: некоторые крохотные, почти голые, но два острова были большими, по его прикидкам, никак не менее пяти - шести километров длины. Может быть, там есть люди? Алексей до темноты и рези в глазах всматривался туда, надеясь обнаружить хоть какое-нибудь присутствие человека, но так ничего и не увидел. Неужели он с Глафирой тоже на острове? Как она там?

Алексей посмотрел в сторону их посудины и выругался:

- Чёрт, чего это она там делает? Вот неугомонная баба!

Прошло минут сорок, пока он спустился с утёса и добежал до яхты. Глафира, визжа и чертыхаясь, выбрасывала из раскуроченного иллюминатора всё, что только можно было выкинуть. И всё это летело прямо в воду. Только сейчас Алексей догадался, в чём дело - приливы, как же он мог об них забыть. Вода прибывала, и тяжёлый моторный отсек их яхты уже качался на невысоких прибрежных волнах. Ещё немного и посудину унесёт в море. Увидев мужа, Глафира закричала:

- Чёрт тебя побери, где же ты шлялся! Твою дорогую жену унесет сейчас в море, а ты и в ус не дуешь. Помогай, чего стоишь истуканом!

Алексей в одно мгновение оценил обстановку и закричал:

- Топорик где?
- Чего?
- Топорик, говорю, давай! заорал вне себя Подноветный. Быстрее!

Схватив выкинутый Глафирой топорик, Алексей бросился к лесу, - благо, что недалеко - срубил несколько толстых кольев и опрометью кинулся назад. Вбил один кол в песчано-галечную смесь, попробовал, крепко ли он держит, привязал к нему обрезок фала, а другой конец продел в проушину на носу яхты и тоже затянул узел. Конечно, такое крепление вряд ли выдержит плавучесть многотонной махины, но какое-то время их ковчег останется у берега. Потом Алексей кинулся к воде и стал вытаскивать из неё на сушу всё, что успела выкинуть Глафира, но того, что ему было сейчас необходимо, не было. Он закричал:

- Веревку давай!
- Зачем? снова задала глупый вопрос Глафира, но сразу же исчезла в окне. Минуту спустя из него вылетела и шлепнулась в воду, поднимая брызги, тяжелая бухта нейлоновой верёвки.
- А теперь вылезай сама! скомандовал Алексей и предупредил: Только, я прошу тебя, не спрашивай, зачем!

Он помог жене вылезти из иллюминатора и ощутить земную твердь. Яхта сразу же обрела легкость и плавучесть и стала потихоньку отходить от берега. Но привязь всё-таки её держала. Алексей подал конец верёвки Глафире и приказал привязывать его к проушине, а сам, разматывая бухту, побежал к ближайшему дереву. При этом талдычил про себя только одно: "Лишь бы хватило, лишь бы хватило". Верёвки хватило, метров пятнадцать ещё оставалось. Алексей крикнул:

- Ты привязала? - После утвердительного кивка Глафиры ещё: - Крепко? Алексей завел верёвку за ствол дерева и, уперевшись ногами в песок, стал её натягивать. Почувствовал, что она стала укорачиваться, и довольно усмехнулся.

Всё, что выкинула Глафира из яхты, отнесли подальше от берега, почти к самому лесу. По песчаным извивам на берегу Алексей определил, до какого места достигает вода во время прилива и показал:

- Вот здесь мы будем обживаться.

Глафира спросила:

- А тут что, никто не живёт, здесь нет никаких поселений, домов?

Жену Алексей расстраивать не захотел:

- Откуда я знаю. Вот обживёмся здесь немного, а потом будем думать, как, где и кого искать.

Когда забрали из ковчега продукты, Алексей заметил, что вода поднялась ещё выше. Он снова подтянул половину катамарана ближе к берегу. Развели костер. Глафира, почувствовав запах дыма и ощутив жар первобытного огня, как настоящая представительница древней хранительницы очага, засуетилась. Поставила кастрюлю с водой на угли, открыла банку тушёнки, вывалила её содержимое в кипяток, добавила рожки, всыпала специи. И уже через десять минут они хлебали варево прямо из кастрюли, гремя об край ложками и грызя галеты. Потом Глафира вскипятила в чайнике воду, залила её в термосы и всыпала в них растворимое кофе. Глядя, как

сладколюбивая жена кладёт в свой пластиковый стаканчик три ложки сахару, хотел сказать, что продукты надо бы поберечь, потому что неизвестно, что ждёт их завтра, но передумал - пусть пока посластёвничает.

День угасал, этот странный день их новой жизни. Разбили на берегу палатку, не забыв постелить под неё ветки какого-то пахучего дерева, и легли спать. Глафира была необычно немногословна, она залезла в палатку и тут же заснула. А Алексей ещё несколько раз вылезал наружу, подходил к дереву и натягивал верёвку, чтобы подтянуть посудину ближе к берегу. Ему не хотелось терять свой ковчег, на котором он с Глашей провёл эти трудные дни. Наконец, заснул и Алексей, обняв свою жену, такую тёплую и родную.

18

Российская подводная лодка возвращалась из очередного дежурства в Вилючинск, город на Камчатском полуострове, где находилась одна из постоянных баз подводного флота страны. Натовцы во главе с Соединёнными Штатами Америки снова "шалили" на Ближнем Востоке. Одержимая распространением идеи собственной демократии по единому, конечно, американскому, образцу, военная машина США на своих титанических гусеницах на этот раз стремилась вползти в Иран, который непосредственно граничил с Россией. Обеспокоенное таким положением дела, российское правительство вынуждено было контролировать не только воздушное пространство на своем юге, но и акватории в Персидском и Оманском заливах, в Каспийском, Чёрном и Средиземном морях.

С этой целью атомный подводный крейсер с новейшими ракетами "Булава" и находился в этом районе. И когда на смену ему пришла другая субмарина, крейсер отправился домой. Чтобы уставшему экипажу не идти малыми глубинами и не шнырять по опасным проливам между сотнями островов Зондского архипелага, командование, удовлетворённое выполнением задания, разрешило пройти по менее опасному и более предсказуемому маршруту: обогнув Австралию и острова Папуа - Новой Гвинеи и по сто шестидесятому меридиану подняться домой.

Командир подводного корабля капитан первого ранга Капитанов, которому экипаж дал негласное прозвище Кэпа в Квадрате, а ещё проще Квадрата, во время перехода своих ребят сильно не напрягал и даже позволял некоторые вольности, запрещённые уставами и инструкциями. Квадратом его звали за то, что и звание - капитан первого ранга, и фамилия - Капитанов были идентичными. Капитан Капитанов - не очень звучит, знаете ли, а если назвать Кэп в квадрате, то коротко и понятно, а если Квадратом, или Кэпом-2, то еще короче. А краткость команд и обращений на флоте поощрялась, потому что позволяла быстрее и слаженнее решать боевые задачи.

Но Квадратом или Кэпом - 2 командира звали ещё и за то, что он был самым опытным командиром-подводником на всём флоте. Как подсчитали влюблённые в своего командира члены экипажа, за двадцать лет своей службы капитан "обвернул" кормовым шлейфом земной шарик не менее пятнадцати раз, и если сложить все его подводные мили, то можно было слетать на Луну и вернуться обратно. Да и сам по себе командир телосложением напоминал эдакий кубик на крепких, кривых ногах.

Никто из подчиненных никогда не видел своего командира кричащим или раздражённым, он всегда был ровным в общении с матросами, младшими командирами, командирами отсеков и служб. Он всегда вёл себя так, будто и не существовало в его жизни никаких проблем.

Но проблемы у Капитанова были. В последние годы его большая семья из троих детей, жены и старой матери раскололась на три лагеря: старший, в который входили жена и мать, женский детский, состоящий из двух дочерей, и мужской, состоящий из отца и сына. Семья распадалась. Привыкший командовать спаянным матросским коллективом, Евгений Михайлович Капитанов не знал, что делать с семьёй, как разрешать проблемы, возникшие в ней. Когда лодка была в походе, они как-то незаметно уходили на второй план, лишь иногда теребя душу, но каждый раз при возвращении домой Евгений Михайлович чувствовал, как груз семейных проблем начинает давить на психику сильнее, чем многометровая, многотонная толща воды при подводном погружении.

Вот и сейчас он лежал в своей командирской каюте и вспоминал тяжёлый семейный разговор перед походом. Задавала тон, как всегда, старшая дочь Татьяна, которой исполнилось восемнадцать лет:

- Папа, ну когда же ты отправишь меня учиться в университет? Я уже полгода шляюсь без дела. Мне надоело на почте штамповать эти чертовы письма и упаковывать бандероли.
- Ты, дочка, погоди немножко, вот вернусь из похода, заработаю денежек и тогда...

Перебила Капитанова мать:

- И чего хорошего ты нашла на этом краю света? Краем света бабушка считала Владивосток, хотя сама родилась и выросла в Ленинграде. Одни гулянки на уме. Чем тебе здесь плохо спокойно, тихо, тепло. Выходила бы замуж за Володьку он вон, все стены подъезда обтёр, пока тебя, калмынку, дожидается.
- Нужен мне ваш Володька! Подумаешь, лейтенант-капитан, капитанлейтенант. Я уже насмотрелась на маму. Не хочу! Уйдут в море на полгода, а ты их жди маяком на берегу. Да и что хорошего в вашем Вилючинске сопки кругом, одни мореманы, как будто весь город грачи заселили, одни чёрные мундиры.
- Ты не права, дочка, пыталась остепенить пыл Татьяны мать. Служить, родину защищать тоже кому-то надо. Разве жизнь только в студенческих да светских тусовках? Вон Колька наш тоже скоро училище заканчивает, тоже подводником станет...
- Ну и что же хорошего, перебивала Татьяна, что же, по-вашему, всем на этом свете ихтиандрами быть, да? Всем в глубину, да? Мама, я юристом быть хочу, а у нас, как ты знаешь, таких факультетов нет.

Казалось бы, вечный и не новый обыкновенный спор отцов и детей, который рано или поздно разрешается, но на душе командира Капитанова он оставил глубокую царапину. Раздумья командира прервала громкая связь:

- Товарищ каперанг, у нас проблемы.
- В командирской рубке вахтенный офицер доложил:
- Кажется, нас пасут. Слухач засёк шумы.
- Чьи, где? коротко спросил Капитанов.
- По определению, английская подлодка класса.....

- Давно она за нами идет?
- Минут десять.
- Почему сразу не доложили.
- Так ведь думали, что просто случайная, а она идет за нами, как приклеенная.
- Какого хрена ей надо, ведь мы не прячемся и не играемся, недовольно проворчал капитан, идём в надводном положении, все документы у нас в порядке. Может, мы зашли в чужие территориальные воды?
  - Никак нет, идем в нейтральных водах.

Командир оживился, усмехнулся и потер руки:

- Ладно, если они хотят, то давай поиграемся. - Он нажал на кнопку связи и рыкнул в микрофон: - Внимание, полная боевая готовность! - Обернулся к своему помощнику. - Разомнёмся, а то экипаж ходит сонными мухами.

И тут же посыпались команды:

- Приготовится к погружению! Слушать в отсеках! Доложить готовность! И тут же в динамике послышались отчёты:
- Реакторный отсек готов! Боевая готова! Машинный готов!
- Срочное погружение! Дифферент по курсу пять!

Подлодка ушла в глубину. Командир не боялся проверить экипаж ещё раз, ведь им приходилось работать и в более сложных условиях. А тут и глубины хорошие, и команда нашколированная, командиры и экипаж опытные. Сколько раз им приходилось играться с подводными лодками США, и всегда они выходили победителями. Да и крейсер у них что надо, таких в мире единицы: маневренная, практически бесшумная, оснащённая самым современным грозным оружием. Ход у субмарины 44 узла, это, почитай, 80 километров в час, две атомные силовые установки, лёгкий, прочнейший корпус из титанового сплава. Такой не страшна никакая субмарина в мире.

В подлодке почти тишина, слышны лишь пощёлкивания эхолота да тихие команды из отсеков. Часа через два раздался довольный и одновременно насмешливый голос командира слухачей:

- Товарищ командир, преследователи в пене.

А это означало, что противник их потерял и остался далеко за кормой их крейсера.

- Ясно, спасибо, ребята, ответил Кэп-2. Спросил: Как погода наверху?
- Свежо, товарищ капитан первого ранга, последовал ответ. С северовостока движется большой циклон. Волнение пять баллов. Видно, быть шторму.
  - Хорошо, пересидим внизу, ответил командир.

Капитанов любил обходить корабль после каждой тревоги. Вот и сейчас он пошёл по отсекам, чтобы лично проверить состояние подлодки и прочувствовать дух экипажа. Все на своих местах, смена после вахты отдыхает, кто-то проводит свободное время за шахматами, нардами, шашками, кто-то рисует, кто-то пишет, кто-то травит анекдоты, из кухни доносятся аппетитные запахи пищи, значит, и обед будет сытным, вкусным и по расписанию, как и заведено на флотской службе. Но что-то тревожно на душе у командира.

А предчувствия его никогда ни разу не обманывали. Так было, когда он однажды столкнулся с девушкой в подъезде, которая спешила к подруге. Он задел ёе плечом, и та уронила сумочку. Он лишь помог поднять ей сумочку, извинился, взглянул в её большие, ореховые глаза и подумал, что она могла бы стать его женой. Капитанов не спросил даже её имени, просто ушел и всё. И

надо же было такому случиться, что через два года после окончания училища он встретил эту девушку на похоронах. Оказывается, у её подруги погиб в автоаварии парень, а этот парень был братом его сослуживца. Переплетения судьбы. Тогда он и начал встречаться с Ниной, которая уже через месяц стала его верной подругой.

Не обмануло его предчувствие, когда все - и жена, и тёща, и его мать - ждали девочку, а он с маньячным упорством доказывал, что первым родится обязательно сын, который тоже будет подводником, хотя вся приметы указывали, что первенцем должна была быть девочка.

Так было, когда их экспериментальная лодка проходила испытания, и у неё отказали двигатели. Лодка, что называется, "села в лужу" да так неудачно, что приднилась рядом с грудой железа, которая оказалась затопленной ещё в годы Великой Отечественной войны сторожевиком. Но тогда об этом ещё никто не подозревал. Не сработал и радиобуй. Да и глубина была приличной - около двухсот метров, из такой в спасательных костюмах не вынырнешь. Чтобы обнаружить себя, подводники применили старый, испытанный метод - стучали по корпусу лодки, отбивая азбуку морзе, но их почему-то никто не слышал. Злую шутку сыграла система бесшумности подводной лодки, когда один корпус вкладывался матрёшкой в другой корпус, и их друг от друга разделяла новейшая, только что разработанная спецами противошумовая изоляция. Команда была в депрессии и панике, пластины регенерации кислорода уже заканчивались. Никто, даже сам командир, уже не верили, что кто-то придет им на помощь, и только Капитанов, который в то время был командиром одного из отсеков, всё о чем-то размышлял, чертил на бумаге схемы, комкал и кидал эти бумажки в корзину и говорил:

- Не дрейфь, ребята, через два-три дня спасатели будут здесь. Просто они сразу сделали ошибку, а на её исправление нужно время.

И когда отчаявшийся командир спрашивал:

- Откуда ты знаешь? Ведь они уже два раза проходили над нами.

И тогда Капитанов разложил на столе листок, на котором был нарисован полуглобус, в центре сходились меридианы, а его опоясывали широты, и стал показывать:

- Вот, смотрите, мы находимся вот здесь. Он ткнул на полюс. Поисковики находятся здесь. Он показал на сетке расположение трёх кораблей. Они уже дважды проходили над нами, но им что-то мешает определить наше месторасположение. Вопрос: что?
  - И что? спросил командир.
- Видно, мы приземлились, ребята, рядом с какой-то старой, ржавой калошей, и она по размерам или намного больше или намного меньше нашей подлодки. Эхолоты натыкаются на неё, определяют её размеры, а они нашим параметрам не соответствуют. И спасатели снова уходят. В конце концов, они догадаются, что мы чуть ниже и находимся где-то рядом.

Тогда их действительно нашли на третий день, как и предсказывал Капитанов, и спасли. Спасли и лодку. Именно после этого случая Евгения Михайловича Капитанова повысили в звании и назначили старшим помощником.

Но Кэп-2 чувствовал не только радостные мгновения, но и беду. Поэтому все последние часы он не находил покоя: то ложился на кровать, то вставал, то снова обходил отсеки, и постоянно спрашивал синоптиков:

- Кактам, наверху?

И слышал один и тот же ответ:

- Наверху шторм, товарищ каперанг.

Шторм закончился только через двенадцать часов, наступила минута, когда погода позволяла идти в надводном положении, но командир всё равно был неспокоен - он все ещё колебался, давать ли команду на всплытие. Казалось бы, будничное и простое для подводника мероприятие - подняться из глубины на поверхность моря, но бывают такие минуты, когда в самом простом положении душа не находит места, будто на неё воздействуют какие-то магические, мистические силы. То же происходило на этот раз и с Капитановым Евгением Михайловичем, командиром подводной лодки. Но решаться рано или поздно нужно, тем более что на поверхности нормальная погода для этих широт, на экране эхолота чисто да и команда подустала, находясь в напряжении, которое вызывает подводное плавание. И вот долгожданная команда на всплытие:

- Продуть цистерны! Дифферент по курсу один градус!

Почему такая осторожность, ведь морские глубины на десятки миль пусты, рядом никаких островов и рифов? Крейсер их класса может выныривать с таким изяществом и шиком, что и дельфины позавидовать могут. Что-то осторожничает их командир. Слышен голос матроса:

- Сто девяносто метров. Сто восемьдесят пять. Сто восемьдесят. Сто семьдесят пять...

Медленно, ох как медленно для субмарины это черепашье всплытие, но командиру виднее, он самый опытный подводник в российском флоте, он знает, что делать.

- Сто шестьдесят метров, сто пятьдесят пять, сто пятьдесят, сто сорок пять, сто сорок...

До тридцати метров можно всплывать без опаски, потому что судов с такой глубокой осадкой в мире еще не существует.

- Сто десять, сто пять, сто, девяносто пять...

И вдруг голос "слухача":

- Товарищ командир, прослушиваются непонятные шумы.
- Что за шумы, определить можете? кричит Капитанов в микрофон.
- Никак нет. "Слухач" явно в растерянности, голос его срывается от волнения. Совершенно непонятные шумы, определить невозможно!

И новый крик командира:

- Прекратить всплытие! Наполнить цистерны балластом! Стоп машины!

И в этот момент всё нутро подводной лодки наполнилось оглушающим скрежетом металла о металл. Раздались панические крики и ругань с русским матерком. Подлодка дала резкий крен на левый борт, снова что-то заскрежетало, потом раздался глухой удар, ещё один... Сам командир ударился головой об трубку и потерял сознание.

(Продолжение следует).

Виктор СЫСУЕВ

Басни

Кот и рак

Кот жил в однокомнатной квартире вместе со своим хозяином-холостяком. Хозяин много курил в квартире. Однажды в гости к ним приковылял Рак и давай ругать хозяина Кота за его пагубную привычку.

- Как ты, Кот, можешь жить здесь в этаких антисанитарных условиях? Дышать дымом с никотином, ведь так и помереть недолго! Пусть твой хозяин выходит курить хотя бы на балкон. Так и "волки будут сыты и овцы целы", да и ты, Кот, живым останешься...
- Да, ничего не случится, оправдывается Кот, сейчас время такое все дымят-курят. Ученые коты говорят, что по статистике в XXI веке число курящих котов, мышей, особенно кошек здорово возросло!

Прошло время. Кот тот умер. Пришел к хозяину ветеринарный врач и объяснил, что его сожитель умер от рака легких. Был Кот пассивным курильщиком, потому организм его не вырабатывал вещество, которое нейтрализует никотин. Что всем известно - даже капля никотина способна убить и некурящую Лошадь...

Так хозяин остался живым, питомца пришлось схоронить.

Мораль проста: хозяева, бросайте-ка курить! А также все неразумные коты, котята, особенно кошки! Если не будет среди вас пассивных курильщиков, то резко увеличится и общая продолжительность нашей жизни...

Ай, да Осел!

Сели как-то в кружок и стали жаловаться на жизнь пенсионеры: Осел, Козел и Собака. Собака все жалобится, что она все время недосыпала и недоедала, охраняя хозяйское добро и двор. А сейчас живется ей - хуже любой дворняти: конура без отопления построена, волки-сантехники приходят и требуют

бутылку водки на опохмел, а денег - на лапу, но ни тепла, ни удобств в конуре от того не прибавилось...

И у Козла дела не лучше были.

Жаловался: дескать, болеет, рога не растут более - не хватает кальция. Нужны лекарства... Звери вот оскорбляют друг друга, ругаются "козлом", козы неверные над мужьями надсмехаются за то, что у тех рога выросли... Пошел Козел раз в больницу, а там все деньги разворовали страховые компании вместе с врачами, ведь их никто не контролировал...

Тут и Осел тоже стал поддакивать страдальцам: инфляция, мол, пенсии ниже прожиточного уровня стали...

И решили наши герои пойти в собес и пенсионный фонд, просить прибавки. Собаке увеличили базовую часть пенсии. Козлу - страховую. А вот Ослу - сразу и базовую и страховую, вдобавок выдали ветеранское удостоверение, по которому назначили льготы.

Собрались друзья вновь, стали расспрашивать Осла: как ему это удалось провернуть? Оказалось все просто: начальник фонда был родственником Осла - Ишаком. Он и достал ему справку, что Осел отличился в колхозе на уборке картофеля. Так "заслужил" Осел себе правительственную награду...

Ай да Осел! Не всегда те, кого так называют, на самом деле ослами оказываются на поверку. Иногда они оказываются изворотливее многих других умных животных!

Саммит

Собрались как-то писатели-насекомые на литературный саммит. Двухвостка стала жаловаться:

- Плохи ныне литературные дела. Раньше, в XIX веке, например, были настоящие писатели-гиганты, а сейчас измельчали творцы. Участвовала я как-то в конкурсе гимнов, первое место присудили не мне, говорят потому, что у меня два хвоста только, а им нужен треххвостый писатель. Я и не слышала, что такие бывают в жизни, а начальство твердит, что есть?!
- Выпускала я книгу лирических стихов, но ее забраковали, стала рассказывать поэтесса Мокрица, говорят, что ты еще недостаточно мокра, нам сейчас нужнее книги поэтов, которые мокры с головы до ног...

Разочарован был и Клоп-краевед. К нему придрались за то, что от него несет клопиным запахом, но... не достаточно сильно! Потому и книги его не пользуются повышенным спросом, - считают чиновники от литературы.

Последним выступал Сверчок:

- Все, что вы здесь "набуровили", - говорит, - ерунда! Для писателей есть только один критерий - это талант, а не умение лизать пятки начальству и спонсорам. Талантливы были все наши писатели-классики, и в XIX веке тоже. Именно потому они и стали великими. Учитесь у них, а не нойте и не ищите виновных...

Вскоре после саммита у Сверчка вышли в свет сразу две новых книги, хотя великим он никогда не был. И не будет.

Три любовника

Встретились три обезьяны. Разговорились. Оказывается, все они были в отпусках, ездили отдыхать на юг. Стали делиться своими впечатлениями.

-Попался мне такой любовник, - заявила Мартышка, - блеск! Интеллигентный, застенчивый, - из горилл. Водил о н меня на дискотеки, возил на пикник, угощал чачей, бананами, шампанским с шоколадом и уверял, что краше меня не встречал никого! Что таких обезьян даже в Африке нет. Так продолжалось целых 23 дня, и только на двадцать четвертый день занялся он со мною сексом...

-А мне, - вторит подруге Макака, - попался партийный Гиббон. Он сексом начал со мною заниматься в первый же день знакомства. А потом все 23 дня уговаривал и ублажал меня, чтобы я не донесла об этом грехопадении в президиум его партии...

Долго молчала Шимпанзе, выслушав своих подруг. Вздохнула и горестно призналась:

-А мне нечем похвалиться. В любовники попал простой работяга Орангутанг. Любовью занимались мы с ним все 23 дня беспрерывно. А в последний день выглянули в окно и удивились: там оказывается и море было. Любовник мой вообще его в первый раз в жизни увидел...

Мораль здесь такова: если звери захотят искать себе партнера для секса, то лучше простого работяги - не найти любовника! Они же привычны к добросовестному выполнению своей работы, и ничего, кроме нее не замечают вокруг.

Хроники, события, факты

В номере четвертом за 1950 год в альманахе "Литературный Ульяновск" опубликованы два рассказа нашего земляка, критика и прозаика, кандидата филологических наук, руководителя Мелекесского литературного объединения "Черемшан" Ивана Дмитриевича Хмарского. Это одни из первых его произведений: "Шенбрун" и "Колорийная пища".

В том же году были подведены итоги работы книготорговых организаций в Ульяновской области. На зависть нам, нынешним жителям XXI века, в 1950 году торговая сеть области насчитывала: 50 магазинов объединения "Книготорг", где было продано 274000 экземпляров только художественной и детской литературы, литература продавалась также в 399 магазинах и киосках потребкооперации, 294 киосках "Союзпечати", со 117 лотков офень-книгонош.

Издательством Юни-Пресс в Димитровграде в прошлом году была выпущена большая партия литературы.

Увидел свет второй выпуск краеведческих записок "Страницы прошлого

Мелекесса".

В третьем номере литературного альманаха "Соль на парусах" выступили димитровградские начинающие литераторы С. Зазимко, Н. Семин, И. Елисеева, а также член Союза писателей России А. Осипов.

Интересными получились и книги по истории родного края. В сет вышел краеведческий сборник по Новомалыклинскому району и книга историка А.Милюшова "История мелекесских-димитровградских улиц".

Известный в нашей области писатель-фронтовик, член Союза писателей СССР и России Евгений Степанович Ларин предложил своим читателям

сборник стихов "Цветы сердца".

Для детей написала свою книгу "Карусель" Светлана Зазимко. Книга прекрасно иллюстрирована московской художницей Т.Коршуновой.

В предновогодье увидела свет очередная большая книга стихов "Таинственная лестница" нашего земляка, члена Союза писателей России Василия Коробкова, живущего ныне в Подмосковье.

В 2009 году литературная общественность Димитровграда и творческая интеллигенция города отметят знаменательные, памятные даты:

150 лет исполнилось со дня рождения известного российского прозаика, публициста и театрального деятеля - Владимира Немировича-Данченко, который посещал наш город и Бригадировское имнеие своих родственников.

Алексей Николаевич Толстой 105 лет назад посетил наши края. Он отдыхал и работал над очередной книгой рассказов в бригадировском имении своих родственников-помещиков Тресвятских.

Александр Сергеевич Неверов (Скобелев) 105 лет назад прибыл в посад Мелекесс, где устроился работать "мальчиком на побегушках" в магазине

купца Березина.

Вместе с наступающими войсками Красной армии, 90 лет назад, освободив Мелекесс от белочехов и частей Народной армии Комуча, в нашем городе побывал перед назначением его комендантом освобожденной Бугульмы чешский писатель Ярослав Гашек.

155 лет исполнилось бы мелекесскому крестьянскому поэту и главному библиотекарю посада Спиридону Впасильевичу Денисову.

110 лет со дня рождения исполняется первому редактору мелекесской уездной газеты, первому руководителю мелекесской УЧК, советскому писателю Артему Веселому (Никлаю Ивановичу Качкурову).

95 лет исполнилось бы одному из первых основателей и руководителей городского литературного объединения "Черемшан" Ивану Дмитриевичу

Хмарскому.

85 лет со дня рождения татарская общественность отметит со дня рождения известного педагога, просветителя, писателя, уроженца Мелекесского района - Ибрагима Нуруллина.

С 70-летием поздравляем мы димитровградского поэта, члена Союза

писателей России Валентина Николаевича Манухина.

60 лет назад в нашем городе появился ссыльнопоселенный, осужденный по политической статье, известный советский писатель А.Г.Лебеденко. Он основал в Мелекессе, собрав вокруг себя творческую интеллигенцию города, литературное объединение "Черемшан".

60 лет исполнилось нашему земляку, автору нашего альманаха, члену Союза писателей России, ныне живущему в Подмосковье, Василию Владимировичу

Коробкову.

8 апреля день рождения у известного в мире российского эпатажного художника Никаса Сафронова, чье творчество многолико представлено в Димитровграде. Никас - частый гость нашего города, меценат и благотворитель, покровитель нашей художественно развитой интеллигенции.

Свое тридцатилетие отметит автор двух книг, член ДПО, димитровградский

писатель Денис Трудников.

НЕ ЗАБУДЬТЕ: что - 3 марта мы отмечаем Всемирный день ПИСАТЕЛЯ!

2 апреля - Международный день детской книги. С чем сердечно поздравляем наших коллег димитровградских литераторов, в творческом багаже которых есть детские произведения: Е. Ларина, А. Белову, А. Никонова, Л. Лещенко, Е. Парфенову, Л. Степанову, Л. Артемову и других!

23 апреля - отмечается актуальный для писателей Всемирный день книги и

авторского права.

И, конечно, самый светлый для всех православных христиан праздник в году:

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ - ПАСХА! Это случится 19 АПРЕЛЯ. Редакция альманаха "Совершенно НЕ секретно" сердечно и искренне поздравляет всех с памятными датами!

* * *

150 лет исполняется, как ушел из жизни певец русской глубинки, энциклопедист рыбалки и охоты, сбор грибов, русофил С.Т.Аксаков, не раз бывавший в наших краях.

110 лет исполнится со дня памяти о русском прозаике Д.Григоровиче.

25 лет прошло, как не стало с нами талантливого мелекесского поэта, трагически погибшего в схватке с рецидивистами, Дмитрия Лескина.

15 лет, как с нами нет и одного из талантливых писателей, члена Союза писателей России, руководителя литобъединения "Черемшан", бывшего начальника горотдела КГБ, А.К.Гарипова.Ему исполнилось бы 93 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакции: «Мы - патриоты»	3
«Противостояние с Китаем» Обзор	4
«В этом, друг, и честь, и боль твои» Подборка материалов о наших земляках воинах-«афганцах»	8
КРАЕВЕДЕНИЕ «Мы помним тебя, Сталинград»	51
Валерий Гордеев. «В армии Катукова»	56
Полезные сведения из истории России	65
Тайные истории	68
ПОЭЗИЯ Валентин Манухин. «А войнам нет и нет конца»	71
Александо Осипов. «И тревога неясная в сердце»	76
Юрий Кононенко «Поклон земле»	7 9
Валерий Гордеев. Триптихи	82
Петр Белов. «Хочу я быть дождинкой»	102
ПРОЗА Василий Коробков. «Литераторы»	106
АлександрНиконов. «Ковчег острова Альмендралехо»	124
САТИРИКОН Виктор Сысуев. Басни	154
ХРОНИКИ ЮБИЛЕИ СОБЫТИЯ	157

Литературно-публицистический альманах Димитровградского писательского отделения Союза писателей России, Ульяновского регионального благотворительного общественного Фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД «ЭГИЛА»

Издается с декабря 2008 года при содействии и поддержке депутата Димитровградской городской Думы первого созыва М.Б.ВОРОНОВА

ЗАО «Промсервис» (ген.директор А.А.МИНАКОВ) ООО «ДПЗ» (директор В.В.ДЕГТЯРЁВ)

Редакция выражает им глубочайшую благодарность.

Шеф-редактор альманаха — член Союза писателей России Александр НИКОНОВ.

В выпуске принимали участие: Литературный редактор – член Союза писателей России В. ГОРДЕЕВ. Художник – Г.ГЕНЕРАЛЕНКО. Фотомастера – В. ЗИНОВЬЕВ, А.РОГОВ, В.ВОЛЧКОВ. Компьютерная верстка – Т. БЕРЕНДЕЕВОЙ.

ISBN – 5-85658-028-1 Лицензия: ЛР 030267 от 7.05.97г. Литфонда России.

Адрес редакции: 433512, Ульяновская обл., г. Димитровград, пр. Ленина, д.30, оф. 24. Телефон: 3-37-44.

Произведения авторов альманаха публикуются на безгонорарной основе. Возможна публикация произведений самодеятельных авторов, не заказанных редакцией. На договорной основе.

Выпуск отпечатан в Димитровградской типографии: 433510, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107.

Подписано в печать 1.02.09. Формат 60х90\16. Печ.л. 10,0. Печать офсетная. Тираж 400экз. Заказ № 204. ЦЕНА СВОБОДНАЯ.